

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2017

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.В. Майоров** — Открытие Н.М. Карамзиным Ипатьевской летописи 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Е.М. Миронова** — Евгений Васильевич Саблин 19

СООБЩЕНИЯ

- К.Н. Максимов** — Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе-декабре 1942 г. и ее последствия 44
- Д.Н. Маслюженко, Г.Х. Самигулов** — Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. ... 57
- Н.В. Фёдоров** — Вооруженные формирования Гоминьдана в Индокитае после окончания гражданской войны в Китае 73

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- А.М. Филитов** — Треугольник Москва-Берлин-Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг. 83

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- А.Н. Дугин** — Шифротелеграмма И.В. Сталина от 10 января 1939 года (источниковедческий анализ) 97

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Л.В. Высочков** — Николай I: портрет в миниатюре 113

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Ю. В. Кривошеев** — Неизвестные страницы биографии востоковеда А.Ю. Якубовского 126
- А.Н. Белков** — «Боевой путь» — печатный орган русских карателей 133
- А.Г. Шариков** — Чехословацкий мятеж в Пензе по воспоминаниям очевидцев 141
- В.П. Румянцев, Е.В. Хахалкина** — Теория фронта о начале второй мировой войны 149
- Э. Вагабова** — Зарождение театра в Северном Азербайджане в конце XIX — начале XX в. 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В.Т. Юнгблюд** — В.О. Печатнов, И.Э. Магадеев. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. 168
- М.С. Судовиков, А.М. Рафиков** — Н.М. Валеев. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Открытие Н.М. Карамзиным Ипатьевской летописи

А.В. Майоров

Аннотация. В статье изучается история открытия Н.М. Карамзиным Ипатьевского (Академического) и Хлебниковского списков Ипатьевской летописи. Устанавливается, что сведения об Ипатьевском списке Карамзин почерпнул из малоизвестного латиноязычного описания рукописи, опубликованного в Гёттингене в 1768 году.

Ключевые слова. Ипатьевская летопись, А.Л. Шлёцер, Ипатьевский и Хлебниковский списки.

Abstract. We study the history of the discovery of N. M. Karamzin Ipatiev (Academic) and Xlebnikov (Ostroz'kyj) Codices the Hypation Chronicle. It is established that the information on the Ipatiev Codex Karamzin learned from a little-known latin description of the manuscript, published in Gottingen in 1768 year.

Key words. Hypation Chronicle, A.L. Schlozer, Ipatiev and Xlebnikov Codices.

В широкий научный оборот Ипатьевская летопись вошла сравнительно поздно. Ее полный текст по трем важнейшим сохранившимся доныне спискам — Ипатьевскому (положенному в основу), Хлебниковскому и Погодинскому (приведенным в виде вариантов чтений) — был впервые опубликован Императорской Археографической комиссией только в 1871 году ¹.

В вышедшем ранее первом издании Полного собрания русских летописей Ипатьевская летопись была представлена лишь частично. Во 2-ом томе помещался текст двух ее частей — Киевской («летопись о Киевском и других юго-восточных русских княжествах, до 1200 года») и Галицко-Волынской («летопись о западнорусских княжествах, известная под именем Волынской или Галицкой, доходящая до 1292 года»). Текст этих частей памятника также воспроизводился по Ипатьевскому списку (взятому за основу) с разночтениями по Хлебниковскому и Ермолаевскому спискам ². Первая часть Ипатьевской ле-

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.v.maiorov@gmail.com.

Maierov Alexander V. — doctor of historical sciences, professor of the St. Petersburg State University. E-mail: a.v.maiorov@gmail.com.

тописи, содержащая Повесть временных лет («Временник Нестора, до 1110 года»), помещена в 1-ом томе лишь в виде вариантов чтений по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам, подведенным к основному тексту по Лаврентьевскому списку ³.

Задолго до публикации с Ипатьевской летописью познакомился Н.М. Карамзин, высоко оценивший значение памятника для русской истории. Сведениями из этой летописи ученый широко пользовался при работе над первыми четырьмя томами своей «Истории Государства Российского», впервые опубликованными в 1816 году.

В литературе распространены весьма противоречивые сведения о времени и обстоятельствах знакомства Карамзина с Ипатьевской летописью. Ю.М. Лотман относил появление в руках историка двух важнейших ее списков к лету 1808 года ⁴. Часто можно встретить утверждения, будто Карамзин нашел древнейший список летописи в 1814 г. во время личного посещения Ипатьевского монастыря ⁵. Некоторые авторы уточняют, что до 1814 г. летопись хранилась в ризнице главного монастырского храма — Свято-Троицкого собора ⁶. В новейшей биографии Карамзина встречаются противоречивые сведения: в одном месте сказано, что историк нашел летопись в 1808 г., в другом — в середине 1809 года ⁷.

Однако из слов самого Карамзина следует, что его знакомство с летописью началось не с Ипатьевского, а с Хлебниковского списка: «В 1809 году, — писал историк, — осматривая древние рукописи покойного Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: Летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Летопись Волынскую, прежде никому неизвестную. Через несколько месяцев достал я и другой список их: принадлежав некогда Ипатьевскому монастырю, он скрывался в библиотеке С.-Петербургской Академии наук между Дефектами» ⁸.

Для современных исследователей характерно критическое отношение к сообщаемым Карамзиным сведениям об обстоятельствах знакомства с Ипатьевской летописью. Между тем, эти сведения опровергают комментаторы новейшего академического издания «Истории Государства Российского»: Ипатьевский (Академический) список «обнаружил А.И. Тургенев в Библиотеке АН около 1807 г. и сообщил о нем историографу» ⁹; или у Карамзина имелся Академический список Ипатьевской летописи, «обнаруженный А.И. Тургеневым около 1807 г. в библиотеке Петербургской Академии наук» ¹⁰. Этот же комментарий повторяется еще раз с добавлением: с Академического списка «известна копия, принадлежавшая А.Ф. Малиновскому..., которой и мог пользоваться Карамзин во время работы над “Историей” в Москве» ¹¹. Впрочем, никаких оснований для подобного предположения не приводится.

Между тем, об обстоятельствах открытия Карамзиным Ипатьевской летописи хорошо известно из сохранившейся переписки, в том числе из писем к Тургеневу: «Какую сделал я находку! — писал Карамзин, — Волынскую летопись, полную, доведенную до 1297 г., богатую подробностями, вовсе неизвестную. Что скажет Энгель? Я не спал несколько ночей от радости. Список прекрасной, четвертагонадесять века. Слог для знатоков любопытный. Одним словом, это сокровище; Бог послал его с неба» ¹².

При первой публикации (1855 г.) приведенное письмо было датировано 23 августа 1807 г., и эта дата иногда встречается в научной литературе ¹³. Однако уже через несколько лет М.П. Погодин отнес это письмо к 1809 г., признав прежнюю датировку ошибочной ¹⁴. Среди других событий в письме упоминается о бракосочетании кн. Е. А. Вяземской и кн. А. Г. Щербатова («...мы отдали нашу бывшую княжну за князя Щербатова»), состоявшемся в апреле 1809 года ¹⁵. Следовательно, документ не мог возникнуть ранее этого времени.

Ошибка в датировке, вероятно, была допущена при копировании писем Карамзина при подготовке их к печати по инициативе Тургенева в 1836 году. Однако публикация была отклонена цензурным комитетом, и не востребованной копией спустя два десятилетия воспользовался Погодин. Она сохранилась до нашего времени в фондах Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Последняя цифра в дате письма, обозначающая год, написана нечетко, а само письмо помещено между письмами, датированными 1806 и 1808 годами ¹⁶.

В оригинале, хранившемся в семейном архиве Тургеневых и опубликованном в 1899 г., интересующий нас документ датирован 23 августа 1809 года ¹⁷. Оригинал письма также сохранился до нашего времени в фонде Тургеневых Рукописного отдела Пушкинского Дома. Написанное рукой Карамзина число читается здесь совершенно отчетливо — 23 августа 1809 года ¹⁸.

Эта дата подтверждается еще одним документом: 23 августа 1809 г. датировано письмо Карамзина к Президенту Императорской Академии наук Н.Н. Новосильцеву, в котором историк также сообщает о своей недавней находке Волынской летописи: «Описав государство Донского, я должен был возвратиться в XII и в XIII век, чтобы многое прибавить согласно с найденною мною недавно полною Волынскою летописью, донныне неизвестною и весьма драгоценною. Эта находка есть важнейшая из всех, которыми я был порадован в течение шести лет» ¹⁹.

О происхождении рукописи первым справился у Карамзина Тургенев и 17 сентября 1809 г. получил ответ: «Я достал Волынскую летопись не от Руссова, а из библиотеки одного купца Коломенского. Эта находка спасла меня от стыда, но стоила мне шести месяцев работы. Боги не дают, а продают живые удовольствия, как говорили древние» ²⁰.

Происходивший из библиотеки коломенского купца и промышленника П. К. Хлебникова (1734—1777) список Ипатьевской летописи Карамзин получил от своего доброго знакомого Д.М. Полторацкого (1761—1818), женатого на дочери Хлебникова Анне. Об этом, в частности, свидетельствовал Погодин, записавший свой разговор с Карамзиным во время их знакомства в декабре 1825 года ²¹.

До лета 1809 г. летопись хранилась в Москве в старой усадьбе Хлебникова на Вшивой Горке за Яузой. Здесь ее и увидел Карамзин, приглашенный для разбора книг библиотеки покойного купца. По словам историографа, это событие в 1813 г. описал К.Ф. Калайдович: «...между кучами книг, толстых, но не важных, отнимавших совершенно надежду, найдена нечаянно летопись Волынская» ²².

Можно попытаться определить и более точную дату обнаружения памятника. 25 июня этого года Полторацкие приобрели у гр.

А.А. Орловой-Чесменской дом на Большой Калужской улице ²³. Весьма возможно, что, готовясь к переезду, хозяева пригласили знатока для разбора доставшейся им в наследство старой библиотеки.

Подтверждением такого предположения служит письмо Карамзина к брату от 21 июня 1809 г., в котором историк сообщает о неожиданно возникшей у него необходимости переделать многие ранее написанные главы своей «Истории...»: «Я по обыкновению работаю и кончил описание времени Донского, но теперь должен еще многое поправить назад» ²⁴.

Из приведенных фактов можно заключить, что открытие Ипатьевской летописи Карамзиным, вероятнее всего, состоялось в июне 1809 г., но лишь спустя два месяца историк в полной мере оценил значение сделанной им находки. Во всяком случае, 20 июля в письме к кн. Ю.В. Долгорукому (1740—1830), помогавшему Карамзину в приобретении редких иностранных книг, он ни словом не обмолвился об открытии новой, важнейшей для истории летописи, ограничившись благодарностью за присланную «Эльмакинову историю» («Историю Эль-Макина Ибн аль-Амида», изданную в 1625 г. в Лейдене), и попросив найти в Амстердаме «Армянскую историю Моисея Хоренского» («Историю Армении Моисея Хоренаци», изданную в Лондоне в 1736 году) ²⁵.

Впрочем, из приведенного выше письма к Тургеневу как будто следует, что к середине сентября 1809 г. Карамзин трудился над летописью уже полгода («...стоила мне шести месяцев работы»); однако манера, в которой историк говорит об этом, не исключает возможности некоторого преувеличения. Так или иначе, ясно, что интенсивное изучение и осмысление значения Ипатьевской летописи происходило в июле-августе 1809 года.

Объем и важность новых исторических знаний, почерпнутых из Ипатьевской летописи, заставили Карамзина остановить дальнейшую работу над «Историей...» и вносить многочисленные дополнения и поправки в уже написанные ее тома. Особенно значительными были заимствования из Волынской летописи, ранее неизвестной науке. Историк принял решение поместить пространные выписки из нее в примечаниях, о чем 3 апреля 1810 г. уведомил Тургенева: «Поправки уже кончены; выписываю теперь важнейшие места из “Волынской летописи” для нот, а там вперед, коли Бог даст» ²⁶.

Только после того, как Карамзин познакомился и оценил значение Хлебниковского списка Ипатьевской летописи, он проявил интерес к хранившемуся в Академии наук Ипатьевскому списку.

В цитированном выше письме к Новосильцеву Карамзин писал: «В Академической библиотеке хранится летопись в лист, донныне ненапечатанная, писанная в два столбца и названная Хронографом или Временником Русским; на первом белом листе написано: Хронограф или Временник Киевский; а далее: книга Ипатиева монастыря служки Тихона — и книга Ипатиева монастыря старца Тарасия. Мне надобно необходимо видеть сию летопись. Сделайте милость, одолжите меня ею на месяц...» ²⁷

Обеспокоенный долгим отсутствием ответа от Новосильцева Карамзин 17 сентября 1809 г. обратился за помощью к Тургеневу: «Ради Бога, любезный мой приятель, убедите Николая Николаевича Ново-

сильцова доставить мне на время летопись академическую, о которой я просил его. Она для меня необходима. Приметы ее следующие: 1) писана в лист и в два столбца; 2) на первом белом листе подписано, что она принадлежала монаху и службе Ипатову или Ипатиева монастыря; 3) названа “Хронографом” или “Временником” и продолжается почти до 6780 года. Вы окажите большую услугу усердному историографу»²⁸.

Ипатьевский список, очевидно, был доставлен Карамзину в начале октября. Задержка с выполнением просьбы историографа произошла по причине отсутствия сведений о рукописи в каталоге Библиотеки Академии наук и возникших в связи с этим обстоятельством трудностей в ее отыскании. Такой вывод можно сделать из письма к Тургеневу от 15 октября: выражая благодарность за доставку Ипатьевской летописи, Карамзин просит извинения за то, что не смог сделать этого ранее ввиду своего «двенадцатидневного нездоровья»; кроме того, историк сетует на упущение академического библиотекаря: «Надеюсь, что г. библиотекарь внесет теперь “Ипатьевскую летопись” в каталог»²⁹.

Каким образом Карамзин узнал о существовании Ипатьевского списка, отсутствовавшего в современном ему каталоге Библиотеки Академии наук?

Разумеется, историку были известны краткие сведения об этом списке, приведенные Шлёцером во второй части его «Нестора», немецким изданием которого пользовался Карамзин³⁰. Шлёцер упоминает Ипатьевский или Академический кодекс в числе наиболее ранних и важных списков древнейшей русской летописи³¹. Однако в шлёцеровском упоминании нет сведений о Киевской и Волынской летописях, входящих в Ипатьевский кодекс. Кроме того, Шлёцер, не видевший рукопись своими глазами, а судивший о ней исключительно по сообщениям других лиц, не приводит тех палеографических сведений о кодексе, которые мы находим в цитированных выше письмах Карамзина.

Сам Карамзин, занятый преимущественно литературной работой, редко посещал архивы и библиотеки лично. Не был он в Петербурге и в Академической библиотеке весной-летом 1809 года. С издания императорского указа о назначении Карамзина на должность историографа (31 октября 1803 г.) и до нашествия Наполеона историк проводил зиму в Москве, а летом жил в Остафьеве — подмосковном имении кн. Вяземских — на чьей родственнице, Е.А. Кольвановой (побочной дочери кн. А.И. Вяземского), Карамзин женился в январе 1804 года. Однако на протяжении всего периода работы над «Историей Государства Российского» он регулярно пользовался услугами своих добровольных помощников из числа ведущих российских археологов и архивистов.

Среди известных ныне писем и других документов Карамзина не сохранилось сведений по интересующему нас вопросу. О том, кто именно информировал историографа о существовавшем в Академической библиотеке в Санкт-Петербурге еще одном древнем списке Волынской летописи и предоставил его точное описание, остается судить только по косвенным данным. С определенностью можно сказать лишь о том, что эти сведения Карамзин не мог получить ни от

Тургенева, ни от сотрудников Академической библиотеки, поскольку рукопись, как следует из переписки с Тургеневым, даже не была учтена в библиотечном каталоге. Более того, данные о ней отсутствовали и в печатном каталоге библиотеки, изданном П.И. Соколовым в 1818 г., и лишь позднее были вписаны от руки на полях в один из сохранившихся экземпляров ³².

Отсутствие упоминаний об Ипатьевском списке в переписке Карамзина наводит на мысль, что сведения об этой рукописи он мог почерпнуть из доступных печатных изданий или получить от кого-то из своих московских помощников во время личной встречи.

Рассмотрим обе эти возможности.

На протяжении многих лет помощь историографу оказывали сотрудники Московского архива Коллегии иностранных дел во главе с управляющим архивом, выдающимся историком, археографом и архивистом Н.Н. Бантыш-Каменским (1737—1814) ³³. Московский дом вместе с его личным архивом сгорел в 1812 году. Однако из уцелевшего письма Карамзина от 27 сентября 1813 г. (высказавшего свое критическое мнение о так называемой «Киприановой Степенной книге») явствует, что ученые делились друг с другом сведениями о древнерусских летописях ³⁴.

Ближайшим помощником и другом Карамзина был также А.Ф. Малиновский (1762—1840), крупнейший знаток русских древностей своего времени, с 1803 г. занимавший должность помощника управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел, а с 1814 г. и до своей смерти возглавлявший его ³⁵. Малиновский регулярно снабжал Карамзина историческими справками и архивными материалами, что следует из переписки между ними. Правда, сохранились только письма Карамзина к Малиновскому, написанные в 1813—1826 гг., когда историограф проживал вне Москвы — в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге и Царском Селе. Из переписки видно, что сотрудничество между учеными завязалось гораздо раньше. С глубоким чувством Карамзин писал Малиновскому 10 октября 1818 г.: «Четверть века я от Вас не видал ничего, кроме доказательств искренней дружбы» ³⁶.

Как известно, Бантыш-Каменский и Малиновский вместе с гр. А.И. Мусиным-Пушкиным изучали приобретенную последним рукопись «Слова о полку Игореве» и подготовили первое издание памятника (1800 г.) ³⁷. Малиновский написал предисловие и комментарии, а также выполнил перевод «Слова...» на современный русский язык. Историк продолжал активно интересоваться этим памятником и впоследствии, в том числе, он искал летописные сведения о князе Игоре и его походе на половцев ³⁸.

Интерес к «Слову...» и необходимость объяснения содержащихся в нем сведений могли вывести московских архивистов на след Академического списка Ипатьевской летописи, сохранившей наиболее полный рассказ об Игоровом походе 1185 года. Не исключено, что в таких поисках мог участвовать и сам Карамзин, который был в числе тех немногих, кто познакомился с рукописью «Слова...» еще до ее публикации, и сделал по этому поводу несколько сообщений в печати ³⁹.

О несомненном знакомстве с Ипатьевской (Волынской) летописью Малиновского уже в начале XIX в. свидетельствует найденная в его бумагах писарская копия летописного рассказа о походе князя

Игоря на листах, датируемых по филиграням 1814 годом. Она выполнена с явной стилизацией под почерк XVII в. (л. 9—12а). М.Н. Сперанский и Л.А. Дмитриев пришли к выводу, что эта копия снята с неизвестного ныне списка Ипатьевской летописи ⁴⁰.

Кроме того, по инициативе Малиновского примерно в то же время была изготовлена полная копия Ипатьевского списка (РГАДА, ф. 181, № 10): рукопись в лист на II+346 листах, написанная одним почерком на голубой бумаге с датой 1814 год. На л. 346 имеется отметка писца: «С оригинала сего летописца переписывал коллежской регистратор Пётр Большаков. Оной список сверял с оригиналом коллежский советник и кавалер Иван Ждановский». В начале рукописи, на л. I, читается еще одна запись: «Сия летопись, Волынскую называемая, подарена в Библиотеку Архива 1816 года. А. Малиновский» ⁴¹.

Как бы то ни было, сам Карамзин твердо придерживался версии, что оба списка Ипатьевской летописи — Хлебниковский и Академический — были найдены им самостоятельно без всякого участия кого-либо еще.

Историк и его друзья специально позаботились, чтобы об открытии новой летописи стало известно возможно большему числу лиц, интересовавшихся русскими древностями.

Прежде всего, весть о находке достигла Германии. В письме от 29 сентября 1809 г. Тургенев просил своего брата Николая, обучавшегося тогда в Гёттингенском университете, сообщить о новом открытии Карамзина профессору этого университета Шлёцеру: «Скажи Шлёцеру, что Карамзин нашел новую полную Волынскую летопись, доведенную до 1297 года (?), богатую подробностями, вовсе неизвестными. Список прекрасный, XIV века; слог для знатоков любопытный, одним словом — сокровище, как пишет ко мне Карамзин. Он несколько ночей не спал от радости» ⁴². К сожалению, эта новость опоздала к адресату: Шлёцер скончался 9 сентября 1809 года.

Об открытии неизвестной ранее летописи незамедлительно были уведомлены крупнейшие знатоки русских древностей того времени — А.Н. Оленин и А.И. Ермолаев. Очевидно, оба они были ознакомлены и с содержанием новонайденного памятника. Во всяком случае, 18 августа 1810 г., находясь в Чернигове во время своего археографического путешествия по России, Ермолаев сообщил Оленину: «В Лубенском Мгарском монастыре нашли мы летопись... Я думаю, что это есть тот самый список, который Карамзин называет Волынским. Эта любопытная летопись теперь у нас, и мы намерены дать ее в Киеве переписать» ⁴³. В действительности Ермолаевым был найден и скопирован один из списков так называемой Густынской летописи ⁴⁴.

В числе первых о Волынской летописи узнал гр. Тадеуш Чацкий (1765—1813), генеральный визитатор (инспектор учебных заведений) Киевской, Подольской и Волынской губерний, историк и собиратель древних рукописей. В 1816 г. в переводе на польский язык было опубликовано письмо к нему Карамзина от 4 августа 1810 г., в котором историк привел краткое описание найденных им рукописей ⁴⁵: «...исполняю Ваше пожелание относительно Волынского летописания, мною найденного. Сейчас я располагаю двумя его копиями, одной XIV, а другой XV века. Автор неизвестен. Очевидно только, что он жил во Владимире-Волынском, где в его время правил князь Мстислав —

сын Даниила, короля Галицкого. В этой хронике описано происшедшее в Галиции и на Волыни, от жизни князя Романа, отца Даниила, до смерти князя Владимира Васильковича около 1290 г. Этот Владимир правил во Владимире-Волынском и, не имея детей, сделал своим наследником Мстислава Даниловича, брата Льва. Стиль летописца намного темнее, чем Нестора, но эта хроника очень важна, так как показывает нам князей и их дела, о которых у нас не было никаких сведений»⁴⁶.

О своем открытии Ипатьевской летописи Карамзин неоднократно рассказывал в беседах с молодыми историками, предлагавшими ему свою помощь по работе в архивах и книжных собраниях. Первое сообщение об этом открытии в печати сделал, как нам кажется, Калайдович (1813 г.), ограничившийся, впрочем, упоминанием лишь о списке, найденном Карамзиным среди рукописей купца Хлебникова. Калайдовичем опубликовано и первое краткое описание летописи на русском языке: «Преимущественное и подробное описание дел Галицких, сего славного некогда Княжения, сокрытого от всех наших летописателей, и повествование о сношениях Чермноруссов с Пруссиею, Австриею и Венгриею делают рукопись сию единственною. Она содержит XIII и XIV веки, в которых Русские летописи или кратки, или совершенно безмолвствуют, и, как кажется, писана в некоторых местах очевидцем. Самый язык ее, сходный с летописями, но несколько в словах отличный, ручается за ее почтенную древность»⁴⁷.

Удивительно, но ни сам Калайдович, ни напечатавший его статью М.Т. Каченовский не обратили внимания на более пространное и обстоятельное описание Ипатьевской летописи на латинском языке, сделанное С.С. Башиловым в письме к Шлёцеру, которое Каченовский поместил в своем журнале годом ранее, снабдив собственным предисловием. Возможно, в тот момент исследователи еще не сознавали, что Хлебниковский и Ипатьевский списки относятся к одной и той же летописи, хотя Калайдовичу, несомненно, были известны оба эти списка⁴⁸.

Спустя несколько месяцев, в письме к академику Ф.И. Кругу (от 15 января 1814 г.) Калайдович сообщал об открытии Карамзиным Ипатьевского списка, преданного забвению Академической библиотекой. В этом сообщении чувствуется скрытый укор молодого историка в адрес всей Академии: «Знаете ли вы, что у вас в академии хранится сокровище — летопись Волынская, зарытая между дефектами и не вписанная в каталог, которую извлек из праха Н.М. Карамзин? Я желал бы знать, кому будет принадлежать честь издания сих памятников»⁴⁹.

Оба списка Ипатьевской летописи, как свои важнейшие научные приобретения, Карамзин в последний год жизни вспоминал в разговоре с Погодиным: «...один свой, подаренный мне покойным Полторацким, другой, также почти свой, найденный мною в дефектах академических»⁵⁰.

По всей видимости, вывод о том, что Ипатьевский (Академический) список должен заключать в себе Киевскую и Волынскую летописи и тем самым быть подобным Хлебниковскому, Карамзин сделал самостоятельно. Как представляется, существует возможность восстановить в общих чертах путь изысканий историка.

Важнейшее открытие Карамзин сделал, несомненно, уже при первом знакомстве с текстом Хлебниковского списка. В заголовке к нему он должен был обнаружить имя составителя летописи, отсутствовавшее во всех других списках: «Повести временных лет Нестора черноризца Феодосиева монастыря Печерскаго»⁵¹.

Будучи знакомым с трудами В.Н. Татищева и Шлёцера, Карамзин знал, что имя Нестора не могло быть ошибкой или позднейшей припиской, поскольку оно значилось еще в двух древних списках, содержащих Повесть временных лет, бывших в распоряжении Татищева, но недоступных уже Шлёцеру. Последний писал: «Имя создателя, Нестор, я сам ни в каком кодексе не нашел; но Татищев встретил его в двух [списках группы] (Раскольничий и Голицынский, впоследствии утраченные. — *А.М.*). В двух других [списках группы] (Радзивиловский и Ипатьевский. — *А.М.*) он характеризуется просто как монах Феодосиева монастыря (*monachus monasterii Theodosiani*), к чему Ипат[ьевский] и оба [списка группы] добавляют еще Печерского (*Peczzeriki*)»⁵².

Это, как и другие отмеченные Шлёцером оригинальные чтения Ипатьевского списка, сближали его с утраченными Раскольничим и Голицынским списками, из которых Татищев почерпнул многочисленные известия по истории Южной Руси за XII — начало XIII века. Таких известий не было в летописях, которыми первоначально располагал Карамзин. Многие из них обнаружили в найденном им летом 1809 г. Хлебниковском списке. Сделанные историографом открытия неизбежно должны были побудить его к тому, чтобы отыскать Ипатьевский список.

Приступая к поиску, Карамзин знал только то, что рукопись некогда хранилась в Библиотеке Академии наук в Петербурге. Это следовало из сделанного Шлёцером описания известных ему списков летописи Нестора, где под номером II значилось: «Ипатиевский, в лист, фрактура, идет до 1292 г.; аналог (*Seitenstück*) вышеназванного Радз[ивиловского] (описан под номером I. — *А.М.*), с которым он заметно совпадает. Этот кодекс (Ипатьевский. — *А.М.*) попал в Академию после меня (то есть после отъезда Шлёцера из России. — *А.М.*). Тот самый Башилов послал мне искусно выполненную копию (*Abschrift*) его от начала до смерти Рюрика, вместе с описанием этого старого важного кодекса, которое я напечатал во Всеобщ. ист. Библ. Гаттерера. Т. VI. S. 304»⁵³.

Не приходится сомневаться, что Карамзин воспользовался приведенной Шлёцером ссылкой на ранее опубликованное им описание Ипатьевского списка в издаваемой И.Х. Гаттерером (1727—1799) в Гёттингене Всеобщей исторической библиотеке (*Allgemeine Historische Bibliothek*). Правда, в примечаниях к «Истории Государства Российского» Карамзин не сделал ни одной ссылки на это издание, однако он пользовался и неоднократно ссылался на другие издания Гаттерера⁵⁴.

В изданном в 1768 г. шестом томе Библиотеки была помещена «Выдержка из одного сообщения из С.-Петербурга от 16/27 декабря 1767 г.», в редакторском предисловии к которой пояснялось, что речь идет о доставке в Петербург «очень ценного кодекса Анналов, самого старого после Радзивиловского, о котором ранее Академия Наук имела некоторые сведения; он кажется должен быть из XIII века. О нем и о

других новостях русской литературы г-н Башилов написал следующее предварительное сообщение для г-на проф. Шлёцера»⁵⁵.

В приводимом далее описании кодекса Карамзин должен был найти сведения не только о том, что его известия продолжаются до 6800 (1292) г., но и что они касаются волынских князей. Здесь же историограф нашел все те палеографические приметы рукописи, которые он затем перечислил в письмах к Новосильцеву и Тургеневу.

Приведем текст сообщения Башилова вместе с редакторскими пояснениями Гаттерера и комментариями к нему Шлёцера в нашем переводе с латинского и немецкого языков (редакторские пояснения в виде вставок в основной текст документа приводятся в круглых скобках, в квадратных скобках даны комментарии Шлёцера):

«Мои наблюдения в отношении ИПАТЬЕВСКОГО кодекса (так он (Башилов. — *А.М.*) называет этот новооткрытый кодекс) в настоящий момент таковы:

1. Размер и внешний вид не очень отличаются от Воскресенского⁵⁶ (см. соответствующий том данной Всеобщей исторической библиотеки, с. 71)⁵⁷.

2. Начинается он совершенно так же, как все кодексы Нестора, и доходит до 6800 года (т.е. 1292 от Р.Х.). На предпоследнем его листе упомянут Болеслав Сомовитович, такими словами: Год 6898⁵⁸. После Лестька в Кракове сел Болеслав Сомовитович, брат Кондрата; и пришел Индрих, князь Вроцлавский, и выгнал его. На остальных листах в конце речь идет о делах литовских и татарских, и там упоминается некий Куремса, татарский князь⁵⁹. [Таким образом, эти последние листы не относятся к самому кодексу]⁶⁰.

3. Он написан на обычной бумаге в две колонки, подобно Патриаршему кодексу⁶¹.

4. С начала примерно до середины он совпадает с Радзивилловским⁶².

5. В нем различаются два почерка⁶³. В начале и в конце почерк одинаковый и несколько походит на почерк Новгородского кодекса⁶⁴; однако этот последний гораздо безыскуснее и труднее для чтения. В середине кодекса почерк совершенно иной: он начинается с 6622 года (1014 от Р.Х.) и кончается на 6680 (1172 от Р.Х.); он более всего походит на почерк церковных пергаменных кодексов, в первую очередь того, который, как утверждается, написан в 1298 г.⁶⁵ Разница только в том, что почерк нашего кодекса более безыскусен, а потому кажется более древним. Представляется, что оба почерка были в ходу в одно и то же время: они соединяются друг с другом таким образом, что между ними нет ни одной пустой строки.

6. Начало каждого года и подраздела выделено красными чернилами.

7. Для первого почерка этого кодекса свойственно весьма частое использование составных букв, например, *je*, *ju* и др. (сами знаки мы отобразить не можем) и особенно малый *er* вместо *e* и большого *era*, а также буква *u* вместо ипсилона.

8. Началу истории предшествует каталог князей Руси, доведенный до взятия Киева Батыем (около 1240 г.).

9. Озаглавлена книга так: Летописец русский; начнем с Богом; Отче, благослови! (до сих пор красными буквами) Повесть временных лет и проч.

10. На первом чистом листе кодекса имеется надпись курсивным, не очень древним почерком: Летописец Киевский. На той же странице упоминаются два владельца кодекса: I. Книга слуги Ипатьевского монастыря Тихона Мижуева. II. Книга монаха Ипатьевского монастыря Тарасия. Но мне представляется, что это один и тот же владелец, который, поменяв имя по принятии монашеской жизни, сохранил, как это принято у монахов, начальную букву прежнего имени — Т.

11. Весь этот кодекс пересмотрен и исправлен рукой почти столь же древней, как и та, которой он был написан. Имеются 40 страниц, переписанных с этого списка Поленовым (господин Поленов — помощник господина Башилова в предпринятом под руководством господина профессора Шлёцера издании русских летописей); все они были сверены и исправлены мной»⁶⁶.

Таким образом, перед нами первое научное описание Ипатьевского списка, сделанное сразу после поступления рукописи в С.-Петербургскую Академию наук. Этим, опубликованным в Гёттингене описанием (по ссылке Шлёцера), несомненно, воспользовался Карамзин в своих поисках Волынской летописи. Также не вызывает сомнения, что историограф обратился к публикации в *Allgemeine Historische Bibliothek* только после того, как познакомился и оценил важность Хлебниковского списка.

Безусловно, знавший о приоритете Шлёцера и его учеников в открытии и изучении Ипатьевской летописи Карамзин, тем не менее, ни словом не обмолвился об этом. Создается впечатление, что историограф намеренно умолчал о роли своих предшественников. С этой целью, по-видимому, он отказался от принятого Шлёцером названия летописи — Ипатьевская — и вместо этого именовал ее по названиям отдельных частей — Киевская и Волынская.

Такое положение, надо думать, объясняется неприязненным отношением Карамзина к Шлёцеру и его научному творчеству. В письме к Тургеневу от 3 апреля 1810 г. Карамзин, имея в виду немецкое издание «Нестора», задавался вопросом: для кого был написан этот труд? И сам же на него отвечал: «Для семи или восьми любопытных. Да и пользы не много. Изъяснение и перевод текста весьма плохи и часто смешны. Старик не знал хорошо ни языка летописей, ни их содержания далее Нестора»⁶⁷.

Столь несправедливая оценка научных заслуг Шлёцера возмутила даже Погодина, восторженного почитателя историографа: «Вот немногие слова, — писал по поводу приведенной цитаты Погодин, — которые я не желал бы слышать от Карамзина! Они показывают, что, работая и занимаясь с совершенною точностью по наставлениям Шлёцера, и быв ему отчасти обязан за свою методу, не могли успеть так без него, он не сознавал этого вполне, не предполагал, что между этими семью или восемью читателями Шлёцеровских исследований, находится он сам, следовательно, писания Шлёцеровские не только полезны, но и необходимы для науки, что История наша не могла бы явиться в своем настоящем виде без Шлёцера»⁶⁸.

«Первым делом Карамзина, — рассуждал Погодин, — казалось, должно было быть письмо к учителю, к мастеру, к Шлёцеру, который открыл Европе мир Русских летописей, показал их значение, научил

ими пользоваться... Нет, Карамзин не написал письма к Шлёцеру: он верно опасался объявить ему о своем намерении писать Историю, получив понятие об его требованиях...» Карамзину «верно стало страшно, на первых порах, но, разумеется, горячее его желание писать Историю, его первая надежда, основанная на поверхностном знании, победит трудности, представила ему дело тотчас с другой стороны: На что нам пока эта немецкая ученость с ее педантическими требованиями? Стоит ли труда проливать пот над буквами, и писать диссертации о каком-нибудь слове? Русским нужна книга другого рода; нужна общедоступная для всех История; по Шлёцеру надо ожидать ее лет через сто...»⁶⁹

Немецкой учености и педантичности Шлёцера в его медленном и трудоемком процессе отыскания первоначальных чтений Нестора путем сличения и критического изучения большого числа летописных списков, преимущественно поздних, Карамзин мог противопоставить только одно надежное средство — использование наиболее древних из сохранившихся русских летописей, прежде всего тех из них, которые ранее не были известны и не привлекались к изучению историками.

В этом отношении Карамзин добился немалых успехов. Уже 12 сентября 1804 г. в письме к своему покровителю, товарищу министра просвещения М.Н. Муравьеву (1757—1807) Карамзин писал: «Я нашел две харатейные летописи весьма хорошие: одну XIV века, у графа Пушкина, которую уже и списал для себя, а другую в библиотеке Троицкой, столь же древнюю. Ни Татищев, ни Щербатов не имели в руках своих таких драгоценных списков Нестора. Всякий день открываю новые грубые ошибки Татищева и Болтина, замечаю их в нотах, однако ж не оскорбляя памяти умерших»⁷⁰. Речь здесь идет, несомненно, о пергаменном списке Лаврентьевской летописи⁷¹ и сгоревшей в московском пожаре 1812 г. Троицкой летописи.

Получивший от императора Александра I право беспрепятственного доступа во все древлехранилища России Карамзин, безусловно, имел неоспоримое преимущество перед Шлёцером, жившим в Германии и помимо немногих печатных изданий пользовавшимся только своими старыми выписками и копиями летописей, сделанными еще в период его пребывания в Петербурге в 1760-е годы.

Первым познакомившись с Хлебниковским списком Ипатьевской летописи, Карамзин не пожелал поступиться своим приоритетом и признать право первооткрывателя за Шлёцером, сорока годами ранее опубликовавшего описание ее более древнего Ипатьевского списка. Насколько нам известно, ни одному из своих корреспондентов или собеседников Карамзин не пояснил, каким образом, не выезжая из Москвы, он узнал о существовании в Библиотеке Академии наук в Петербурге всеми забытой древней рукописи, отсутствовавшей даже в библиотечных каталогах.

Полученный Карамзиным в начале октября 1809 г. Ипатьевский список оказался настолько важным, что для знакомства с ним историку не хватило первоначально оговоренного с Новосильцевым срока. 12 декабря Карамзин писал Тургеневу: «Сделайте одолжение, любезный мой приятель, попросите от меня Н.Н. Новосельцова, чтобы он позволил мне продержать академическую летопись еще несколько

недель: от нездоровья я не мог пользоваться ею. Возвращу исправно, как скоро уже не будет мне нужна...»⁷².

Но и после полученной отсрочки историограф не возвратил летопись в Академическую библиотеку. Ипатьевский список находился в руках Карамзина еще более восьми лет и только в марте 1818 г. был передан в распоряжение гр. Н.П. Румянцева, задумавшего опубликовать Ипатьевскую летопись за свои средства. Об этом узнаем из письма к нему Карамзина от 12 марта: «Честь имею донести Вашему Сиятельству, что у меня два списка Волынской летописи: один г. Полторацкого, другой Академической Ипатьевской; первой отдан мною А.И. Ермолаеву, от которого извольте получить его; а второй, т. е. Академической, привезу к Вашему Сиятельству в пятницу или в четверг, если позволите мне обедать у вас в тот или в другой день»⁷³.

Начался новый этап изучения Ипатьевской летописи, связанный с археографической деятельностью гр. Румянцева. Однако эта история заслуживает отдельного изучения⁷⁴.

Примечания

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10137).

1. Летопись по Ипатскому списку. СПб. 1871.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб. 1843, с. 1—227.
3. Там же. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб. 1846, с. 1—123.
4. ЛОТМАН Ю.М. Сотворение Карамзина. М. 1998, с. 319, 379.
5. БРЮСОВА В.Г. Ипатьевский монастырь. М. 1982, с. 64; АГАПОВ А.А., БАХМУС-ТОВ С.Б., БОЕВ А.К. и др. Русские монастыри: Поволжье. Т. 1. Тула. 2003, с. 97.
6. ГЛУХОВ А.Г. Древние книги Ипатьевского монастыря. — Университетская книга. 2008, № 3, с. 70.
7. МУРАВЬЁВ В.Б. Карамзин. М. 2014, с. 313, 476.
8. КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Т. 1. М. 1989, с. 25.
9. АФАНАСЬЕВА М.И., АФИАНИ В.Ю., КОЗЛОВ В.П., КОСМОЛИНСКАЯ Г.А. Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в «Примечаниях». В кн.: КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского, т. I, с. 333.
10. Там же, т. 2—3, с. 660.
11. Там же, т. 4, с. 351.
12. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу, с 3 июня 1806 по 1826 год. — Москвитянин: Учено-литературный журнал. 1855, кн. 1, № 1, с. 80—81.
13. ПРИЙМА Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л. 1980, с. 60.
14. ПОГОДИН М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М. 1866, ч. 2. с. 49.
15. Воспоминания князя А.П. Оболенского (1780—1812 г.). В кн.: Хроника недавней старины: Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб. 1876, с. 98.
16. Рукописный отдел Института русской литературы РАН, 15 976, л. 5.
17. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826). — Русская старина. 1899, т. 97, № 1, с. 226.
18. Рукописный отдел Института русской литературы РАН, ф. 309, ед. хр. 125, л. 17—18.
19. ПОГОДИН М.П. Ук. соч., ч. 2, с. 50.
20. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826), с. 228.
21. БАРСУКОВ Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. 1888, кн. I, с. 331.

22. КАЛАЙДОВИЧ К.Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной. — Вестник Европы. 1813, ч. 72, № 23—24, с. 210.
23. ИВАНОВ О. Важнейшая находка: Что Н.М. Карамзин обнаружил в Хлебниковской библиотеке. История. Электронный журнал Издательство «Первое сентября». 2006. № 21 (<http://his.1september.ru/article.php?ID=200602106>).
24. ПОГОДИН М.П. Ук. соч., ч. 2, с. 48.
25. Из неизданных писем Карамзина. — Русская литература. 1991, № 4, с. 92.
26. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826), с. 231.
27. ПОГОДИН М.П. Ук. соч., ч. 2, с. 50.
28. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826), с. 228.
29. Там же, с. 228—229.
30. АФАНАСЬЕВА М.И., АФИАНИ В.Ю., КОЗЛОВ В.П., КОСМОЛИНСКАЯ Г.А. Ук. соч., т. 1, с. 377—378.
31. SCHLÖZER A.L. Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache. T. 2. Göttingen. 1802, S. II.
32. ПЕТРОВ В.А. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. В кн.: Исторический очерк и описание фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век. М.—Л. 1956, с. 234.
33. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ Д.Н. Жизнь Николая Николаевича Бантыш-Каменского. М. 1818.
34. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1888 год. СПб. 1891, с. 23—24.
35. ДОЛГОВА С.Р. Алексей Фёдорович Малиновский: Очерк. В кн.: МАЛИНОВСКИЙ А.Ф. Обзорение Москвы. М. 1992, с. 176—229; БЕЛЯКОВА Г.С. Алексей Фёдорович Малиновский — археограф, издатель, редактор «Слова о полку Игореве». В кн.: Боян: Материалы общественного музея «Слова о полку Игореве». М. 2010, вып. 1, с. 125—144.
36. Письма Карамзина к Алексею Фёдоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М. 1860, с. 35.
37. ДМИТРИЕВ Л.А. Первые издатели «Слова». — Вестник Академии наук СССР. 1976, № 4, с. 97—103.
38. СПЕРАНСКИЙ М.Н. Первое издание «Слова о полку Игореве» и бумаги А.Ф. Малиновского. В кн.: «Слово о полку Игореве». Воспроизведение первого издания. М. 1920, с. 1—24.
39. ДМИТРИЕВ Л.А. Н.М. Карамзин и первые издатели «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, с. 38—49.
40. ЕГО ЖЕ. История первого издания «Слова о полку Игореве»: материалы исследования. М.—Л. 1960, с. 193 и след.
41. КЛОСС Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. В кн.: ПСРЛ. М. 1998, т. 2, с. F-G.
42. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева. Т. 2. СПб. 1911, с. 398.
43. Там же, с. 60.
44. Цит. по: ПРИЙМА Ф.Я. Ук. соч., с. 76.
45. OSIŃSKI A. O życiu i pismach Tadeusza Czackiego Tájnégó Radzcy Jego Imperatorskiej Mości...: rzecz czytana na zebraniu gimnazyum wołyńskiégó i licznych obywatelów w jimiéniu rzeczonégó gimnazyum, i Towarzystwa Królewskiégó Warszawskiego Przyjaciół Nauk 30 lipca 1813 roku. Krzemieniec. 1816, s. 390—392.
46. Цит. по: МЕЛАМЕД Е.И. Забытое письмо Н.М. Карамзина. — Русская литература. 1976, № 3, с. 54.
47. КАЛАЙДОВИЧ К.Ф. Ук. соч., с. 210.
48. Письма Башилова к Шлёцеру. — Вестник Европы. 1812, ч. 61, с. 314 и след.
49. Цит. по: БЕССОНОВ П.А. Константин Фёдорович Калайдович. Биографический очерк. В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1862, кн. 3, с. 126.
50. См.: БАРСУКОВ Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб. 1888, кн. I, с. 331.
51. См. факсимильное издание рукописи: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) Codex. The Old Rus' Kievan and Galician-Volhynian Chronicles: The Ostroz'kyj (Xlebnikov) and Četvertyns'kyj (Pogodin) Codices. Cambridge. MA. 1990 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. 8), p. 3.

52. SCHLÖZER A.L. Op. cit., T. 2, S. 5—6. В русском переводе Д.И. Языкова: «Ни в одном списке не находил я имени сочинителя, Нестора; но Татищев нашел его в двух (Раскольничий и Голицынский списки. — А.М.). В других двух (Радзивиловский и Ипатьевский. — А.М.) называется он просто монахом Феодосиевского монастыря, к чему Ипат[ьевский], Раск[ольничий] и Голиц[ынский] прибавляют: Печерского». См.: ШЛЁЦЕР А.Л. Нестор: Русские летописи на Древле-Славянском языке. СПб. 1809, ч. 1, с. 6.
53. SCHLÖZER A. L. Op. cit., T. 2, S. II. В русском переводе: «II. Ипатьевский, в лист, писан уставом, простирается до 1292 г., удивительно сходен с Радз[ивиловским]. Сей список доставлен в Академию уже после меня, но покойный Башилов прислал мне верный противень с оногo, с начала до Руриковой смерти, и с описанием сего древнего важного списка, напечатанном мною в Гаттереровой Allgem. Histor. Bibl. VI. 304». См.: ШЛЁЦЕР А.Л. Ук. соч., ч. 1, с. II.
54. АФАНАСЬЕВА М.И., АФИАНИ В.Ю., КОЗЛОВ В.П., КОСМОЛИНСКАЯ Г.А. Ук. соч., т. 1, с. 358—359.
55. Auszug eines Schreibens aus St. Petersburg, vom 16/27 Decbr. 1767. — Allgemeine Historische Bibliothek. 1768, Bd. VI, S. 303.
56. Алатырский список Воскресенской летописи, вторая половина XVI в., с добавлениями XVII и середины XVIII вв. НИОР БАН. Основное собрание. 16.3.1. Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в конце 1730-х годов. См.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. М.—Л. 1957, вып. 1, с. 335—337.
57. Имеется в виду рецензия на 1-ю часть Никоновской летописи, изданную С.-Петербургской Академией наук в 1767 г. См.: Ruskaja Letopis' po Nikonovu spisku. Izdannaja pod smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk. Czast' pervaja do 1094 goda. — Allgemeine Historische Bibliothek. 1768, Bd. V, S. 71—93.
58. В действительности, приведенные далее известия помещены в статье 6798. Цифра, обозначающая число сотен в заголовке статьи, прочитана Башиловым неверно.
59. Татарский военачальник Куремса (Куремеса, Куремьса) упоминается на л. 271, 277об., 280—280об., 282; летописный текст в рукописи заканчивается на л. 307об.
60. Эта ремарка, по-видимому, принадлежит Шлёцеру. Незначимый с Ипатьевской летописью историк, очевидно, счел, что известия о литовцах и татарах попали в нее из какой-то другой рукописи.
61. Академический список Никоновской летописи, третья четверть XVI в. НИОР БАН. Основное собрание. 32.14.8. Рукопись поступила в Библиотеку Академии наук в составе собрания Феофана Прокоповича в 1741 г. См.: Описание Рукописного отдела..., т. 3, вып. 1, с. 344—350.
62. Радзивиловский список Радзивиловской летописи, конец XV в. НИОР БАН. Основное собрание. 34.5.30. Рукопись вывезена из Кенигсберга и поступила в Библиотеку Академии наук в 1761 г. См.: Описание Рукописного отдела..., т. 3, вып. 1, с. 293—295.
63. В дальнейшем исследователями установлено, что над рукописью трудились несколько переписчиков. В основной части рукописи, написанной в два столбца, А.А. Шахматов различал четыре почерка (ШАХМАТОВ А.А. Предисловие. ПСРЛ, т. 2, с. VI—VII), а Б.М. Клосс — пять (КЛОСС Б.М. Предисловие к изданию 1908 г. Там же, с. F).
64. Академический список Новгородской Первой летописи, середина XV в. НИОР БАН. Основное собрание. 17.8.36. Рукопись принадлежала В.Н. Татищеву, поступила в Библиотеку Академии наук в 1737 г. См.: Описание Рукописного отдела..., т. 3, вып. 1, с. 310—311.
65. Возможно, здесь имеется в виду пергаменная рукопись, содержащая Минею служебную на апрель, из собрания Библиотеки Академии наук (34.7.5), датированная в выходной записи 6906 (1398) г.; рукопись поступила в библиотеку в 1763 г. См.: Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Л. 1976, с. 105—106; СТОЛЯРОВА Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М. 2000, с. 387—388; МОШКОВА Л.В., ТУРИЛОВ А.А. Плоды ливанского кедрa. М. 2003, с. 72—73. Цифра, обозначающая число сотен в выходной записи, написана через «юс малый», что у иссле-

- дователей второй половины XVIII в. могло породить неверные интерпретации. Благодарю Д.М. Буланина и А. А. Турилова за консультацию по данному вопросу.
66. «In Codice HYPATICO (so nennt er diesen neuentdeckten Codex) quae hucusque obseruare potui, sunt sequentia:
1. Magnitudo & exterior forma non multum differt a *Voskresenico*. (S. den Band dieser allgem. historischen Bibliothek S. 71 ff.).
 2. Incipit plane eodem modo, sicut omnes Codices Nestoriani: continuatur ad annum 6800 (id est a. C. 1292). In penultima eius plagula nantio fit Boleslavi Somovitovicz, his verbis: *Annus 6898. Post Lestzum sedit Cracoviae Boleslav Somovitovicz, frater Kondrati; et venit Indrich princeps Worot'slavicus, et expulit eum*. In ceteris vero circa finem plagulis agit de rebus Lithuanicis & Tataricis, ubi mentionem facit alicujus *Kuremsa* principis Tatarici. [Diese letztern Blätter gehören also nicht zum Codex selbst].
 3. Scriptus est in charta ordinaria duabus columnis, ad modum Codicis *Patriarchalis*.
 4. Convenit ab initio circiter ad medium cum *Radzivilico*.
 5. Character ejus duplex est. In *initio & fine* idem est aliquantulum accedit ad characterem Codicis *Novgorodici*; hic tamen est multo rudior & ad legendum difficilior. In *medio* codice character plane diuersus est: in cipit is ab anno 6622 (A. C. 1014), finitur 6680 (A. C. 1172): accedit quam proxime ad characterem Codicum ecclesiasticorum membranaceorum & praecipue illius, qui A. 1298 scriptus esse perhibetur. Diferentia tantum haec est, quod character hujus nostri Codicis adhuc rudior est, & proinde antiquior esse videtur. Uterque character eodem tempore in usu fuisse videtur: nam ita inter se cohaerent, ut ne vnica quidem alba linea illis interiaceat.
 6. Initia annorum & sectionum rubro atramento facit.
 7. In primo characterе hujus codicis litterarum compositarum, e. c. je, ju, &c. (Die Figuren selbst können wir nicht ausdrücken), praecipue autem parvi Ieri loco *e* & magni Ieri...
 8. Initio historiae praemittit catalogum principum Russiae, & finit expugnatione Kioviae a Batyo (um das J. 1240).
 9. Titulus libri sequens est: *Chronographus Russicus; cum Deo incipiamus; Pater, Benedic!* (hucusque litteris rubris) *Enarratio temporalium annorum &c.*
 10. Inscriptus est codex in prima & alba plagula characterе cursivo non valde antiquo: *Chronographus kievicus*. Possessores codicis duo memorantur in eadem pagina: I. *Liber Hypatici monasterii Servi Tichonis Mishujevi*, II. *Liber Hypatici monasterii monachi Tarasii*. Mihi quidem videtur uterque possessor idem esse: sed postquam susceperit vitam monasticam, transnominatus, seruata, ut mos est apud Monachos, prioris nominis littera initiali T.
 11. Totus hic Codex reuisus & correctus est manu fere aequae antiqua, ac scriptus est. Habemus paginas 40 manu Polenovii (Herr Polenov ist Herrn Baschilov's Gegulfe den der, unter des Herrn Prof. Schldozers Direction unternommenen Ausgabe der Russischen Annalen) descriptas ex hoc Codice, quae omnes a me collatae & correctae sunt». — Auszug eines Schreibens aus St. Petersburg... S. 304—306.
67. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826), с. 231.
68. ПОГОДИН М.П. Ук. соч., ч. 2, с. 54.
69. Там же, с. 20—21.
70. Письма Н.М. Карамзина к М.Н. Муравьёву. — Москвитянин. Учено-литературный журнал. 1845, ч. 1, № 1, с. 8.
71. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки, ф. IV. 2.
72. Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806—1826), с. 230.
73. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1888 г., с. 24.
74. МЕДВЕДЕВ И.П. Румянцевский грант Императорской Академии наук на издание русских летописей. — Петербургский исторический журнал. 2016, № 1, с. 186—192.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 94(470-87)/ББК 63.3

Евгений Васильевич Саблин

Е.М. Миронова

Аннотация. Работа посвящена истории жизни и деятельности русского дипломата Евгения Васильевича Саблина. Рассмотрены дореволюционный период карьеры политика, его отношение к произошедшей на Родине революции, деятельность по защите русской эмигрантской колонии в Англии в межвоенный период. Впервые предпринята попытка представить систему его взглядов на ситуацию в России и роль русской эмиграции, а также показано его сотрудничество с советским посольством в Лондоне в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Маклаков, Сазонов, Совет послов, дипломатия, Русский дом, Русское Зарубежье, эмиграция.

Abstract. The work is devoted to the life and work of the Russian diplomat Yevgeny Vasilyevich Sablin. It looks at the pre-revolutionary period of his political career, his attitude towards the revolution that occurred in his homeland, his activities in looking after the Russian emigre colony in Britain in the interwar period. For the first time an attempt is made to systematically introduce his views on the situation in Russia and the Russian emigration; as well as his cooperation with the Soviet embassy in London during World War II.

Key words: Sablin, Maklakov, Sazonov, The Council of ambassadors, diplomacy, Russian House, Russian Abroad, emigration.

Евгений Васильевич Саблин был одним из виднейших дипломатов и общественных деятелей русского зарубежья. Патриот, государственный, политик, эксперт, человек долга, глубоко верующий христианин. Его фигура давно привлекала к себе внимание историков¹, однако трудно назвать статьи, посвященные масштабу личности этого человека, его разносторонней деятельности, глубокой аналитике, содержащейся в документах, вышедших из-под его пера, его жизни и деятельности. Эта работа — первый подобный опыт.

Документальной базой данного исследования стал массив переписки дипломата со своим руководством в Париже из фонда, кото-

Миронова Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: alena.stankina@rambler.ru.

Mironova Elena M. — PhD, associate professor, senior researcher at the Institute of World History. Russian Academy of Sciences. E-mail: alena.stankina@rambler.ru.

рый, видимо, следует рассматривать как оперативный архив Совета послов ². В свое время этот комплекс был передан на хранение Земгору и через него уже попал в Русский архив университета г. Лидс (Великобритания). Большое количество документов, как частного, так и политического характера, содержится также в личном фонде ³, материалы которого передал в это хранилище племянник Евгения Васильевича Константин де Гогель. Часть бумаг сохранилась в виде писем, лишенных личного обращения. Они рассылались в копиях виднейшим политикам зарубежья.

При подготовке исследования использованы также документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ) и Государственного архива РФ (ГА РФ), гуверовского Института войны и мира, микрофильмы с которых переданы в ГА РФ (фонд 1003); семейного архива Саблиных, часть которого хранится в РГМА. Значительный, но не полный комплекс донесений дипломата опубликован в сборнике документов, подготовленном по материалам фонда, хранящегося в Архиве российской службы внешней разведки, — «Чему свидетели мы были. Переписка бывших царских дипломатов 1934—1940» ⁴. Принципиально важной оказалась осуществленная О.А. Казниной публикация отрывков из частных писем Саблина, попавших в американские хранилища ⁵.

Евгений Васильевич Саблин родился в 1875 г. в области Войска Донского в Новочеркасске. Его отец, Василий Фёдорович, происходивший из знатного казацкого рода, сделал успешную военную карьеру. Во второй половине 1870-х гг. он был переведен в столицу, в 1879 г. произведен в полковники лейб-гвардии казачьего полка. В дальнейшем служил в дворцовом ведомстве по хозяйственной части.

Евгений свое образование начал в Третьей петербургской гимназии. В 16 лет поступил своекоштным студентом в императорский Александровский лицей, программы обучения в котором были приближены к курсу юридического факультета университета, но со значительно расширенным гуманитарным циклом. Это учебное заведение сыграло решающую роль в формировании молодого человека. Учеба в лицее, который когда-то закончил Пушкин, наложила отпечаток на всю его жизнь: «...культурнейший и высокообразованный человек, — написали о нем много лет спустя, — на редкость знакомый с отечественной и иностранной литературой... Он был одним из немногих пушкиноведов за рубежом, Пушкин был его культом» ⁶.

Еще в лицее Евгений решил, что будет дипломатом. Однако он не относился к числу юношей, которые приходили в министерство вследствие семейной традиции. В результате реформирования ведомства в конце XIX в. на службу здесь мог претендовать любой молодой человек, обладавший необходимым образовательным цензом. Для того, чтобы получить штатную должность, надо было сдать экзамен при департаменте, а для того, чтобы иметь возможность претендовать на службу за рубежом — дипломатический. Причисленный, согласно его желанию, к первому (азиатскому) департаменту, недавний лицеист успешно прошел оба испытания.

Воспользовавшись протекцией приятеля отца — любителя истории и собирателя редкостей графа П.С. Киселёва (племянника известного политического деятеля П.Д. Киселёва) — Евгений получил воз-

можность выбирать местно-заграничную службу. Он предпочел Белград, где, по его собственному мнению, ему удалось пройти «прекраснейшую дипломатическую школу»⁷.

После Сербии он оказался в Марокко, где в течение длительного периода управлял миссией в качестве поверенного в делах. В новейших исследованиях отмечается такт, с каким он вел дела в этой стране⁸. В октябре 1908 г. Саблин был назначен первым секретарем миссии в Тегеране. Здесь он «с корабля на бал» попал в самое пекло и прошел испытание на профессиональную пригодность.

В 1905 г. в Персии началась конституционная революция. Саблин прибыл в Тегеран в период, когда ситуация резко обострилась. В этой обстановке «юному и совершенно незнакомому со страной дипломату»⁹ пришлось принять на себя ответственность за российское представительство — посланник, умнейший и многоопытный Н.Г. Гартвиг, был отозван в Петербург для консультаций, а потом и вовсе переведен в другую страну. Назначенный вместо него Поклевский-Козелл приехал только через год.

Исследователь начала XX в., оценивая деятельность Саблина в качестве поверенного в делах, рассматривал его как «дипломатического статиста»¹⁰. Противоречивое заключение сделал современный ученый Нугзар тер Оганов. С одной стороны, он назвал заведомо слабой замену Гартвига молодым и не знавшим Персии Саблиным, с другой — признал, что действия последнего были подчинены внешнеполитической доктрине министра А.П. Извольского, допускавшего «ведущую роль Англии в Иране взамен на ее поддержку при решении вопроса о Черноморских проливах в пользу России в будущем»¹¹. Тем не менее, и министерство и император дипломатом были довольны. На полях одного из его донесений Николай II написал: «Согласен с мнением разумного Саблина»¹². За примерное исполнение обязанностей поверенного в делах в Тегеране «в исключительных по тяжести своей условиях...» дипломату была объявлена высочайшая благодарность¹³. Евгений Васильевич до конца своих дней будет согрет монаршим вниманием, но к своей персоне он всегда относился критически, даже с известной толикой юмора. Так среди коллекции газетных вырезок он хранил критическую заметку о деятельности МИД, где среди прочих «неправедно награжденных» упоминается и он, как «спустивший» шаха между партиями в теннис и получивший за то благодарность от министерства за образцовое управление миссией¹⁴.

Та роль, которую ему пришлось играть в Персии, тяготила Евгения Васильевича. Он с нетерпением ждал перевода на новое место службы. Однако его дальнейшая судьба определилась только в конце 1914 г., когда стала набирать обороты первая мировая война. Саблин был командирован в распоряжение императорского посла в Лондоне.

Накануне февральской революции 1917 г. в России представительство в Великобритании оказалось обезглавленным — в декабре 1916 г. умер посол А.К. Бенкендорф. Руководство посольством в качестве временного поверенного принял К.Д. Набоков. Продвинулся по служебной лестнице и Евгений Васильевич, заняв пост советника посольства.

После октябрьских событий в Петрограде весь заграничный дипломатический корпус отказался сотрудничать с пришедшими в результате переворота к власти большевиками, однако свою деятельность не прекратил. Дипломаты не верили, что новый режим продержится дольше трех месяцев, и обосновывали законность продолжения своей работы тем фактом, что Совет народных комиссаров не распространил свою власть на всю страну. Заявив, что остаются верными политике прежнего правительства, представительства уже в ноябре создали свою организацию — Совет послов.

Пока миссию в Лондоне возглавлял Набоков, занимавший резко антибольшевистскую позицию, голоса Саблина не было слышно. По всей видимости, он не разделял крайних взглядов своего непосредственного начальника. Во всяком случае, знаменитый племянник поверенного в делах был уверен, что Константин Дмитриевич «не очень счастливо воевал с соперником по посольскому первенству Саблиным»¹⁵.

Набоков с момента, когда узнал о событиях, произошедших в Петрограде, следовал бескомпромиссной политике, которая, с одной стороны, по многим аспектам казалась чрезмерной не только всегда умеренному и реально подходившему к ситуации Саблину, но и коллегам, работавшим в других странах. С другой, — она привела к его практически полному разрыву с английскими властями. Более того, он, пожалуй, единственный из дипломатов не принял назначенного лидерами Белого движения министром иностранных дел Сазонова. Через его голову, например, временный поверенный продолжал слать телеграммы Колчаку.

Посетивший Лондон летом 1919 г. министр так и не нашел общего языка с главой представительства. Саблину Сергей Дмитриевич покровительствовал и ранее, теперь, по-видимому, взгляды советника посольства, положение, которого тот сумел добиться и в представительстве, и в дипломатическом корпусе Лондона, убедили министра в том, что Евгений Васильевич способен возглавить посольство. По возвращении в Париж он настоял на отъезде Набокова в Норвегию, куда тот был назначен посланником еще Временным правительством, и передал управление представительством своему протеже.

Евгений Васильевич пришел к руководству посольством в переломный, тяжелый момент Гражданской войны. В конце лета — начале осени ухудшилось положение на Восточном фронте. Потерпела поражение южная армия Колчака. Большевиками был захвачен Урал, захлебнулось начатое в сентябре 1919 г. последнее наступление Омс-

кого правительства; в октябре началось наступление РККА на Южном фронте против Добровольческой армии генерала Деникина. Большие надежды в это время возлагались на самый молодой из «белых» фронтов — Западный Юденича.

Обстоятельства дипломатической деятельности после октября 1917 г. привели к заметно большей, чем прежде, самостоятельности представительств на местах. Связь в те времена была еще далеко не совершенна, кое-где отсутствовала вообще. С другой стороны, и управление дипломатическим представительством антибольшевистского движения за рубежом претерпело серьезные изменения сравнительно с нормой дореволюционной эпохи. Существование нескольких центров: министра, пребывавшего в Париже, министерства в Омске и управлений иностранных дел других антибольшевистских центров, имевших свободу действий в пределах своей компетенции, противоречия, возникавшие между этими силами, не способствовали организации продуманной и четкой работы.

В России в период гражданской войны было несколько антибольшевистских фронтов, базировавшихся по периферии территории страны. Связь местных властей с находившимися в сопредельных странах русскими представительствами, сотрудничество с ними были порой значительно эффективней, чем обращение в Омск или Париж. Таким образом, складывались региональные группы представительств, которые уделяли больше внимания тому или иному фронту антибольшевистской борьбы. «Зоной ответственности» посольства в Лондоне был запад и северо-запад России, фронты Миллера и Юденича.

Приняв в сентябре 1919 г. руководство посольством, уже в начале октября Саблин представил на рассмотрение министра свое видение положения дел на Северо-Западном фронте и тех задач, которые стояли перед дипломатическими учреждениями. Цели свои и коллеги-дипломатов в сложившихся обстоятельствах он видел в том, чтобы: всеми мерами убеждать союзников в необходимости поддержки и снабжения армии Юденича и подготовки запасов для Петрограда на случай, если его удастся занять; просить союзные правительства обеспечить северо-западной армии благожелательный нейтралитет Эстонии и Латвии. Кроме того, в это время в русских антибольшевистских кругах активно обсуждался вопрос о возможности участия финских вооруженных сил в освобождении Петрограда и та цена, которую за это допустимо заплатить. Евгению Васильевичу эта идея не нравилась. Он считал необходимым избежать такого стечения обстоятельств, «при коем финляндская кооперация против Советской Республики обратилась бы в операцию против России просто»¹⁶. Весьма скептически относился он и к возможности использовать силы Латвии и Эстонии, предвидя, что рано или поздно эти страны заключат мир с большевиками.

Неотложной была задача восстановления практически прерванных по вине его предшественника отношений посольства с местными властями, с английской общественностью. Делать это приходилось в обстановке поражения Белого движения на родине и разочарования, которое по этому поводу испытывало английское общество; нерасположенности английского правительства к дальнейшему оказанию помощи антибольшевистским силам; в отсутствии у союзни-

ков продуманной и последовательной политики в отношении России. Понимая все сложности, стоявшие перед ним, новоиспеченный глава представительства активизировал контакты с Форин офис и редакторами крупных английских газет. Во время различных встреч он последовательно и настойчиво отстаивал интересы Белого движения: добивался английской поддержки выступления Финляндии на помощь Юденичу, обсуждал возможность займа омского правительства в Великобритании, вновь поднимал проблему признания Колчака¹⁷.

Надежды на то, что поражения антибольшевистских армий были временным явлением, оказались тщетны. Здесь, в Лондоне, Саблин пережил крах фронтов Миллера, Юденича, Колчака и Деникина. Ситуация становилась все более и более тяжелой. Англичане, а вслед за ними и другие страны, начали поиск контактов с Москвой.

Осенью 1919 г. в Копенгагене Великобритания вступила в переговоры с представителями большевистской России. Формально речь шла об обмене военнопленными. По сути же был сделан шаг к установлению отношений между двумя странами. Весной следующего, 1920 г., англичане отказались продолжать оказывать поддержку Белому движению, в мае 1920 г. в Лондон прибыла советская делегация во главе с Л.Б. Красиным. Евгений Васильевич пережил очень тяжелые минуты. Уже в январе он писал «Наша миссия, как представителей российских временных правительств и Белых армий, — временно замерла, а при дальнейшей борьбе с большевиками нашего авторитета может оказаться недостаточно, — ввиду того, что некоторое время еще англичане будут отождествлять нас с Белыми армиями, сошедшими со сцены, и не оставившими в англичанах сочувственной памяти»¹⁸. Именно тогда в официальной переписке Саблина появились горькие строки: «И вчера и весь день сегодня я полон каких-то мрачных предчувствий. И они тем более болезненны и досадны, что чувствуешь, как легко, собственно говоря, было избежать совершенных ошибок, если бы все власть имевшие уверовали бы, что в России произошла революция, что она безвозвратно завоевала очень и очень много, что вслед за ней появились большевики, переродившие народ, что к прежнему возврата нет, и что фраза “завоевания революции”, как бы избита она ни была, тем не менее, полна глубокого смысла»¹⁹. Много лет спустя, он вернется к этой мысли и раскроет ее смысл. Он полагал, что гражданская война — не то время, когда надо подчеркнута сохранять преданностью принципам, что лидеры Белого движения повредили общему делу недостатком оппортунизма и решимости, ссылками на будущее волеизъявление русского народа. У него было достаточно времени и оснований для того, чтобы утвердиться в сделанных, по-видимому, ранее выводах о том, что, если бы своевременно был издан манифест о земле, сделаны территориальные уступки Польше и дарована автономия национальным окраинам, то коммунисты едва ли преуспели бы в своей политике²⁰. В середине 1930-х гг. он сформулирует кредо, позволявшее ему продолжать борьбу в самых отчаянных ситуациях: «Многое из того, что невозможно сегодня, может стать возможно завтра. И готовиться к этому нужно уже теперь»²¹. А пока, в конце 1919 г., оказавшись в гуще международных сношений Белого движения, он просто продолжал работать.

Руководство антибольшевистской дипломатии было чрезвычайно обеспокоено затяжными Форрин офис переговорами, которые в начале 1920 г. Лондон пытался организовать между руководством добровольцев и большевиками при своем посредничестве. Саблин самым тщательным образом отслеживал контакты англичан с «советами». С компетентными властями он обсуждал вопрос о возможной помощи Лондона в эвакуации Добровольческой армии. Несмотря на тяжелое душевное состояние, активно общался с английскими политиками, журналистами, общественными деятелями. Принимая во внимание снижение доверия английского истеблишмента к деятельности антибольшевистских дипломатических учреждений, он был готов на время отступить в тень, а авансцену дипломатии предоставить Церкви, получившей полномочия, по его выражению, «не от временных правительств, прекративших свое существование,... а от Вечного источника Света и Истины»²², то есть той силы, которую, как он полагал, англичане готовы были слушать. Об этом он настойчиво писал в Париж, советуя способствовать приезду в Лондон авторитетных церковных политиков и проповедников.

Весной 1920 г. в отличие от русских парижан, рассуждавших о правах и возможностях Врангеля, Саблин работал в пользу тех, кто продолжал борьбу. Переговоры, проведенные им в Лондоне, позволяли надеяться, что, несмотря на заявленное английским правительством решение уклониться от участия в русских делах, в случае, «если в результате польского наступления, советский фронт против Врангеля будет сокращен, и Главнокомандующему удастся с победой продвинуться вперед, — откроются новые шансы на то, что Врангелю будет оказана поддержка материально»²³.

Переживший разочарование и горечь поражения четырех антибольшевистских фронтов Саблин понимал, что не приходится надеяться на то, что ход борьбы сможет переломить маленькая армия, базирующаяся в лишенном промышленности и даже возможности прокормить всех, кто нашел на полуострове убежище, Крыму. Но всегда позитивный и старавшийся найти выход из любого положения дипломат увидел надежду в создании из Крыма с прилегающими территориями, а также казачьих областей суверенного русского государственного образования, независимого от большевиков. Гарантировать существование такого новообразования, по его мнению, было вполне по силам союзникам²⁴.

Евгений Васильевич соответствовал запросам эпохи и полностью использовал предоставлявшиеся ему возможности. Поверенный в делах не ждал министерских распоряжений, он сам видел проблемы, искал их решение, докладывал свои предложения и приступал к действиям, не оглядываясь на реакцию начальства. Надо отметить, что Сазонов ни разу не одернул подчиненного, разделяя его позицию. Более того, деятельность Евгения Васильевича была отмечена Врангелем, который вообще чрезвычайно скептически относился к дипломатам. Главнокомандующий «осведомился об умелом и полном такта отстаивании нашим поверенным в делах в Лондоне, Е.В. Саблиным, наших интересов на своем ответственном посту в настоящих сложных и тяжелых условиях и поручил передать ему... выражение искренней благодарности за столь полезную деятельность»²⁵.

Несмотря на все надежды, вызванные успехами летней 1920 г. кампании Русской армии генерала Врангеля, конец неминуемо приближался. В ноябре Крым был эвакуирован. Белое движение утратило территорию. Дипломаты лишились последней опоры и оправдания существования своих представительств. Тем не менее, долг влек их дальше.

Еще летом 1920 г., когда в Северной Таврии войска Врангеля вели отчаянные сражения с Красной армией, руководство дипломатического ведомства продумало свои действия на случай поражения антибольшевистского движения и возможного признания странами советского правительства. В начале 1921 г. руководство ведомства, в отсутствие какого-либо эмигрантского правительства, приняло на себя ответственность за судьбы всех без исключения выброшенных за пределы родины соотечественников. Единственным критерием было непризнание большевиков. Разбросанные по разным странам дипломаты откликнулись на призыв Гирса остаться на своих местах и продолжить деятельность в новых условиях. Нет нужды говорить, что и Саблин не уклонился от исполнения своего долга.

До 1924 г. представительство под его руководством продолжало работать в здании русского императорского посольства, защищая интересы соотечественников в Великобритании. Когда Лондон решил установить дипломатические отношения с СССР, небольшая, политически разобщенная русская колония в Англии единодушно избрала Евгения Васильевича своим представителем. Кроме того, за свою растянувшуюся на десятилетия службу в Англии он был церковным старостой, почетным попечителем русской церкви в Лондоне, казначеем Российского Общества Красного Креста в Лондоне.

В начале 1924 г. Англия де-юре признала советскую власть. В полном согласии с планом, разработанным еще в 1920 г. руководством Совета послов, поверенный в делах провел консультации с британским МИД, в ходе которых он получил заверения о том, что русские эмигранты в Великобритании никогда не будут подчинены юрисдикции советского посольства, а он сам сохранит доступ в министерство. В результате достигнутых договоренностей представительство продолжило свою деятельность в скрытом виде. 13 февраля 1924 г. Саблин вручил новые «верительные грамоты» представителям английского правительства. Посольство отныне именовалось Russian Refugees Relief (Head Office). Соответственно были переименованы и консульства.

Прибывший в Лондон в качестве представителя Советской республики Х.Г. Раковский потребовал передачи ему здания посольства и архивов дипломатических учреждений. Знакомство большевиков с бумагами посольства Саблин считал абсолютно недопустимым, о чем и заявил английским властям. Что касается Chesham House, где располагалось представительство, то особняк не являлся собственностью русской казны, он был арендован у герцога Вестминстерского, а «потому, — как писал Саблин, — простая передача акта не могла иметь места без согласия самого владельца и графа Бенкендорфа²⁶, получившего контракт в наследство от покойного императорского посла». Однако, к лету 1924 г. Саблин пришел к выводу, что сохранить здание не представляется возможным. Средств на содержание дворца, в

котором находилось посольство, не хватало. Евгений Васильевич испробовал все возможные способы пополнения бюджета вплоть до проведения в парадных залах здания танцевальных вечеров, однако сезон в Лондоне был короток и не мог обеспечить содержание особняка в течение целого года, а респектабельные соседи стали жаловаться на шум ²⁷. Битва за здание была проиграна. 30 июля 1924 г. Евгений Васильевич с тяжелым сердцем — за десять лет, проведенных в посольстве, он сжился с его стенами — покинул особняк, оставив в нем казенную мебель и часть политического архива за царское время.

Думается, к этому моменту у него уже созрел план, осуществление которого определило всю его дальнейшую жизнь. В 1924 г., пятидесяти лет от роду, Евгений Васильевич женился в третий раз. Пережив семейную трагедию в первом браке, безвременно похоронив вторую жену, он нашел в третьей пониманию, поддержку, уважение. Супругой, верной спутницей и соратницей, о какой он всегда мечтал, стала Надежда Ивановна Баженова. Впервые за многие годы дипломату пришлось искать жилье. В посольском квартале Лондона на свои сбережения он снял особняк, который существенно превышал нужды молодой бездетной семьи. Себе он оставил четыре комнаты, предоставив все остальные помещения русским общественным учреждениям. Сюда он перевез архив, ценности российского посольства: портреты, гравюры, рукописи, документы. И широко распахнул двери своего дома для всех русских, «за исключением заведомых большевиков» ²⁸.

В августе 1924 г. в торжественной обстановке на Кромвел Род открылся первый русский Дом в Лондоне. «Под звуки СЛАВЫ Мусоргского ²⁹ в исполнении квартета Н.Н. Кедрова, — вспоминал позднее Саблин, — мы водрузили старую посольскую мачту и подняли наш старый национальный флаг» ³⁰. Через несколько лет ему представилась возможность купить дом, расположенный в квартале от первого, и он пошел на очень большой риск — приобрел его в кредит. Расплачиваться дипломату пришлось 24 года: лишь в 1946 г., за два года до смерти, он окончательно рассчитался с банком. Впоследствии в благодарной, но неверной людской памяти два эти дома сольются в один саблинский русский дом.

Здесь, как вспоминали современники, Россия начиналась с порога. У двери место таблички с именем владельца занял двуглавый орел, висевший некогда у здания российского посольства.

Хозяин рассматривал свой дом как «политическое наследие старого посольства» ³¹. В этом с ним были согласны и... в Москве. В справке начальника первого управления НКГБ указывалось, что особняк Саблина является своего рода политическим салоном, где регулярно собираются бывшие высшие круги царской России, чиновники английского Министерства иностранных дел, журналисты, члены парламента... В частности, его посещали Бернард Пэрс (по мнению советских компетентных служб, английский разведчик), советник французского посольства Камбон, эстонский посланник в Лондоне Шмидт, ряд высокопоставленных английских дипломатов: Лорен Пэрс, Кэмпбелл Рональд, Олифант Ласелот и другие ³².

Особняк в центре Лондона стал настоящим русским очагом. Он был наполнен произведениями русского искусства, вывезенными Саблиным из посольства, и его собственными коллекциями. В боль-

шом зале проходили встречи, концерты, диспуты, на которые собиралась вся русская колония вне зависимости от политических пристрастий или социального положения. Хозяин дома предоставлял трибуну разным людям, далеко не всегда исповедовавшим близкие ему взгляды, споры могли быть жаркими, но, благодаря ведущему, а эту роль Евгений Васильевич всегда оставлял за собой, никогда не доходило до резких неприятных сцен. Здесь устраивались великосветские приемы и музыкальные фестивали, отмечались юбилеи, поминали ушедших друзей... Будучи сам отличным чтецом, Евгений Васильевич каждый месяц в течение двадцати лет собирал близких по духу людей, чтобы разделить с ними счастье общения с родной литературой.

Особняк Саблиных гостеприимно открывал двери для приезжих соотечественников. Здесь доводилось гостить и иерархам Русской Православной церкви, и заезжим знаменитостям, и юным институткам из Белграда, и станичникам, путь которых пролегал через столицу Великобритании.

На долгие годы Саблину удалось сохранить в Лондоне полуофициальное положение, даже право участия в официальных мероприятиях. Так, в 1934 г., когда Сент-Джемский Двор праздновал свадьбу герцога Кентского и принцессы Марины греческой и датской, дочери урожденной великой княгини Елены Владимировны Романовой, состав старого посольства (Саблин с супругой и бывший первый секретарь посольства Г.А. Волкова) был приглашен на официальные мероприятия. «Таким образом, — писал Евгений Васильевич, — мы оказались на торжествах наравне с г. Майским (послом СССР в Великобритании. — *Е.М.*), и во дворе на вечернем приеме меня от Майского отделяли лишь три osoby. Он стоял в конце дипломатического корпуса, а я почти в начале так называемых “этранже де дистинкстон”... не в меру усердные правые газеты, очевидно, чтобы уколоть Майского, пропечатали мое присутствие, и даже выдумали, что “представитель настоящей России был предметом особого внимания короля”... Все это вздор. Король прошел мимо нас, мы ему отвесили поклон, и тем дело и кончилось...»³³

Саблин сохранил и даже преумножил связи в английских политических кругах; довольно прочным было и его положение в дипломатическом корпусе Лондона. Советские газеты уже в 1920-е гг. писали, что он «у некоторых членов английского правительства в полном смысле является своим человеком», подразумевая, в частности, министра внутренних дел Джойнсона Хикса³⁴. Со временем глава русской общины в Лондоне и в самом деле стал своего рода советником Форин офис по русским вопросам, понимаемым в самом широком плане, как все, что относилось к прежней Российской империи. С легкой иронией Евгений Васильевич сообщал об этом своему руководству по Совету послов как о сложившейся практике.

«Возьмите, например, украинский вопрос, — писал он, — Надо ведь знать англичан, которые на такого рода возникающие вопросы смотрят весьма упрощенно: украинский вопрос, напишем в бывшее русское посольство, там имеется некий Саблин, он ответит и разъяснит, составит меморандум и т.д.... И мне приходится твердить азы англичанам, разъяснять им рекомендовать им те или другие исторические сочинения на их же собственном языке...»³⁵

Он писал, что у него оставалась возможность, «хотя и довольно проблематичная, поддерживать неофициальные сношения с государственными людьми других держав». Придерживаясь общепринятой дипломатической практики, он встречался с авторами статей о России, с компетентными английскими общественными деятелями, политиками и дипломатами других стран, находившимися в Лондоне (он сообщал о своей беседе с японским социалистом, регулярных посещениях французского посольства в Лондоне, минимальных контактах с японскими журналистами и сотрудниками японского посольства, поддержании отношений с персидскими эмиграционными кругами ³⁶).

Прожив много лет в Англии, хорошо узнав англичан, уважая местные традиции, дипломат выработал свои приемы работы во благо России и соотечественников, оказавшихся в изгнании в этой стране. Так, например, он взял за правило участвовать во всех имевших отношение к русской тематике мероприятиях, а потом благодарить за проявления сочувствия и помощь соотечественникам; кроме того, посещал клуб, членами которого состояли многие министры, видные публицисты, финансисты, военные ³⁷.

Прибегая к принятым в Англии формам ведения политической деятельности, в тридцатые годы глава русской колонии рассылал циркулярные письма английским деятелям, интересовавшимся русской проблемой; выступал перед ними на различных встречах, усвоил даже английскую манеру политического доклада... Его усилия имели резонанс. Так, его циркуляр осени 1934 г. о желательности посылки в Россию особой комиссии бюро труда для изучения условий трудовой деятельности в СССР подвигнул секретаря английского общества христианского протеста на поездку в Женеву для выяснения возможных перспектив в рассмотрении этого вопроса. Готовность предпринять какие-либо действия в этой связи изучал и лорд Феллимор, стоявший во главе Координационного комитета по русским делам. Другие полученные им отзывы содержали полную готовность использовать Лигу наций для улучшения положения населения России. Впрочем, обладая немалым политическим опытом, Саблин не ждал немедленных практических результатов ³⁸.

В том же 1934 г. политик обратился к сэру Остину Чемберлену с просьбой выступить против расстрелов без суда, возобновленных в СССР после убийства Кирова. Рассылал он в этот период и письма членам палаты общин, рекомендуя им обратить внимание «на несоответствие новых декретов ЦИКа об упрощенном порядке рассмотрения дел о лицах, обвиняющихся в связи с террористическими организациями, с десятой статьей Ковенанта ³⁹» ⁴⁰.

Принимая во внимание роль, которую играло в Великобритании общественное мнение, дипломат искал и находил контакты с редакторами крупных газет. Много писал сам, например, в «Таймс», подписываясь инициалами. Он вообще считал прессу важнейшим инструментом политики. Евгений Васильевич полагал, что настоящая борьба с коммунизмом начнется только тогда, когда в мире станет достаточно «зрячих», то есть понимающих, что коммунизм является всеобщей опасностью. Одну из важнейших задач русской эмиграции он видел именно в этой разъяснительной работе. «Наша МИССИЯ, — писал он, —

МОЛЧАЛИВО ВОЗЛОЖЕННАЯ НА НАС НАШЕЙ Родиной велит нам быть инструкторами в этом отношении. Мы — то Чрезвычайное Посольство с берегов Невы и Москвы-реки, которое подлинная Россия выслала за границу»⁴¹. В этой связи еще в конце 1920-х гг. он считал чрезвычайно важным создание за рубежом русского независимого и надпартийного осведомительного делового агентства по образу и подобию агентства Рейтера.

Судьба сделала Саблина ответственным за соотечественников в Лондоне. Работа в этом отношении предстояла огромная. Колония, по словам самого дипломата, достигала «почтенной цифры в 5—6 тысяч человек»⁴². Проблемы перед беженцами стояли сложные, и без помощи компетентных людей разрешить их было невероятно тяжело. Это и вопрос собственного статуса за границей, и обеспеченности документами, и проблемы занятости, и массовая необеспеченность, то есть бедность колонии, и постоянно возникавшие затруднения, с которыми в обычной жизни человек не сталкивается: кто и каким образом должен в отношении русского изгнанника регистрировать брак (развод), как завещать имущество или получить наследство, как выехать за границу, а, главное, потом иметь возможность вернуться в страну, из которой выехал.

В первые годы глава общины мог опереться на своего старого сотрудника: консула Гамбса, а также полковника Зиновьева и генерала Гальфтера⁴³. Однако возможность работать бесплатно со временем у людей иссякала, они вынуждены были заняться добыванием хлеба насущного. Постепенно Саблин «на хозяйстве» остался один, и ему пришлось в одиночку справляться со всеми бедами.

Так, в 1920 г. он одним из первых поднял вопрос о необходимости изменения формы поддержки русских беженцев — отказа от выдачи пособий, которая грозила в весьма непродолжительном будущем истощить средства и оставить изгнанников вообще без какой-либо поддержки. Он предложил направить сохранившиеся средства на оказание трудовой помощи при опоре на русские кооперативы. Первая мастерская при русском приходском кооперативе была открыта в мае 1920 года⁴⁴.

В 1934 г. Саблин активно содействовал организации в пользу Русского Красного креста выставки русского искусства, а в начале 1937 г. — бала⁴⁵.

В письме старому коллеге и приятелю — С.В. Жуковскому — Евгений Васильевич сообщал и о большой загруженности беженскими делами, объем которых в то время резко вырос в связи со стремлением многих русских эмигрантов из Франции перебраться в Англию. Это было обусловлено как опасениями революции в этой стране, так и принятым властями решением о распространении на эмигрантов воинской повинности⁴⁶.

В начале 1939 г. Саблин неожиданно столкнулся с новой проблемой. Английские власти вдруг начали ставить на выдаваемых русским нансеновских паспортах отметку об отсутствии права работать за плату или бесплатно. Дипломата глубоко возмутил такой подход. Он вынужден был провести собеседования по этому вопросу с новым главой Нансеновского офиса Г. Эмерсоном и подать соответствующий меморандум правительству, в котором доказывал, что с подоб-

ным паспортом русские не могут получить работу в других странах. Он боролся за то, чтобы «держатель нансеновского паспорта, выданного английским Министерством внутренних дел, был приравнен к англичанам»⁴⁷.

О необходимости каждодневного внимания к проблемам соотечественников он в апреле 1940 г. сообщал В.А. Маклакову. Так, например, с началом второй мировой войны англичане ввели правило получать разрешение на выезд из Соединенного Королевства. При этом документы тех русских, что получили английское гражданство, посылались на согласование и для получения рекомендации... Саблину. Такой же практики стало придерживаться и французское генеральное консульство при запросах на въезд в свою страну. «Получается, — иронизировал дипломат, — что, имеются британские подданные первого и второго классов, и решающее значение в отношении второй категории имеет ни кто иной, как русский беженец»⁴⁸.

Много хлопот добавил в этот период перевод в Лондон офиса нового Верховного комиссара Лиги наций по делам беженцев. «Масса соотечественников вообразила, — сетовал никогда ранее не жаловавшийся Евгений Васильевич, — что я стал каким-то оффисье де лезон между этим учреждением и нашими беженскими организациями в других центрах нашего рассеяния», «...я безумно занят текущими делами. Переезд Нансеновского оффиса принес массу переписки... Одна Прага приводит меня в отчаяние своими просьбами. С раннего утра у меня посетители. Корреспонденция колоссальная, а я совершенно один. У меня нет никаких помощников...»⁴⁹

Присущие Саблину чувство такта и политический опыт принесли ему уважение самых разных кругов русских эмигрантов, в том числе и Дома Романовых. Вопрос об отношении к монархии вообще и к царственной семье в частности в эмиграции стоял очень остро. Еще в начале двадцатых годов Совет послов отказался подчиниться легитимистскому движению. Блюстителю престола пришлось создавать собственное представительство в разных странах.

Отношение Евгения Васильевича к представителям династии нельзя назвать однозначным. Он весьма критически относился к их действиям в эмиграции, но, принимая во внимание статус членов семьи императора, оставался корректным и уважительным. Так, он полагал, что проживавшие в Лондоне сыновья Великой княгини Ксении «безнадежно провалились», не использовав возможности укрепить свое положение общением с английским двором»⁵⁰. Неоднократно Саблин довольно жестко отзывался о Кирилле Владимировиче, указывая, в частности, на то, что «нельзя на старости лет шутить с такими вещами, как императорский титул»⁵¹. Однако он считал своим долгом устроить прием в своем доме в честь великого князя, который находился в Лондоне в качестве гостя королевской семьи, оказывал ему все положенные знаки внимания и уважения «как Романову, которым я служил, при которых я воспитывался, при которых очень часто я мог гордиться своим отечеством». Никаких расчетов на них он не строил, никаких богатых милостей не ожидал, но «топтать поверженного льва» считал недостойным⁵².

Представители династии находили возможным советоваться с Саблиным по внутренним семейным проблемам. Кирилл Владими-

рович просил дипломата присматривать за его сыном Владимиром, получавшим образование в одном из английских учебных заведений. В 1948 г., когда Владимир Кириллович озадачил семью неожиданным браком с княжной Багратион-Мухранской, к дипломату обратились за советом в разрешении вопроса, может ли этот брак быть признан равноправным, и как в таком случае его оформить⁵³.

И все же главным делом жизни Саблина была политическая работа. Он продолжал, насколько позволяла сложившаяся ситуация, служить стране, которой когда-то принес присягу, несмотря на то, что государства того уже не было. Свои задачи он видел в борьбе с установившимся на Родине режимом, в «привлечение внимания английского общественного мнения ко всему тому страшному, что происходило тогда в нашем отечестве»⁵⁴. На чужбине он вырос в крупного общественно-политического деятеля. К его мнению, всегда обоснованному и взвешенному, прислушивались.

Евгений Васильевич разделял точку зрения, что судьбу России будут решать те, кто остался на родине, но не соглашался с делавшимся из этого выводом, что эмиграция бессильна и потому может умыть руки, прекратив свою деятельность. Он призывал «не ждать пассивно и фаталистически», не обескураживаться, на том простом основании, что «многое, что невозможно сегодня, может стать возможным завтра». Пока же приходилось выжидать, но при этом он призывал «не тешиться устаревшими шаблонами», а внимательно следить за событиями и стараться нащупывать и выяснять те силы, как в России, так и за границей, с которыми можно было бы действовать сообща, когда для того возникла бы возможность⁵⁵. Саблин считал, что эмиграции надо готовиться к возвращению на родину при первой возможности, «разработав предварительно все хозяйственные вопросы»⁵⁶. Отсутствие положительной и конструктивной политики эмиграции он считал серьезнейшей проблемой.

Возможность содействия свержению большевиков со стороны эмиграции дипломат видел, в частности, в создании для народа России условий для человеческого существования, «при наличии которых он оказался бы в состоянии что-либо предпринять». Он предлагал будить общественное сознание Европы, предоставляя Лиге Наций точные и беспристрастные сведения о голоде в России, о положении там трудящихся масс и т.п.

В 1931 г. Саблин вместе с А. Тырковой-Вильямс стал инициатором коллективного обращения зарубежья в Лигу Наций с просьбой изучить вопрос о принудительном труде в СССР, указывая, что там население лишено права свободно распоряжаться своим имуществом, выбором места жительства, работы и заработка⁵⁷. Обращение было опубликовано целым рядом русских изданий в разных странах: «Возрождением», «Россией и славянством», «Рулем», «За свободу», «Часовым», «Борьбой за Россию» и др. Идея нашла отклик в широких кругах русской зарубежной общественности: составленный Саблиным список организаций, принявших участие в акции, занял четыре страницы машинописного текста⁵⁸. Было собрано более 100 тыс. подписей.

Лига Наций не сочла возможным принять заявление от лиц, не представлявших никакое государство. Евгений Васильевич и здесь не

отчаялся — он обратился к Югославии с просьбой инициировать обсуждение этого вопроса, а в случае, если королевич сочтет для себя неудобным такой шаг, был готов привлечь к этому делу все славянские государства. Добиться принятия вопроса к рассмотрению Лигой не удалось, но дипломат был доволен достигнутым результатом — он смог «разбудить» и сплотить эмиграцию в единой акции. Работая на перспективу, он предлагал, в случае, если эта манифестация не удастся, обратиться к правительствам с предложением созвать международную конференцию для выработки конвенции о международной защите прав человека вообще, русского человека в частности, и уже продумывал основные пункты этого плана⁵⁹. Но Лиге Наций, которая готовилась принять СССР в свой состав, эти вопросы в данный отрезок времени не были интересны.

Евгения Васильевича всегда коробила пестрота антибольшевистского лагеря, его неспособность договориться. В 1920 г. важнейшей задачей движения он считал его «унификацию» на чисто деловой основе⁶⁰. Вернувшись к этому вопросу четырнадцать лет спустя, в 1934 г., он писал о том, что эмиграция нуждается в дисциплинированной, державной партии, которая исходила бы из реального положения вещей в России и старалась бы выработать собственную практическую программу или хотя бы свое поведение за рубежом⁶¹.

В тридцатые годы дипломат активно участвовал в дискуссиях о роли эмиграции в будущем России, а иногда и сам их провоцировал. Так в 1932 г. журнал «Часовой» опубликовал несколько писем неназванного «красного командира», посвященных процессам, развивавшимся в России, и возможности смены режима. Политик не мог остаться в стороне и в письме в редакцию высказал свои мысли по этому поводу. В конце следующего, 1933 г., Саблин сам инициировал дискуссию, опубликовав в парижских «Последних новостях» статью «Прошу инструкций». Начатый на страницах прессы анализ менявшейся международной обстановки был продолжен в переписке с возглавившим в это время Совет послов Маклаковым, а также в аналитических материалах, которые Саблин готовил для Министерства иностранных дел Великобритании.

Какова же была его позиция? Прежде всего, он считал, что эмиграции не удастся достичь единения даже по вопросу борьбы с большевизмом, потому что большинство изгнанников, глубоко переживая разрыв с Родиной, продолжало «тешиться устаревшими шаблонами»⁶², не желая видеть реального положения дел в стране. Сам он взял на себя смелость печатно заявить о том, что вернуться в прошлое, возродить старые формы государства уже не удастся⁶³. Будучи монархистом по воспитанию, убеждению, «эстетическим потребностям», он был абсолютно уверен, что идти под этим знаменем в Россию нельзя.

Размышляя о лозунгах борьбы, которые можно было бы предложить эмиграции, он, как ни странно, обратился к опыту большевиков. Политик отдал должное Ленину, отметив, как четырьмя словами: «земля, воля, хлеб и мир» тот вздыбил всю крестьянскую Россию. Соотнося эту программу с тем, что предлагали идеологи Белого лагеря, Евгений Васильевич признавал, что она оказалась абсолютно достаточна, хотя и не упоминала ни гарантий личной и наследственной собствен-

ности крестьян на землю, ни гражданских свобод или созыва Учредительного собрания. Евгений Васильевич полагал, что и в середине тридцатых годов, лозунг «земля и хлеб», после того, как «коммунисты отняли и то, и другое», своей актуальности не утратил. На народные массы, по его мнению, могли оказать впечатление призывы к свободе земледелия, сельской торговли и мелких промыслов, однако он смиренно признавал, что такой простой, краткой и ясной программы, как та, что была предложена большевиками в 1917 г., ему не придумать ⁶⁴.

Саблин вел огромную аналитическую работу, по крупницам собирая сведения, поступающие из России, самым тщательным образом отслеживал события английской, европейской и мировой политики, выявлял тенденции их развития и редко ошибался в своих прогнозах.

Его отличало удивительно четкое видение процессов, даже тогда, когда информация, которой он располагал, не могла быть исчерпывающей и точной. Так, например, по поводу репрессий, последовавших после убийства Кирова, он писал, что «большинство казненных и арестованных не имели к факту убийства никакого отношения», и делал вывод, что «Советское правительство использует этот акт терроризма для того, чтобы упрочить свое положение и вывести в расход под “благовидным предлогом” всех неугодных лиц» ⁶⁵. Свое донесение от 28 июня 1934 г. Саблин посвятил освещению вариантов разрешения политического кризиса в Германии, причем высказал мысль, что в случае конфликта внутри нацистской партии, Гитлер встанет на сторону консервативных кругов ⁶⁶. 30 июня в Германии разразилась «ночь длинных ножей», которая смела сторонников продолжения национал-социалистической революции.

Добытые сведения, свои суждения по ним он излагал в донесениях Совету послов. Писал он много, два-четыре раза в неделю, посвящая каждой теме отдельное письмо. В Париже его сообщения копировались и рассылались ведущим общественно-политическим деятелям эмиграции: Маклакову, М.В. Бернацкому, Н.В. Савичу, К.К. Миллеру, В.И. Новицкому.

В первой половине 1930-х гг. произошли существенные подвижки в представлениях дипломатов о Советской России, в том, какой образ страны они транслировали иностранцам. Вызвано это было многими причинами.

С одной стороны, стабилизация экономического положения в СССР, связанная с проведением первой пятилетки, не могла пройти мимо их внимания. С другой, русские дипломаты на всем протяжении противостояния с советской властью, одним из главных ее пороков считали ее антинациональный характер, подчинение государственной политики интересам Коминтерна. Однако и в этом отношении к середине 1930-х гг. они отмечали подвижки. Саблину, например, явно импонировал сделанный в 1935 г. вывод младоросов ⁶⁷ о том, что в Москве «Коминтерн рассматривается ныне как паразит, который стоит много денег... и служит лишь к созданию Советскому Союзу осложнений с другими правительствами» ⁶⁸, что позволяло надеяться на то, что в политике Кремля в дальнейшем достойное место займет решение национальных задач.

Кроме того, быть более сдержанным в критике Советского Союза Совет послов заставляло изменение международной обстановки:

вызревание фашистских режимов, рост противоречий между странами и новый подъем агрессии в мире, проявившиеся к этому времени тенденции решать мировые проблемы за счет России.

Саблин в полной мере разделял обеспокоенность приехавшего в конце 1933 г. с лекциями в Лондон Милюкова по поводу того, что Россию в мире «начинают рассматривать как некое выморочное имущество»⁶⁹. К фактам, которыми оперировал известный русский политик и издатель парижских «Последних новостей», таким как «предвосхищения Танаки»⁷⁰, с одной стороны, и амбиции Гитлера, с другой, он добавил свои, в частности, растиражированное «Дэйли-мэйл», в количестве 2750 тыс. экземпляров предложение лорда Ротермира «устроить и успокоить Европу за счет территории России»⁷¹. Он указывал на исторический опыт и считал, что «если Румыния в свое время заняла Бессарабию, а Польша захватила широкую полосу русских земель, то это в значительной мере, если не преимущественно, объяснялось благожелательным отношением некоторых держав к этим “приобретениям за счет России” и определенной поддержкой Франции»⁷². Этому вопросу в разные годы были посвящены многие его записки, письма, статьи на французском и английском языках. В них он старался доказать читателям, что распад территории России не приведет к прочному миру в Европе⁷³.

Беспокоили его и сепаратистские настроения так называемых «самостинических» эмигрантских кругов. Он с прискорбием связывал «неуместные заблуждения» и отсутствие у сепаратистов сдерживающих центров с началом рассмотрения различными министерствами иностранных дел перспектив «балканизации России»⁷⁴.

Политик считал, что эти факты требуют срочного переосмысления задач русской дипломатии за границей. Со своей стороны, главную цель он видел в «способствовании падению советской власти без того, чтобы одновременно с сим распалась Россия»⁷⁵. Это была главная мысль, главная боль «державного» дипломата.

Саблин призывал не утверждать, что политика Сталина осталась такой же, как и 10 лет тому назад, и «смело признавать перед иностранцами все перемены, идущие постепенно в России»⁷⁶.

Главным в системе ценностей самого Евгения Васильевича была защита территориальной сохранности государства. Он, как и значительная часть эмиграции, полагал, что советская власть — явление, хоть и затянувшееся на неожиданно долгий срок, но преходящее, а Россия — вечное. Государственник Саблин последовательно боролся с теми, для кого задача свержения коммунистической власти затмевала все другие, в том числе и территориальные, потери. Еще в 1934 г. он писал, что те, кто готов расплатиться русской землей за освобождение от Советов, не могут представить никаких доказательств того, что новые жертвы повлекли бы за собой непременно крушение власти компартии в России⁷⁷. Сам он не ждал ничего хорошего от иностранной агрессии, с какой бы стороны она не началась, и был согласен с Маклаковым, полагавшим, что «военный разгром большевизма совсем не начало их (большевиков. — *Е.М.*) падения... это будет только конец их великодержавности, но в то же время и нашей...»⁷⁸

В 1940 г., оставаясь непримиримым противником советского строя, Евгений Васильевич мучительно решал для себя вопрос, дол-

жен ли он, принимая во внимание, что целостность страны в данный период времени сохраняет Сталин, «желать многих лет здравствования этому господину? Или я должен, — писал он, — поощрять проiski избавления от Сталина путем отрыва с российского тела его составных частей?... могут ли русские люди рекомендовать иностранцам войну против Советов, иначе говоря, перестав мудрствовать лукаво, утверждая, что СССР — не Россия, — подвергать свое отечество иностранному нашествию со всеми вытекающими из этого завоевания России последствиями, среди коих расчленение империи напрашивается в первую голову?»⁷⁹ Сам он еще в 1935 г. спорил с теми, кто позволял себе заявлять, что «СССР — это не Россия». «Оттого, что Русью владели татары, — писал он, — она не стала Татарией, не стала она и СССР... Россия на месте и никуда она не исчезла и не исчезнет»⁸⁰. С другой стороны, следя за мировой политикой, внимательно прочитав «Майн кампф», он не сомневался в том, что фюрер вовсе не имеет цели освобождения его Родины.

Для дипломатов не существовало вопроса, с кем должны быть эмигранты в случае войны третьих стран против СССР, в этой среде подобная проблема была разрешена однозначно — участвовать в иноземном вторжении в Россию, поддерживать его — недостойно.

Советская разведка еще в 1920-х гг. наладила перехват корреспонденции Совета послов. Москва неоднократно использовала эти материалы в целях сиюминутной борьбы, публикуя в газетах отдельные донесения дипломатов, провоцируя международные скандалы, стремясь таким образом пресечь их деятельность. В 1927 г., в период напряженных отношений между СССР и Великобританией, «Известия» отдали публикации писем Саблина целый разворот, стремясь доказать, что именно он вставляет палки в колеса советской дипломатии⁸¹.

Возникает вопрос: почему каналы утечки информации так и не были перекрыты? Или советское правительство России намеренно информировалось о том, что могло пройти мимо внимания его агентов? Надо признать, что, если это было так, то делалось это вполне добросовестно. Думаю, что донесения Саблина 1929 г. развеяли многие иллюзии кремлевских политиков относительно перспектив получения преференций после прихода к власти в Соединенном Королевстве рабочей партии во главе с Р. Макдональдом. Глубокое владение материалом, блестящие аналитические способности позволяли Евгению Васильевичу делать обоснованные прогнозы. Так в 1934 г. он не согласился с работавшим в Японии коллегой Абрикосовым, выразившим надежду, что японская активность на Дальнем Востоке может облегчить задачу свержения советской власти. Кремль не могли не заинтересовать выводы Саблина о том, что «Япония будет и впредь прилагать все усилия, дабы избежать настоящей войны с Советами»; что Токио мог бы «без всякого предупреждения разгромить советские воздушные базы и перерезать сообщение по Амуру и Амурской железной дороге»; так же как и то, что активность Японии на российском Дальнем Востоке принципиально не нравится ни Англии, ни США. Тогда же, в 1934 г., он сделал заключение, что «Англия едва ли стала бы протестовать против распространения влияния Германии и Польши... в сторону России». Столь же вяло Лондон, по его мнению,

стал бы возражать против возможного приобретения Италией территорий на Далматинском побережье. Не меньшее значение для НКВД имели те характеристики, которые Саблин давал английскому руководству внешней политикой и самому характеру ведения этой политики в середине 1930-х годов ⁸².

Со временем важность получаемых материалов была по достоинству оценена политическим руководством СССР, и им нашли применение. По свидетельству одного из руководителей иностранного отдела ОГПУ, Георгия Агабекова, уже на рубеже 1920-х — 1930-х гг. копии докладов Саблина пересылались непосредственно Сталину и Молотову ⁸³.

Надо иметь в виду, что и отношение Саблина к установившейся на Родине власти давно уже не носило однопланового характера неприятия. Ни на йоту не изменив своего отношения к сути власти большевиков, к установленному ими режиму в стране, в предвоенные годы Саблин уже во многих вопросах международной практики объективно выступал как ее агент.

В частности, он делал все возможное, чтобы примирить англичан с осуществленным Москвой присоединением прибалтийских государств, привлекал внимание политиков разных стран, с которыми общался в Лондоне, к опасностям, которые порождает приобретение Японией новых баз на дальневосточном побережье и ее чрезмерного усиления ⁸⁴. Саблин не только сам активно боролся с украинским сепаратизмом, но старался подтолкнуть к этому своих коллег. Более того, весной 1941 г. он внушал освещавшему русские проблемы в «Manchester Guardian» Бэрнард Пэрс, что России не обойтись без своих прежних границ. «Нам необходим Персидский Азербайджан, Каспийское море, — доказывал он, — Персия должна быть почти наша, так же как и Финляндия. Выход к Персидскому заливу должен быть нам обеспечен, так же как и особое соглашение о Дарданеллах». Реакцию своего собеседника он описывал со свойственным ему чувством юмора: «Пэрс, хотя и спросил меня, не сошел ли я с ума, но, тем не менее, многое уже пишет в этом направлении» ⁸⁵.

Когда фашистская Германия напала на СССР, для главы русской общины в Лондоне вопрос, с кем он, не стоял. 25 июня 1941 г. «Таймс» опубликовал открытое письмо, в котором Евгений Васильевич заявил, что «русские люди... душой и сердцем с тем русским народом, который грудью своей защищает родные рубежи от напавшего врага». Эти чувства он высказал и в организованных по предложению английского правительства радиопередачах, ориентированных на британские колонии, доминионы и США. Премьер министр, Форин офис и МВД высоко оценили эти его выступления ⁸⁶.

Дальнейшая разработка вопроса привела к формированию позиции, которая была сообщена в различные центры русского зарубежья: «По значению и возможным последствиям начавшаяся война Германии с... Россией была признана войной отечественной, а по великому воодушевлению и жертвенности сопротивления — войной народной...» Саблин считал, что «русские люди за рубежом, лишённые возможности непосредственно участвовать в борьбе, обязаны всемерно ей содействовать, всячески укрепляя моральные и дипломатические позиции отечества в лагере союзников», а потому «воздерживаться от ка-

ких бы то ни было выступлений, способных увеличить недоверие к существующей в России власти и тем ослаблять оказываемую России военную и 'экономическую помощь»⁸⁷. В таком духе он выступал с многочисленными докладами в английских учреждениях, клубах и даже раз в пабе для рабочих, среди которых, по его словам, были и весьма радикально настроенные элементы.

Однако и этим его участие в борьбе не ограничилось. Пришел момент, когда Родина потребовала от него решительности и жертв.

В 1943 г. Сталин отозвал из Лондона Майского, назначив послом в Великобритании молодого, не успевшего заработать авторитет в международных политических кругах, даже плохо знавшего английский язык дипломата Ф.П. Гусева. Англичане восприняли этот шаг как пощечину и откровенно третировали нового представителя СССР. Премьер-министр У. Черчилль Гусева не принимал. Оказавшись фактически в изоляции, советское посольство обратилось за помощью к Саблину.

Дипломат сумел переступить через неприятие той власти, которую это посольство представляло, через десятилетия противостояния, накопившиеся обиды, через вполне возможное непонимание и неприятие его действий со стороны эмиграции. Он бескорыстно принял на себя обязательство оказывать помощь советскому представительству в деле защиты общей родины.

Отказавшись от личного знакомства с послом СССР, он согласился консультировать представительство через одного из секретарей посольства, который навещал его 2—3 раза в месяц, и передавать оказавшиеся в его руках важные документы политического характера. Более того, он принял на себя обязательство выступать в печати, рассылать меморандумы в духе, нужном советскому посольству, если по каким-либо причинам оно считало бы такие выступления со своей стороны неудобными. Кроме того, теперь уже сознательно, он писал для Москвы записки по текущим политическим вопросам, в частности, об антисоветской пропаганде, которая велась в Англии при активном участии враждебных России польских кругов. Ему пришлось писать и на церковные темы в связи с ожидавшимся визитом в Лондон представителей Российской Патриархии. Свое положение он оценивал, как роль «негласного советника здешнего советского посольства»⁸⁸.

Позже он признается, что был счастлив, что на склоне лет ему довелось, «хотя бы в скромнейших размерах, возобновить ту деятельность, которой посвятил себя с момента поступления моего в Ведомство Российского Министерства Иностранных дел, деятельности всемерной и безоговорочной защиты интересов России, всех ее интересов, невзирая ни на какие привходящие, но проходящие обстоятельства»⁸⁹. В сущности говоря, — писал он одному из своих корреспондентов, — я ныне занимаюсь тем, чем занимался всю мою жизнь — иначе говоря, защитой Российских государственных интересов⁹⁰. Один из руководителей органов государственной безопасности СССР, генерал П.А. Судоплатов, назвал Саблина среди других патриотически настроенных деятелей, которые внесли «огромный вклад в нашу победу над фашизмом»⁹¹.

Между тем, война есть война, свою дань ей заплатили и Саблины. Город бомбила немецкая авиация, приходилось месяцами жить в

подвале, спать не раздеваясь. В начале войны в результате налета был поврежден находившийся в центре Лондона храм Св. Филиппа, в котором совершались православные богослужения. Чинить, протапливать его в военной обстановке было не под силу бедневшей русской общине. В августе 1941 г. Евгений Васильевич отдал под богослужения большой зал своей резиденции. Церковь была освящена в честь преподобного Сергия. Прихожане не сразу привыкли к новому помещению, многие опасались стеснить хозяев дома. Будучи глубоко верующим человеком, старостой общины, Саблин некоторое время даже не посещал богослужения, чтобы не смущать своим хозяйским присутствием прихожан. Службы в домовом храме велись, по-видимому, до 19 августа 1944 года.

Однажды Русский дом серьезно пострадал в результате падения, по разным сведениям, то ли «германского беспилотного самолета», то ли «крылатой бомбы», до основания разрушившей несколько расположенных рядом зданий. Но хозяева выжили, хотя и перенесли страшное потрясение. Надежде Ивановне пришлось уехать в деревню, Евгений Васильевич остался на своем посту.

Прошла еще одна военная зима, и пришла победа, о которой так мечтали, которую так ждали... Однако наступивший мир не принес Евгению Васильевичу большого облегчения. Он был немолод и нездоров, не хватало денег даже для того, чтобы заплатить врачу. В Лондоне с окончанием войны жизнь стала еще тяжелей. «Англия в настоящий момент переживает ужасающий экономический кризис, — писал дипломат Владыке Нафанаилу, — мы здесь мерзнем и дрожим от холода»⁹². Прекращение поставок по ленд-лизу привело к исчезновению из торговли необходимых продуктов, появлению очередей. Стало очень сложно найти прислугу. Саблины испытывали серьезные материальные затруднения. С горькой иронией Евгений Васильевич писал одному из своих адресатов: «В некрологе, который Вы будете писать обо мне, не забудьте включить следующую фразу “покойный общественно-политический деятель за последние годы своей плодотворной деятельности ходил в весьма истрепанных штанах”»⁹³. Приходили мысли продать дом, содержание которого было уже не под силу, но останавливали мысли о русских организациях, которым негде было бы собираться.

Евгений Васильевич до конца оставался верным самому себе и привычке творить добро: в 1944 г. известие о тяжелом положении переживших оккупацию во Франции соотечественников подвигло его на организацию отправки им продуктовых посылок.

Оказавшиеся в тяжелом положении знакомые, проживавшие в Германии, обращались к нему с просьбой выдать удостоверение о том, что он их знает... Саблин не отказывал, на бланке с указанием, «кем он был и кем стал», подтверждал личность соотечественников. Компетентные службы выдавали держателям таких документов папиросы, сардины, мыло и т.п. Как всегда, приходилось решать вопросы виз и разрешений на выезд. Неразбериха в этих вопросах в Германии царилла страшная. Заступничество Евгения Васильевича во многих случаях, даже неожиданно для него самого, помогало решить проблемы, но требовало запросов, обращений, переписки и еще раз переписки. Он помогал овдовевшей даме переехать из Германии к брату в Шве-

цию; молодому человеку, оказавшемуся в лагере для военнопленных, вырваться из него и перебраться к невесте в Париж; вел переписку о возможности для оказавшихся волей судьбы в Лондоне перемещенных лиц, страдавших от плохого климата и кухни, отправиться в Аргентину или Бразилию ⁹⁴.

Со своим всегдашним интересом к жизни, к России, Саблин выделял интересных людей, предоставлял им кафедру в своем доме. Каким-то чудом два немолодых уже человека продолжали, пусть с меньшим размахом, принимать у себя широкие круги русских. В их доме звучали голоса Северского и Свежинской, устраивался фортепианный вечер Вронской и Бабина, чествования видных членов колонии. После войны Евгений Васильевич встретился с оказавшимися в Лондоне казачками, провел с ними последнее в своей жизни Рождество.

Саблина характеризовала удивительная независимость мышления и умение сохранять внутреннюю свободу. Он глубоко уважал англичан за умение вести политическую борьбу, ценил их общественную систему за глубоко укоренившуюся демократию, ему импонировала их сдержанность и умение держать себя в рамках приличий. Но опытный дипломат и патриот никогда не увлекался ими настолько, чтобы забыть их отношение к его Родине. «Нас здесь никогда не любили, — писал он, добавляя, — ныне нас любят еще менее» ⁹⁵. Также трезво он по окончании войны относился и к СССР. Он интересовался просоветскими эмигрантскими газетами, из Парижа ему пересылали «Советский патриот», внимательно читал, не спорил. Но ему претило величание в газете эмигрантами друг друга «товарищами». В письме редактору он указал на то, что советские люди давно уже обращаются друг к другу по имени и отчеству ⁹⁶. Его коробил слишком крутой поворот в сторону «обожания» Советов в парижских эмигрантских кругах. Он был огорчен разладом в церковной среде, вызванным неосторожными действиями митрополита Евлогия: направлением депутации к Молотову, «дарованием» интервью «Русским новостям», следствием чего явилось вручение пастырю советского паспорта ⁹⁷.

Великая победа подвигла эмигрантов, в том числе и близких знакомых Саблиных, к возвращению на Родину. Он никого не отговаривал, но для себя считал, что менять что-либо поздно.

Сотрудничая с советским посольством, Евгений Васильевич неоднократно отказывался от предлагавшейся ему помощи, держал дистанцию даже тогда, когда в финансовом плане приходилось совсем тяжело. После войны он с сожалением констатировал, что непосредственно сталкивающиеся с советским режимом люди отзываются о нем плохо. Всегда и во всем Саблин выступал за меру, такт и сохранение достоинства.

В конце 1944 г. колония торжественно отметила тридцатилетие деятельности дипломата в Англии. Вместо традиционного бронзового пресс-папье ему и его супруге подарили... место на кладбище Бромптон, на русском участке, среди тех, кому он преданно служил, кому помогал все эти годы. Политик принял дар с пониманием и благодарностью: вопрос о последнем приюте мог его теперь не беспокоить.

Скончался Саблин 2 мая 1949 года. «Русская колония в Англии понесла большую потерю, — отозвался на это событие журнал «Часо-

вой». — Она лишилась своего защитника, ходатая по своим делам, центра притяжения, человека, умевшего как никто, всего себя, до конца отдавать людям»⁹⁸. Россия потеряла большого патриота, который волею судьбы большую часть своей жизни прожил за границей. Его служение Родине происходило в чрезвычайно противоречивых, сложных обстоятельствах, но, оглядываясь в конце жизни на свой путь, он имел право сказать: «борясь против режима в России, бросая камнями в большевиков, я принимал все меры, чтобы эти камни не попали в лик России. Россия при всех обстоятельствах была для меня превыше всего»⁹⁹.

Подводя итог своей жизни, он писал: «Все эти годы я всюду, где мог, несмотря на слабость сил и отсутствие средств и необходимого аппарата, письменно и устно защищал и продолжаю защищать высшие государственные интересы НАШЕЙ РОССИИ и ту территориальную целостность ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО, которая ей необходима... по соображениям жизненным, чтобы прекраснейшая ИМПЕРИЯ наша могла жить полной жизнью, обеспеченная надежными границами, дышать морским воздухом и быть ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ»¹⁰⁰.

Примечания

1. КАЗНИНА О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века М. 1997.
2. Leeds Russian Archive (LRA), MS 1500. Zemgor Archive. Diplomatic Papers.
3. LRA, MS 1285.
4. «Чему свидетели мы были...»: переписка бывших царских дипломатов (1934—1940). М. 1998.
5. КАЗНИНА О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина. В кн. Россия в США: Сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции). М. 2001, с. 161—185.
6. ОРЕХОВ В. Достойный представитель старой России. Е.В. Саблин. — Часовой. 1949, № 286 (6), с. 23.
7. САБЛИН Е.В. Воспоминания своей службы. 1898—1900, 1902. LRA, MS. 1285/77.
8. СУХОВ Н.В. История гуманитарных связей и межкультурного взаимодействия Марокко и России в XX — начале XXI вв. Дисс. канд. ист. наук. М. 2014, с. 31.
9. ЗИНОВЬЕВ И.А. Россия, Англия и Персия. СПб. 1912, с. 94.
10. СКИФ. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. М. 1912, с. 14.
11. ТЕР-ОГАНОВ Н. Большой англо-русский компромисс 1907 г. и свержение Мохаммад Али-шаха Каджара. — Военный сборник 2015, vol.(9), Is. 3, p. 158—178.
12. Е.В. Саблин — вел. князю Андрею Владимировичу 14 марта 1939 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 2, с. 216.
13. Там же; кн. 2, с. 216; Газетная вырезка из раздела «Вечерняя хроника» без указания даты и названия издания. LRA, MS 1285/64.
14. Газетная вырезка без указания даты и названия издания. LRA, MS 1285/64.
15. НАБОКОВ В.В. Другие берега. Собрание сочинений. Т. 5. СПб. 2000, с. 176—177.
16. Е.В. Саблин — министру 6 октября 1919 г., № 675. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 10003, оп. 2, к. 12.
17. Е.В. Саблин — министру 1 ноября 1919 г., № 779. Там же.
18. Е.В. Саблин — С.Д. Сазонову 17 января 1920 г., № 1494. Там же, ф. 5680, оп. 1, д. 113, л. 118—120.
19. Е.В. Саблин — министру 28 мая 1920 г., № 311. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 187, оп. 524. д. 3548, л. 97об.
20. Е.В. Саблин — Е.К. Миллеру 27 марта 1935 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 271—272.
21. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 31 марта 1934 г. Там же, с. 65.

22. Е.В. Саблин — С.Д. Сазонову 17 января 1920 г., №1494. ГА РФ, ф. 5680, оп. 1, д. 113, л. 111об.—120.
23. Е.В. Саблин — послу (В.А. Маклакову) 6 мая 1920 г., № 247. АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3547, л. 27об.
24. Е.В. Саблин — министру (С.Д. Сазонову) 17 мая 1920 г., № 266. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 2, с. 399—400.
25. Г.Н. Трубецкой — М.Н. Гирсу 22 мая/1 июня 1920 г., № 573. LRA, MS 1285/216.
26. Видимо, имеется в виду старший сын последнего императорского посла лейтенант флота А.К. Бенкендорф, в 1924 г. эмигрировавший из СССР в Великобританию.
27. Осведомительное сообщение Е.В. Саблина господину старшему российскому дипломатическому представителю за границей (М.Н. Гирсу) 23 июня 1924 г., № 141. LRA, MS 1285/128.
28. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 16 декабря 1934 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 214.
29. Е.В. Саблин, по-видимому, допустил ошибку, указав в качестве композитора М.П. Мусоргского. Скорее всего, имелся в виду хор «Слава» из оперы Глинки «Жизнь за царя».
30. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA MS 1285/410.
31. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 16 декабря 1934 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 218.
32. Справка на Саблина Евгения Васильевича 13 июля 1944 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 82Э, оп. 2, д. 1090, л. 21.
33. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 6 декабря 1934 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 202.
34. Закулисные силы антисоветской кампании в Англии. Бывшие царские дипломаты — агенты и пособники «твердолобых». Клика шантажистов срывает дело мира. — Известия. 16.II.1927.
35. Е.В. Саблин — С.В. Жуковскому 12 февраля 1939 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 2, с. 175—176.
36. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 31 марта, 3 апреля, 11 июня 1934 г. Там же, кн. 1, с. 63, 65, 67, 121.
37. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 11 марта 1934 г., 6 марта 1935 г. Там же, кн. 1, с. 43, 253.
38. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 18 октября 1934 г. Там же, кн. 1, с. 198—199.
39. Имеется в виду Статус Лиги Наций.
40. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 14 декабря 1934 г. Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 213.
41. Е.В. Саблин — М.Н. Гирсу 10 февраля 1928 г. LRA, MS 1500. Zengor Archive. Diplomatic Papers.
42. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA. MS 1285/410.
43. Гальфтер Владимир Петрович (1868—1951) — герой Великой войны, командир лейб-гвардии Московского полка, участник Добровольческого движения. В эмиграции в Великобритании состоял председателем Объединения лейб-гвардии Московского полка, Союза бывших российских военнослужащих в Англии и Союза Русских военных инвалидов в Великобритании.
44. Е.В. Саблин — министру (С.Д. Сазонову) 28 февраля, № 126; 11 мая 1920 г., № 257. LRA, MS 1500; АВП РИ, ф. 187, оп. 524, д. 3548. л. 35об.
45. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 31 марта 1934 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 65; Е.В. Саблин — С.В. Жуковскому 7 февраля 1937 г. Там же, кн. 1, с. 451.
46. Е.В. Саблин — С.В. Жуковскому 7 февраля 1937 г. Там же, кн. 1, с. 451.
47. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 13 февраля 1939 г. Там же, кн. 2, с. 176.
48. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 12 февраля 1940 г. Там же, кн. 2, с. 300.
49. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 12 февраля 1939 г. Там же, кн. 2, с. 175.
50. Е.В. Саблин — Е.К. Миллеру 27 марта 1935 г. Там же, кн. 1, с. 271—272.
51. Там же; Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 6 июля 1935 г. Там же, кн. 1, с. 300, 307.
52. Там же, с. 220—221.
53. Великий князь Андрей Владимирович — Е.В. Саблину 13 сентября 1948 г. LRA, MS 1285/678.
54. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA, MS 1285/410.
55. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 31 марта, 29 августа 1934 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 64, 187.

56. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 10 марта 1935 г. Там же, кн.1, с. 263.
57. Обращение к Лиге Наций, перепечатанное журналом «Часовой». LRA, MS 1285/175.
58. БОРМАН А.А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн-Вашингтон. 1964 // http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/borman_tyrkova-viljams_po_pismam_i_vospominaniyam_1964_text.pdf (4 апреля 2016 г.).
59. Е.В. Саблин — А.Н. Мандельштаму 4 июля 1931 г. LRA 1285/208.
60. Е.В. Саблин — министру (С.Д. Сазонову) 17 мая 1920 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 2, с. 400.
61. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 16 декабря 1934 г. Там же, кн. 1, с. 217.
62. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 29 августа 1934 г. Там же, кн. 1, с. 187.
63. Письмо Е.В. Саблина 1 января 1933 г. — Часовой. I.II.1933, № 97, с. 4.
64. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 10 марта, 17 июля 1935 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 263—264, 317.
65. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 14 декабря 1934 г. Там же, кн. 1, с. 219—220.
66. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 28 июня 1934 г. Там же, кн. 1, с. 135—137.
67. Младороссы (союз младороссов) русское эмигрантское социал-монархическое движение 1920—1940 гг.
68. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 254.
69. САБЛИН Е.В. Прошу инструкций. — Последние новости. 20.XII.1933.
70. По-видимому, речь идет о так называемом Меморандуме Танаки, согласно которому для достижения мирового господства Япония должна была завоевать вначале Маньчжурию и Монголию, а впоследствии и весь Китай. Однако подлинность документа в те годы подвергалась сомнению.
71. САБЛИН Е.В. Прошу инструкций. — Последние новости. 20.XII.1933; Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 10 декабря 1933 г. LRA, MS 1500.
72. САБЛИН Е.В. Прошу инструкций. — Последние новости. 20.XII.1933.
73. См. например: LRA MS 1285/405.
74. САБЛИН Е.В. Прошу инструкций. — Последние новости. 20.XII.1933.
75. Там же.
76. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 254, 257.
77. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 5 сентября 1934 г. Там же, кн. 1, с. 189.
78. В.А. Маклаков — В.Н. Штрандтману 2 февраля 1938 г. Там же, кн. 2, с. 22.
79. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 12 февраля 1940 г. Там же, кн. 2, с. 305.
80. Е.В. Саблин — В.А. Маклакову 27 июня, 13 июля 1935 г. Там же, кн. 1, с. 301, 313.
81. Закулисные силы антисоветской кампании в Англии... — Известия. 16.II.1927.
82. Е.В. Саблин — В.А.Маклакову 3, 30 апреля 1934 г., 29 апреля 1935 г. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 1, с. 68, 90, 278—280.
83. АГАБЕКОВ Г. Секретный террор Сталина. Исповедь резидента. М. 2013, с. 307—308.
84. Е.В. Саблин — В.А.Маклакову 3 апреля 1934 г., 19 марта 1940 г.. В кн.: Чему свидетели мы были..., кн. 2, с. 339—340, кн. 1, с. 70.
85. КАЗНИНА О.А. Русские в Англии: Из переписки Е.В. Саблина..., с. 171.
86. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA MS 1285/410.
87. Там же.
88. Е.В. Саблин — А.П. Маркову 28 апреля 1945 г. LAR, MS 1285/1042.
89. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA MS 1285/410.
90. Е.В. Саблин — А.П. Маркову 28 апреля 1945 г. LAR, MS 1285/1042.
91. СУДОПЛАТОВ П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М. 2001, с. 53—61.
92. Е.В. Саблин — Владыке Нафанаилу 22 августа 1945 г. LRA, MS 1285/1098.
93. Отрывок письма Е.В. Саблина неустановленному адресату. RLA MS 1285/1386.
94. LRA, MS 1285/411; LRA, MS 1285/906—910, 912—915, 917, 920, 1037.
95. Е.В. Саблин — А.П. Маркову 22 августа 1945 г. LRA, MS 1285/1045.
96. Там же.
97. Е.В. Саблин — А.В. Карташёву 11 июля 1946 г. LRA, MS 1285/ 960.
98. ОРЕХОВ В. Е.В. Саблин. Некролог. — Часовой. 1949, № 286 (6), с. 23.
99. Отрывки подготовительных материалов Е.В. Саблина к докладу. LRA MS 1285/410.
100. Там же.

Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе-декабре 1942 г. и ее последствия

К.Н. Максимов

Аннотация. В статье на основе новых архивных источников по истории Калмыкии периода Великой Отечественной войны и материалов, опубликованных в различных документальных изданиях, освещаются вопросы временной оккупации Калмыцкой АССР фашистскими войсками во второй половине 1942 г. и установление в ней оккупационного режима. Автор основное внимание уделил раскрытию преступных замыслов нацистов и злодеяний, совершенных в Калмыкии немецкими военными. В статье методом компаративного анализа состояния ряда областей и краев юга России, временно находившихся в оккупации, показано, что оккупационная политика немецких фашистов была единой по отношению ко всем народам Советского Союза, и они в равной мере пострадали от германского фашизма.

Ключевые слова: Германия, фашизм, оккупация, Восточное министерство, пропаганда, Советский Союз, Калмыцкая АССР, Нюрнбергский процесс.

Abstract. Based on new archival sources on the history of Kalmykia during the World War II and materials published in various documentary editions, the article deals with the issue of temporary occupation of the Kalmyk ASSR by Nazi troops in the summer of 1942 and the establishment of the occupation regime. Special attention is paid on the disclosure of criminal plans of the Nazis and the atrocities committed by the German divisions in Kalmykia. The comparative analysis is made shows that German occupation policy of the Nazis was the same to all the peoples of the Soviet Union, and they equally suffered from German fascism.

Key words: Germany, fascism, occupation, the Reich Ministry for the Occupied Eastern Territories, propaganda, Soviet Union, Kalmyk ASSR, the Nuremberg trials.

Характер войны нацистской Германии против Советского Союза, как известно, принципиально отличался от завоевательных походов ее армии в страны Западной Европы не только размахом разрушений, гибелью мирного населения, но и политической и экономической целями. Готовясь к нападению на СССР, Гитлер определил кон-

Максимов Константин Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста. E-mail: maksimovkn@kigiran.com.

Maksimov Konstantin N. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher of Kalmyk institute for humanities of the RAS. Elista. E-mail: maksimovkn@kigiran.com.

цепцию восточной кампании: «Разбить армию, уничтожить государство». 30 марта 1941 г. на заседании генералитета он цинично заявил: «Это будет война на уничтожение». В соответствии с этими замыслами в его военных директивах указывалось: «В этой войне обращение с врагом в соответствии с нормами человечности и международного права недопустимо». Профессор К.Г. Пфедфер лукавил, когда в своей статье «Немцы и другие народы во Второй мировой войне» писал: «Наибольшей ошибкой оказалось все же то, что мы не имели окончательно сформулированного решения о судьбе России и русского государства»¹.

Уже после нападения на СССР Гитлер, размышляя о будущем Советского Союза после его завоевания, говорил своему окружению, что следует лишить восточные народы «какой бы то ни было формы государственной организации и в соответствии с этим держать их на возможно более низком уровне культуры». В ноябре 1941 г. рейхсминистр авиации Г. Геринг, предвкушая близость кажущейся победы, объявил итальянскому министру иностранных дел графу Чиано: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 млн человек. Может быть, это даже хорошо, что так произойдет... ведь некоторые народы необходимо сокращать»².

Концепцию политики фюрера в отношении России объективно раскрыл немецкий историк Себастиан Хаффнер. Он отметил, что Гитлер планировал колониальную войну с особо жестокими методами ее ведения. «Разгром русских вооруженных сил был бы лишь первым актом, за которым должна была последовать тотальная оккупация этой огромной страны, полная ликвидация государственной власти Советского Союза, истребление звена руководящих кадров и интеллигенции, создание подвижного германского колониального аппарата и, наконец, порабощение 170-миллионного населения»³. Поэтому стратегический план «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г., неоднократно дополнялся рядом инструкций и распоряжений, предназначенных охватить весь комплекс мероприятий, связанных с вторжением, захватом и эксплуатацией Советского Союза. К числу таких документов следует отнести так называемую «Зеленую папку» Геринга, в которой излагалась задача не только хозяйственного ограбления оккупированных советских территорий, но и содействия сокращению численности местного населения, его политическому и национальному расколу, учитывая якобы обостренные межнациональные противоречия в СССР. Это положение было уточнено в «Директивах о действиях в России», выпущенных верховным командованием вермахта Германии (ОКВ) перед началом агрессии. В них указывалось, что Советский Союз представляет собой государственное образование, «объединяющее большое число славянских, кавказских и азиатских народов, удерживаемых вместе большевистскими властями путем насилия»⁴.

На закрытом совещании у Гитлера 16 июля 1941 г., как пишет немецкий историк Вольфрам Ветте, говорилось, что «массовая гибель значительной части советского гражданского населения составляла исходный пункт для претворения в жизнь генерального плана “Ост”, который должен был наметить пути “германизации” завоеванного пространства вплоть до Урала»⁵. При этом немцам настой-

чиво внушалась мысль о том, что большевизм — это смертельный враг Европы, что «нордическо-индогерманские народы» должны защищаться против «идеи мирового господства евреев» и против «азиатского деспотизма Чингисхана», которые «кровно объединены» в личности основателя большевизма — Ленина ⁶.

Согласно национал-социалистической идеологии, в брошюре «Недочеловек» (“Der Untermensch”), подготовленной в 1942 г. Главным управлением СС, советские люди, «как славяно-монгольская смесь народов», подпадали под категорию «недочеловек», которая подлежала уничтожению. Однако государственная национальная политика нацистов по отношению к населению оккупированных территорий не была неизменной. В зависимости от военной обстановки и целесообразности она подвергалась коррекции. При этом концептуальная сущность оставалась постоянной, а изменялись лишь методы ее реализации. Так, в 1943 г. в связи с резким ухудшением положения на фронте, Гитлер, выступая перед генералитетом, отмечал, «что теперь нельзя давать обещания отдельным народам Советского Союза ввиду плохого воздействия этого на наших солдат. Наши солдаты должны знать, за что они борются, а именно — за жизненное пространство для своих детей и внуков» ⁷.

Стратегическая установка Гитлера относительно этнических общностей, населявших широкие просторы России, заключалась в том, чтобы «поощрять любую форму раскола и разногласий». А сущность этой концепции, по словам начальника отдела политики Восточного министерства Ляйббрандта, состояла в том, чтобы натравливать народы советского государства друг на друга, и особенно на русских с целью разрушения «спайки русского колосса» ⁸. Основная цель оккупационной политики состояла в том, чтобы разобщить советских граждан по национальному признаку и ослабить их сопротивление. При этом фашисты хотели максимально использовать все возможности для физического уничтожения как можно большего числа мирного населения, чтобы добиться реализации концепции расистского мировоззрения — завоевания «жизненного пространства» на Востоке и превращения выживших в рабов «германских господ».

«В войне против СССР, — писал немецкий историк Н. Мюллер, — Германия ставила две основные цели: политическую и экономическую. Политическая цель состояла в стремлении покончить с большевизмом..., уничтожить СССР как государство и лишить его народы какой бы то ни было формы государственной организации. Экономическая цель состояла в превращении захваченных советских территорий в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию фашистской империи» ⁹.

Для советских людей Великая Отечественная война, таким образом, означала борьбу не только за свою независимость, государственный суверенитет, но и за спасение от уничтожения Отечества.

Общее руководство гражданским управлением на занятых территориях, согласно указу Гитлера от 18 ноября 1941 г. в рамках проводимой операции «Барбаросса», возлагалось на имперское Министерство по делам оккупированных восточных территорий — Восточное министерство (Ostministerium), созданное на базе Бюро по разработке проблем восточноевропейского пространства, во главе с рейхсминистром

А. Розенбергом, идеологом фашизма. Это особое поручение фюрера он «заслужил» своей идеей о создании специального органа для управления оккупированными территориями СССР, изложенной в меморандуме «О целях агрессии и методах установления господства на оккупированных советских территориях» от 2 апреля 1941 года. В нем отмечалось: «Вооруженный конфликт с СССР приведет к чрезвычайно быстрой оккупации важной и обширной части территории СССР. Вполне возможно, что военные действия с нашей стороны в короткое время приведут к военному краху Советского Союза. Тогда оккупация этих территорий будет представлять не столько военные, сколько административные и экономические трудности...». В связи с этим определялась задача предлагаемого центрального административного органа: «...б) обеспечить важное для ведения войны снабжение империи со всех оккупированных территорий; в) подготавливать, а также наблюдать за проведением в жизнь, в общих чертах, наиболее важных задач для всех территорий, как, например, задач, касающихся финансов и фондов, транспорта, добычи нефти, угля, а также продовольствия...»¹⁰

Будучи уверенным в захвате территории СССР вооруженными силами нацистской Германии, Розенберг предлагал организовать управление оккупированными тыловыми районами, находящимся за пределами театра военных действий. Эти территории, по его замыслу, должны были стать «частями жизненного пространства Германии в ее расширенных границах» и находиться под ее управлением¹¹. Согласно указу Гитлера от 17 июля 1941 г., захваченная территория СССР во исполнение предложений Восточного министерства, подлежала делению на следующие административно-территориальные единицы: рейхскомиссариаты во главе с рейхскомиссарами (гаулейтерами); генеральные комиссариаты — округа (несколько провинций или областей), администрацию которых должны были возглавлять генеральные комиссары, подчиненные рейхскомиссарам; генеральные комиссариаты делились на гебиты во главе с гебиткомиссарами; области — во главе с обербургомистрами. Самой низшей ступенью в этой системе были общины, которые, основываясь первоначально на имеющейся административной структуре бывших сельских советов, объединяли несколько деревень. В селах, деревнях, поселках, хуторах немецкие власти формировали управы во главе со старостами, назначаемыми из числа местных жителей, в районах, городах создавались управы пол руководством районного, городского головы — бургомистра¹².

За день до подписания указа (16 июля) на совещании в штаб-квартире Гитлер, говорилось: «Теперь перед нами стоит задача разрезать территорию этого громадного пирога так, как нам нужно, с тем, чтобы суметь, во-первых, господствовать над ней, во-вторых, управлять ею, в-третьих, эксплуатировать ее»¹³.

Калмыкия, по всей вероятности, территориально должна была входить в состав рейхскомиссариата «Украина», созданного указом Гитлера от 1 сентября 1941 г. под началом Эриха Коха с резиденцией в г. Ровно. К нему, состоящему из украинских областей, были отнесены южные районы Белоруссии, Таврида, Крым, территории Брянской, Курской, Воронежской областей, а также, во исполнение директивы Гитлера от 17 июля, Астраханского округа, Краснодарского и

Ставропольского краев. Еще 2 апреля 1941 г., по замыслу рейхсминистра Розенберга, планировалось создание Донской области с центром в Ростове, простиравшейся на север вплоть до границ Саратовской области. А в письме фюреру от 29 июля 1942 г. он уже конкретно предлагал включить Калмыкию в рейхскомиссариат «Украина» и намечал назначить генеральным комиссаром Калмыкии бригадфюрера СС Иоста. Хотя до этого по «Рабочему плану и штатному расписанию министерства по делам оккупированных восточных областей», утвержденному 5 июня 1942 г., предлагалось создать рейхскомиссариат «Кавказ» в составе семи отделов, в том числе Калмыцкой области¹⁴.

Кроме того, еще до нападения на СССР было создано специальное ведомство при верховном командовании вооруженными силами Германии — Восточный штаб экономического руководства, непосредственно подчиненный рейхсмаршалу Г. Герингу. В его директиве от июня 1941 г. по экономическому разграблению оккупированных территорий СССР была разработана четкая вертикальная схема специального аппарата (Восточный экономический штаб, хозяйственные инспекции, хозяйственные команды, хозяйственные группы при полевых комендатурах) и определены конкретные методы по проведению организованного грабежа. «Согласно приказам фюрера, — говорилось в директиве, — необходимо принять все меры к немедленному и полному использованию оккупированных областей в интересах Германии... Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей... Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы могли добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти...»¹⁵

Осуществляя единое руководство по экономической эксплуатации советских областей, находившихся в зоне военных действий, и оккупированных территорий СССР, Восточный штаб экономического руководства (Геринг и его заместитель статс-секретарь Кернер) должен был координировать свою деятельность со службой генерал-квартирмейстера главного командования сухопутными силами. Кроме того, функционировали специализированные экономические ведомства — Экономический штаб «Восток» (генерал Томас), Рабочий штаб «Россия» (генерал Шуберт), Экономический штаб «Ольденбург» (генерал Шоберт) и другие, имевшие задачу не только хозяйственной эксплуатации оккупированных советских территорий, но и сокращения численности местного населения. Гитлеровские специалисты еще в мае 1941 г. на совещании членов Экономического штаба «Ольденбург» заявляли: «1. Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России. 2. При этом, несомненно, если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей обречены на голод». Эта концепция, как отмечает германский историк Мюллер, явилась основой, на которой разрабатывались все планы Розенберга¹⁶.

Территории, занятые немцами в районах военных действий, находились в ведении военных командных инстанций, военных оккупационных органов, где первичным звеном являлись военно-полевые коменданты и начальники гарнизонов со своими охранными и

полицейскими службами. Последняя служба находилась в структуре общей немецкой полиции (начальник рейхсфюрер СС Г. Гиммлер). В первые же дни оккупации штабы германских армейских частей, ликвидировав советскую власть, государственные и партийные органы, создавали военно-полевые комендатуры. Они осуществляли свою деятельность с помощью вспомогательных органов — полиции и гражданской администрации.

Согласно схеме организации местной администрации в оккупированной части СССР, Калмыкия была отнесена к области военного управления. Немцы, оккупировав в августе 1942 г. часть территории Калмыцкой АССР, создали децентрализованную систему управления в каждом улусе, селе под надзором военных комендатур. При формировании вспомогательных структур управления оккупанты применяли различные способы и методы привлечения населения к сотрудничеству. Преимущественно это делалось под страхом смерти.

Немцы (111-я и 370-я пехотные дивизии, на смену которым в середине августа пришла 16-я мотодивизия), оккупировав 12 августа 1942 г. Элисту, сразу же приступили к организации вспомогательных служб военной комендатуры, руководящий состав которой был сформирован и утвержден еще до вторжения, во главе с гауптштурмфюрером СС Мауэром (вскоре был заменен обер-лейтенантом Д. Риттером). Прибыли в полном составе служба гестапо во главе с штандартенфюрером СС Вольфом, переводчик Н.Н. Тарасов, а также руководство полиции (начальник Курахтонов и его заместитель М. Савельев), уголовного розыска (Н. Бондаренко), тюрьмы (Пауль), принудительного лагеря (Г. Шварцкопф).

Почти одновременно с ними прибыл спецотряд (командир — зондерфюрер Верба) военной разведки (абвера), которому помогали особо уполномоченный Отдела иностранных армий вермахта по Калмыкии профессор, ротмистр фон Рихтгофен и офицер генштаба обер-лейтенант Хольтерман — специалисты по истории восточных народов. Рихтгофен впоследствии стал даже сочинять и публиковать стихи на калмыцкую тематику на немецком языке ¹⁷.

Вскоре к этой группе присоединилась особая команда «Астрахань», созданная оперативной группой «D» полиции безопасности (ЗИПО) и СД, руководимая штурмбанфюрером СС В. Курреком ¹⁸.

Военная комендатура, прибывшая с 16-й мотодивизией (командир — генерал-лейтенант З. Хейнрици, с середины ноября — генерал-майор Г. Шверин) назначила главами Элистинского городского управления Н.П. Трубу и Б. Цуглинова с определенной целью — создать конкуренцию и обстановку доносительства друг на друга. Вся деятельность вспомогательных служб была подчинена поддержанию установленного оккупационного режима, жесточайшему надзору за населением, обслуживанию и обеспечению продовольствием и сельскохозяйственным сырьем немецких войск. В первую очередь военные комендатуры города и улусов, взяв на учет семьи военнослужащих Красной армии, коммунистов, партийных и советских работников, евреев, приступили к их уничтожению. На оккупированной территории Калмыкии они повсеместно ввели трудовую повинность для всех граждан от 12 до 60 лет, которые должны были являться в комендатуру каждое утро и вечер на проверку. За уклонение от работы предус-

матривался штраф в 1 тыс. руб. или арест с отправкой в лагерь на принудительные работы. Объявлялось, что за каждого убитого немецкого солдата будут расстреляны 60 чел., за румынского — 40, нарушение связи — 20. Оккупанты в каждом улусе брали в заложники по 60 человек¹⁹.

Все проблемы снабжения оккупантов продовольствием и фуражом, организации отправки скота и сырья в Германию возлагались на земельный отдел городской управы. Колхозы, переименованные в номерные сельскохозяйственные товарищества во главе с назначенными старостами, а совхозы — в государственные предприятия, по сути, были сохранены как формы организации труда и сбора продукции для нужд немецкой армии.

По свидетельству Мюллера, продовольственное обеспечение группы армий «Юг» в 1942 г. решалось за счет ограбления Дона, Кубани и других оккупированных районов (сюда входила и Калмыкия. — *К.М.*). До 15 декабря 1942 г. этой группе армий были поставлены 150 тыс. голов крупного рогатого скота и 350 тыс. голов овец. Немецкие войска, находившиеся на германо-советском фронте, получили из южных районов оккупированной советской территории в течение 1942/43 и 1943/44 хозяйственных годов в общей сложности 3,5 млн т зерна и 267 тыс. т мяса. Кроме этого, только в октябре 1942 г. 6-я армия Паулюса и 3-я румынская армия, отдельные военные части которых находились на оккупированной территории Калмыкии, через войсковые сборные пункты получили 37 тыс. голов крупного рогатого скота и 84 тыс. голов овец²⁰.

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн откровенно признаваясь в грабежах, совершенных фашистской армией, все же несколько лукавил. По его словам, с советских оккупированных территорий для нужд военного производства вывозились машины, цветной металл, зерно, технические культуры, лошади и скот. Понимая невозможность скрыть грабительскую политику нацистов, фельдмаршал пытался оправдать ее тем, что они не трогали частную собственность. Однако, как известно, в СССР существовала только социалистическая собственность в форме государственной, либо кооперативно-колхозной.

Немцы ввели в оккупированной части Калмыкии изощренный вид ограбления населения. В соответствии с «Временным распоряжением о взимании налогов», утвержденным 23 октября 1941 г. командованием вермахта, устанавливался подоходный налог с граждан в возрасте от 16 до 50 лет, занятых сельским хозяйством. Считая, что в общинном хозяйстве все имущество, скот и посевные площади якобы являются «общим достоянием», выводилось среднее количество поголовья скота, посевной площади на каждого члена общины и устанавливалась фиксированная сумма выплат с человека в год в зависимости от количества скота в личном подворье, а также сельскохозяйственном товариществе, в котором работал он или члены его семьи. Налоги определялись в следующем порядке: лошадь или верблюд от 3 лет и старше — 700 руб., корова — 1200, коза или овца — 100, свинья — 400, вол или бык — 400, посевы зерновых с 1 га — 800, табака — 1700, огороды, бахчи с 1 га — 3800, сады, ягодники с 1 га — 4200 рублей. Введен был также натуральный налог — «каждый владелец дойной коровы обязан был сдать на приемный пункт молоко жирно-

стью не менее 3,9%»: за октябрь — 25 л, ноябрь и декабрь — по 20 л в месяц; владельцы яловых коров-передоек: за октябрь — 15 л, ноябрь и декабрь — по 10 л в месяц ²¹.

Помимо этого, в сельской местности вводились и другие виды налогов: земельный, со строений, военный и т.д. Многие жители сел Яшалтинского улуса, предъявляя после освобождения от оккупации квитанции об уплате немцам налогов в сумме более 4 тыс. руб., толком не знали, за что же они платили полицейским и старостам ²².

Согласно директиве начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии от 6 июня 1941 г., гитлеровская пропаганда, утверждала, что немцами в России запланирована многоэтапная реформа сельского хозяйства. Конечной ее целью в Калмыкии якобы являлась ликвидация колхозов и замена их частнособственническими крестьянскими хозяйствами, имевшими не менее «100 овец и 20 коров». Однако до окончания войны это невозможно осуществить, поскольку «немедленное изменение форм организации экономики углубило бы вызванные войной нарушения хозяйственных процессов и нанесло бы ущерб всему населению» ²³.

С осени 1942 г. оккупационные власти, согласно приложению к специальному приказу оперативного отдела генерального штаба Германской армии за № 4376/41, которое предписывало любыми способами добывать в занятых областях одежду для солдат и офицеров, начали в принудительном порядке сбор у населения улусов и сел теплых вещей. Предчувствуя наступление холодов, немцы отбирали не только мужскую одежду, но также женскую и детскую, вплоть до одеял, платков, рубашек, женских сорочек и т.п. ²⁴.

Создавая собственные структуры управления, гитлеровцы одновременно развернули широкую сеть всех видов пропагандистской и идеологической работы на оккупированной части территории Калмыцкой АССР. Службы фашистской пропаганды пытались внушить советским гражданам мысль о непобедимости германского военного оружия и скором окончании войны. Согласно директиве начальника штаба верховного командования вооруженных сил Германии от 6 июня 1941 г., основная цель пропаганды заключалась в стремлении расколоть советское общество, разжечь национальную рознь, подавить моральный дух и сопротивление советского народа, представить войну против СССР как освободительную миссию Германии ²⁵.

В первую очередь гитлеровские власти организовывали под немецкой цензурой выпуск газет, иных периодических изданий. Заняв часть территории Калмыкии, оккупационные власти так же, как и в соседних регионах — на Кубани («Голос Кубани», «Кубань» и др.), Дону («Вольный Дон», «Голос Ростова» и др.), Ставрополье («Заря Кавказа», «Утро Кавказа», «Ставропольское слово» и др.) — приступили к изданию двух пропагандистских газет — на калмыцком языке «Теегин һэрд» («Степной орел», редактор И. Болдырев) и на русском — «Свободная земля» (ответственный редактор В. Мануйлов). По характеру, подборке и направленности статей чувствуется, что в редакции работали профессиональные немецкие пропагандисты. Публикации газет показывают, что гитлеровская пропаганда действовала по шаблону, в соответствии с инструкцией ведомства Геббельса, внося лишь коррективы в последние события с учетом особенностей захваченного региона.

Пропаганда противника старалась убедить население в том, что немцы пришли избавить народы СССР от большевизма, построить новую жизнь, помочь им в развитии культуры, образования, восстановить утраченные традиции, обычаи. Поэтому на страницах двух газет такие события, как открытие начальной школы, молельного дома, выступления силой согнанных самодеятельных артистов для развлечения немецких солдат, преподносились как величайшее благодеяние оккупационных властей.

Открытие двух начальных школ в Элисте и введение новых программ обучения с немецким языком полностью соответствовали принятой нацистами концепции образования населения в восточных областях, изложенной рейхсфюрером СС Гиммлером в докладе Гитлеру от 25 мая 1940 года. По мысли Гиммлера «для ненемецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой школе должны быть только простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным, послушным. Умение читать я считаю ненужным. Кроме школы этого типа, в восточных областях не должно быть больше никаких школ»²⁶.

Гитлер, беседуя 22 июля 1942 г. с соратниками, говорил: «Я за то, чтобы обучать местное население в школах немецкому языку, и то лишь потому, что для успеха нашего управления необходимы известные языковые предпосылки. А то ведь каждый житель будет уклоняться от выполнения немецких распоряжений под тем предлогом, что “не понял их”»²⁷.

Впоследствии, говоря о размахе, целях и значении фашистской пропагандистской идеологической работы, ответственный работник ЦК ВКП(б) Брюхачев, выступая 25 июня 1943 г. на партийном собрании Сарпинского улуса, признавал, что нацисты «вели свою пропаганду среди нашего народа неплохо»²⁸.

Немецкая 16-я мотодивизия, потерпев поражение от советских войск в степях Калмыкии (28-й армии) и отступая в начале января 1943 г., с нацистской методичностью выполнила директиву своего верховного командования «о выжженной земле». Все то, что не смогла и не в состоянии была угнать и увезти дивизия, было сожжено или выведено из строя. В целом за кратковременную оккупацию фашисты нанесли республике колоссальный урон, основательно подорвали ее экономическую и социальную инфраструктуру.

В период оккупации и боевых действий, а также во время отступления фашисты преднамеренно разрушили и привели в негодность 7998 хозяйственных построек и сооружений на общую сумму 105 085 250 рублей. Они вывезли или уничтожили оборудование, транспорт на сумму 12 845 999 руб.; топливо, материалы и готовую продукцию общей стоимостью 46 357 600 руб.; сельскохозяйственные машины и инвентарь — на 10 216 650 руб.; стоимость уничтоженных посевов и садов составила 195 575 800 руб. (в государственных ценах 1941 г.). Немцы разграбили республиканский музей и библиотеки, отправили в Германию ценные музейные экспонаты и до 440 тыс. экземпляров книг, в основном по истории, культуре, языкознанию, фольклору монгольских народов.

Общее количество скота, использованного на продовольственные нужды, вывезенного в Германию и угнанного при отступлении, составило около 600 тыс. голов или 84% от оставленного поголовья на оккупированной территории республики. Помимо этого, при эвакуации, во время бомбежек и обстрелов погибло свыше 270 тыс. голов скота. Колхозы, совхозы за период оккупации лишились: птиц — 97 166 штук, зерна — 35 623 т, картофеля — 138 т, сена — 85 329 т, шерсти — 1223 т, кожсырья — 35 265 штук.

В населенных пунктах, на фермах, чабанских стоянках гитлеровцы разрушили 611 колодезь, 15 ветряных и 6 механических мельниц, более 100 крупных и мелких мостов. Из 176 колхозов республики были разграблены и разрушены 142 (80,7%), все 12 совхозов и крупный конезавод практически были уничтожены, из 14 машинно-тракторных станций были вывезены все исправные машины, тракторы, двигатели, станки. В такой же мере пострадали соседние края и области. Например, по состоянию на 1 июля 1943 г. осталось: тракторов в Калмыцкой АССР — 61,5%, Кабардино-Балкарской АССР — 67,5%, Краснодарском крае — 72,1%, Ставропольском крае — 65,5%, Ростовской области — 71,2%, Сталинградской области — 84,7%. Во всех хозяйствах Калмыкии имелось всего 32 автомашины (27,8 %), 2 улуса (25%) оказались без единой машины; с 1— 2 машинами остались 4 улуса (50%)²⁹.

В колхозах и совхозах республики к январю 1943 г. числилось всего 313 705 голов скота (22% общего поголовья, имевшегося до оккупации). В аналогичном состоянии оказалось, по данным сельскохозяйственного отдела ЦК ВКП(б), и животноводство колхозов и совхозов Ставропольского края (из 1 759 296 голов осталось всего 387 469 или 22%)³⁰.

В период оккупации фашисты успели разрушить около двух третей наиболее значимых промышленных предприятий республики. Калмыцкая АССР почти в равной степени пострадала вместе с другими регионами от кратковременного немецкого господства. После освобождения в ней осталось действующих 36,6% предприятий с 23,6% рабочих от довоенного уровня, Кабардино-Балкарской — 12,7% (рабочих — 22,9%), Краснодарском крае — 11,6% (рабочих — 21,5%), Ставропольском крае — 17,2% (рабочих — 28,5 %), Ростовской области — 20,9% (рабочих — 15,7%), Сталинградской области — 27,7% (рабочих — 28,7%). Согласно постановлению СНК СССР № 664 от 17 июля 1943 г. «О ценниках и инструкции по их применению для учета ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям, а также колхозам», Калмыцкая АССР по ценам на скот была отнесена к первому поясу, по ценам восстановительной стоимости зданий, сооружений — к шестому³¹.

На временно захваченной территории Советского Союза, в том числе и Калмыкии, оккупанты совершали массовые преступления, акты террора, издевательства, геноцида, жертвами которых стали мирные граждане — женщины, дети, старики. За кратковременное пребывание немецких войск в республике, по далеко не полным данным, было расстреляно около 3 тыс. человек (1,36% общей численно-

сти населения КАССР, в РСФСР — 1,62%). В ходе расследования преступных деяний немецких оккупантов на советской земле Чрезвычайная государственная комиссия СССР вскрыла ужасающие по своей жестокости факты: в Воронежской области фашисты сожгли в вагонах 366 детей, в Кабардино-Балкарии уничтожили 271 ребенка, в Калмыкии — 167 детей ³².

В числе расстрелянных мирных жителей Калмыцкой АССР оказались представители почти всех ее народов. А.П. Михайлов, нарком госбезопасности Калмыцкой АССР, выступая 26 февраля 1943 г. на пленуме Калмыцкого обкома ВКП(б), говорил, что немцы «разжигали национальную рознь между калмыками и русскими. Они заигрывали с калмыками, называя себя “освободителями” калмыков, и в то же время пачками их расстреливали». Например, в числе опознанных комиссией жителей Западного улуса (41 чел.), расстрелянных немцами и закопанных в одной яме, оказались: 21 еврей, 16 калмыков, 4 представителя славянской национальности ³³.

Огромным бедствием для населения оккупированных территорий Советского Союза стал угон работоспособных людей в рабство в Германию. С начала 1942 г., в соответствии с приказом Гитлера от 31 октября 1941 г., они приступили к принудительному, под страхом смерти вывозу рабочей силы. Только в 1942 г. немцы отправили в Германию около 2 млн советских граждан, а за все годы войны — 4 968 249 чел., в том числе из РСФСР — 1 906 661 ³⁴. По имеющимся далеко не полным данным, из Калмыкии только во второй половине 1942 г. фашисты принудительно отправили в Германию 2430 чел. разной национальности. Кроме того, при отступлении они насильно угнали в качестве вспомогательной силы значительное количество людей, в том числе и подростков. В числе 3 527 189 гражданских лиц СССР, репатриированных с мая 1945 г. по февраль 1946 г. из Германии на родину, только калмыков значилось 2318, из них 1166 мужчин, 1046 женщин, 106 детей до 16 лет ³⁵.

За полтора года войны и временного пребывания фашистов в республике, по данным Статистического управления Госплана РСФСР, ее население уменьшилось на 22,5%, Ставропольского края — на 22,4%, Сталинградской области — на 30,1%, Ростовской области — на 31% ³⁶. Как видим, этническая политика нацистов по отношению к советским народам, в сущности, не дифференцировалась.

Уход мужчин на фронт и безвозвратные потери, массовое истребление и угон в рабство населения с временно захваченных территорий немцами породили аномалию в демографической структуре населения регионов, находившихся в оккупации. Если до войны в Калмыцкой АССР на 100 мужчин в возрасте от 16 до 55 лет приходилось 103 женщины, то в 1943 г. — 273, Кабардино-Балкарской — соответственно 92 и 198, Ставропольском крае — 106 и 260, Ростовской области — 108 и 248, Сталинградской области — 109 и 298 человек ³⁷.

Таковы последствия жестокого, грабительского оккупационного режима немецких фашистов, установленного в годы войны на захваченной территории Калмыцкой АССР. Народы республики за это время испытали все ужасы фашистского террора (произвол, насилие и

разбой, истязание и истребление людей, разрушения и грабеж), понесли невосполнимые человеческие потери, огромный экономический ущерб. Ныне старшее поколение (не только участники, очевидцы событий времен войны, но и дети войны), видя, как возрождающиеся националисты, неонацисты пытаются пересмотреть итоги Великой Отечественной войны, исказить историю второй мировой войны, вспоминают чудовищные злодеяния, совершенные германскими фашистами против человечества. Итоги Нюрнбергского процесса, наказание главных военных преступников фашистской Германии должны быть уроком всем тем, кто пытается реанимировать фашизм и взять его на вооружение.

Примечания

1. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы, материалы. М. 1987, с. 62—63; ТИППЕЛЬСКИРХ К., КЕССЕЛЬРИНГ А., ГУДЕРИАН Г. и др. Итоги Второй мировой войны: Выводы побежденных. СПб.-М. 1988, с. 503.
2. ДАШИЧЕВ В.И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933—1945: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 3. М. 2005, с. 9, 14.
3. Вторая мировая война: Взгляд из Германии. Сб. статей. М. 2005, с. 351.
4. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 1. М., 1897, с. 593; МЮЛЛЕР Н. Вермахт и оккупация. 1941—1944. М. 1974, с. 82—83; Вторая мировая война: Взгляд из Германии, с. 106.
5. Вторая мировая война: Взгляд из Германии, с. 100, 110.
6. Там же, с. 102.
7. МАНШТЕЙН Э. фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М. 2009, с. 403.
8. Совершенно секретно! Только для командования: Документы и материалы. М. 1967, с. 118; МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 251—252.
9. МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 11.
10. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 3. М. 1989, с. 399—400.
11. Там же. Т. 4. М. 1990, с. 286.
12. Там же. Т. 1. М. 1987, с. 662, 681; МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 100—101.
13. Нюрнбергский процесс. Т. 7. М. 1992, с. 122.
14. Там же, т. 3, с. 352; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 7445, оп. 2, д. 99, л. 227.
15. Нюрнбергский процесс, т. 4, с. 366—367.
16. Там же, т. 3, с. 556; МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 82—84.
17. Хальмаг. 1943, № 9—10, с. 32.
18. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 г. Т. 3. М. 2003, кн. 2, с. 503—504; Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 г. Т. 4. М. 2008, кн. 2, с. 249.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-7021, оп. 8, д. 27, л. 1—7, 30—32, 73, 74, 88, 130; Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК), ф. Р-68, оп. 1, д. 2; д. 5, л. 32.
20. МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 208.
21. Свободная земля. 6.X.1942, № 14.
22. НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 18, л. 29—85.
23. Нюрнбергский процесс, т. 3, с. 561.
24. РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 40, л. 2; НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 9, л. 10; ф. Р-326, оп. 1, д. 10, л. 10.

25. Нюрнбергский процесс, т. 3, с. 560—561.
26. ДАШИЧЕВ В.И. Ук. соч. Т. 1. М. 2005, док. № 11, с. 79.
27. Там же, док. № 13, с. 97.
28. НА РК, ф. П-9, оп. 1, д. 146, л. 41об.
29. РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 148, л. 54; КОЛЕСНИК А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М. 1982, с. 226; НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 839, л. 119; ф. Р-26, оп. 1, д. 527, л. 54; д. 610, л. 15—16; Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 632—633.
30. НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 2, л. 33—35; д. 3, л. 8, 34—36; ф. Р-131, оп. 10, д. 116, л. 1—3; РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 148, л. 69.
31. КОЛЕСНИК А.Д. Ук. соч., с. 225; НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 1, л. 1, 38.
32. Население России в XX в. Т. 2. М. 2001, с. 49, 57; НА РК, ф. Р-68, оп. 1, д. 6, л. 196; д. 16а, л. 1а.
33. НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 784, л. 71; ф. Р-68, оп. 1, д. 6, л. 196.
34. ГА РФ, ф. Р-9526, оп. 1, д. 63, л. 61; МЮЛЛЕР Н. Ук. соч., с. 236.
35. ГА РФ, ф. Р-9408, оп. 1, д. 10, л. 105; ф. Р-9526, оп. 6, д. 933, л. 227, 229; ф. Р-7021, оп. 8, д. 27, л. 4, 8.
36. РГАСПИ, ф. 17, оп. 123, д. 148, л. 54; НА РК, ф. П-1, оп. 3, д. 735, л. 13—14; КОЛЕСНИК А.Д. Ук. соч., с. 223.
37. Население России в XX в., т. 2, с. 59; КОЛЕСНИК А.Д. Ук. соч., с. 224; НА РК, ф. Р-131, оп. 10, д. 114, л. 218.

Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в.

Д.Н. Маслюженко, Г.Х. Самигулов

Аннотация. В 1590-х — 1600-х гг. территория Приисетья вошла в состав Московского государства, что привело к началу формирования здесь ясачных волостей. Важнейшими вопросами истории этого процесса являются определение понятия «ясачная волость», хронология их образования и этнический состав, в том числе в рамках преемственности с населением Сибирского ханства, изменение границы этих административных образований на протяжении первой половины XVII в., сохранение вотчин и зверовий местных тюркских групп за пределами Приисетья. Особое внимание уделено внешнеполитическому контексту формирования волостей в условиях деятельности к югу от них Кучумовичей, ногаев и калмыков, а также причинам и следствиям происходивших здесь русско-тюркских конфликтов.

Ключевые слова: татары и турки юга Западной Сибири, ясачная волость, Кучумовичи.

Abstract. In the 1590s-1600s the territory near the river Iset (the Priiisietie) became the part of the Muscovite state. It led to the beginning of the formation of yasak volosts on the territory. The most important questions in the history of this process are the definition of «yasak volosts», the chronology of their formation and ethnic composition, including in the framework of continuity with the population of the Siberian khanate, change the boundaries of these administrative units during the first half of the XVII century, preserving the estates and the hunting area of local Turkic groups outside the Priiisietie. Special attention is paid to the foreign policy context of the formation of counties in condition of Kuchum descendants, Nogais and Kalmyks activity to the South of the Priiisietie, and cause and effect of Russian-Turkish conflicts taking place on the territory.

Key words: Tatars and Turks of the South of Western Siberia, yasak volost, Kuchum descendants.

Поход Ермака положил начало процессу присоединения Сибири к Российскому государству, который был протяженным по времени и

Маслюженко Д.Н. — кандидат исторических наук, доцент Курганского государственного университета. E-mail: denmas13@yandex.ru; *Самигулов Г.Х.* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета. Челябинск. E-mail: gayas_@mail.ru.

Maslyuzhenko D.N. — candidate of historical sciences, associate professor of the Kurgan State University. E-mail: denmas13@yandex.ru; *Samigulov G.Kh.* — candidate of historic science, senior researcher of the Scientific-Educational Centre of Eurasian Investigation. South Ural State University. Chelyabinsk. E-mail: gayas_@mail.ru.

имел значительную региональную специфику. Он включал в себя как военные столкновения, так и вполне добровольное вхождение. Этот процесс сопровождался колонизацией вновь «открытых» территорий, которая постепенно выходила на первое место. Достаточно сложно присоединение происходило в пограничных (фронтирных) со степью районах, в частности на юге Западной Сибири. Ситуация здесь усугублялась тем, что до появления русских эти территории входили в состав Сибирского ханства, которым с 1563 г. руководили внук тюменского хана Ибрахима Муртаза и его сыновья Ахмед-Гирей и Кучум из династии Шибанидов. В результате военное сопротивление могло приобретать характер межгосударственных столкновений, по крайней мере, так это осознавала местная политическая элита и ее окружение.

Вплоть до конца 1670 — начала 1680-х гг. Кучумовичи продолжали вести традиционный кочевой образ жизни на южных территориях бывшего Сибирского ханства в Тоболо-Ишимском междуречье. Хотя в русских документах только за сыновьями Кучума Али и Ишимом признавался ханский статус¹, часть местных племен рассматривала и иных Кучумовичей в качестве политических лидеров. Это позволяло им не только сохранять легитимность власти на землях Сибирского ханства, но и претендовать на соответствующие ханские титулы, которые могли быть получены Чингизидами при поддержке местной аристократии (например, царем именует себя Кучук в грамоте царю Алексею Михайловичу в 1668 году². Несмотря на незначительность собственных военных сил, поддержка части местных племен (табын, сынрян, бикатин), ногаев и калмыков делала их серьезной военной силой, препятствовавшей попыткам русских воевод расширить границы Московского государства к югу. Например, на одном из первых чертежей Сибири, сделанном в 1667 г. по приказу воеводы П. Годунова, земли по обеим сторонам Тобола чуть выше впадения Исети указаны как «Кучковы», то есть принадлежащие Кучуку и не входящие в состав Российского государства³. Это достаточно верно отражало сложившиеся трудности в южном продвижении русских.

В таких внешнеполитических условиях, на фоне постепенного перехода групп зауральских и сибирских тюрок на сторону русских на юге Западной Сибири, в предтаежной и таежной зонах бывшего Сибирского ханства начали формироваться тюркские ясачные волости, охватывавшие районы компактного проживания тюрок. Предлагаемая работа рассматривает проблемы формирования этих волостей на локальном примере Приисетья, при этом региональная, зауральская, история рассматривается в контексте общероссийских процессов, то есть включения новых территорий к востоку от Уральского хребта в административную систему государства. Основной задачей публикации является реконструкция формирования системы тюркских волостей на севере Южного Зауралья, в Приисетье. Локальная, казалось бы, проблема, выходит на ряд вопросов более широкого плана.

Прежде всего стоит определить, что же такое ясачная волость? Многие исследователи сегодня трактуют ее как некое статичное территориальное (административно-территориальное) образование, не акцентируя внимания на возможных изменениях ее границ и даже местоположения⁴. Фактически такое же изображение ситуации мы

видим и в работе О.Б. Долгих⁵. Представляется, что подобное восприятие ясачной волости для зауральской действительности ошибочно и мешает при интерпретации документов XVII—XVIII веков. Исследовательница феномена башкирской волости Ф.А. Шакурова выделяет как минимум три значения слова «волость» для Башкирии: земельная организация, наделенная правами собственника, административно-территориальное образование и волость как обозначение рода⁶. В идеале все три значения должны были совпадать. Близко к этому мнение Л.И. Шерстовой о социальной организации кыргызов Южной Сибири XVII в.: «Социальная структура кыргызского общества была вполне четкой и определенной. В основе ее понятие “улус”, т.е. держание, состоящее из зависимых людей, населенное податными людьми, и лишь затем и только вкупе с ними — территорией, на которой те в каждый данный момент обитают»⁷. Фактически, речь идет о тех образованиях (улусах), которые после включения территорий в административную систему Российского государства, стали обозначаться словом «волость». Таким образом, основой формирования и существования ясачной волости служила не территория, а податное население. Соответственно, территория была вторична, а первичным, как это ранее было для кочевых обществ, — население, которое могло достаточно легко перемещаться.

Волость как территориальная единица далеко не всегда была монолитна. Иногда она объединяла несколько участков, включенных в разные этапы хозяйственного цикла и располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. Причем объединяла эти территории именно конкретная группа населения (племя, род, клан), использовавшая эти земли. Мы можем с полным основанием распространить эти выводы на тюркские волости Зауралья в целом, поскольку система землепользования тюркских скотоводческих племен Урала, Зауралья и Западной Сибири XVII в. представляла собой вариации в рамках одной системы. При этом надо понимать, что реконструируемые как предшественниками, так и нами границы волостей, в известной степени являются условными. Во-первых, они достаточно легко изменялись, во-вторых, не были чем-то жестким и непроницаемым, поскольку жители других волостей достаточно спокойно пользовались территориями соседей. По этим причинам мы можем с большей или меньшей достоверностью говорить о примерной локализации волостей, но вряд ли правомерно обозначать их четкие границы. Проблема границ становится актуальна в более позднее время, когда начинается активное строительство русских слобод и острогов, и вотчинные земли ясачного населения стремительно сокращаются.

Следующая проблема связана с подходами к интерпретации групп населения, составивших основу формировавшихся волостей. Некоторые авторы рассматривают племена (роды) Зауралья начала XVII в. как части сложившихся этносов — башкир и татар⁸. Полагаем, что подобный подход является следствием экстраполяции на начало XVII в. ситуации, сложившейся в XIX веке. Население большинства этих волостей в русской делопроизводственной документации упоминается именно как татары, что коррелируется и с более ранними источниками начала XVI века, согласно которым местное население называется татарами с приставками «шибанские» и «тюменские (туранские)»⁹.

Прежде всего, этот этноним отражал этносословную характеристику, связанную с местной аристократией. При этом первые две «приставки» явно указывали на связь с правящей династией (Шибаниды) и самим государством (Тюмень — в русских источниках, Тура — у восточных авторов). В документах начала XVII в., по сути, сохранялся тот же принцип номинации, которая говорила о принадлежности к «татарам» конкретной волости. В качестве обобщения могло использоваться название «тюменские ясачные татары», что отражало отношение населения ясачной волости к определенному уезду¹⁰. Интересно то, что входившие в составе отрядов Кучумовичей табынцы именуются татарами, хотя те, кто проживал в это же время в соответствующей волости, относятся уже к башкирам¹¹.

Вопрос о том, насколько отдельные представители местных племен на самом деле осознавали свою связь с татарами или башкирами, в источниках не находит ответа. В целом складывается впечатление, что для большинства из них отнесение к племени, роду или клану было гораздо более важным. Классическим может быть пример именованного «башкирец же да татарин Елтура»¹², то есть татарин из племени башкир. Обобщающая терминология в рассматриваемый период скорее отражала позицию русских администраторов, причем татарами чаще оказывались племена, отнесенные к ведению Тюмени, Тобольска или Верхотурья, а оказавшиеся в ведении Уфы упоминались как башкиры. При этом необходимо понимать, что этот принцип не обязательно соблюдался, так даже отнесение Китайской волости к Уфимскому уезду не мешало называть ее жителей татарами¹³. Обозначение «башкирские татары» или «уфимские татары» применялось к племенам (родам), перешедшим в Уфимский ясак: например, к сынырям в документах Тюменской приказной избы 1660-х годов¹⁴.

Таким образом, попытки четкого отнесения тех или иных родов, кланов и племен только к сибирско-татарским или башкирским отражает современное положение этих групп, но не сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию. Номинация в документах XVII в. чаще отображала не этническую принадлежность, а территориально-сословную или в некоторых случаях этносословную¹⁵. Ясачное население Тюменского и Туринского уездов практически без исключения именовалось «татарами», а в Уфимском уезде ясачное население обозначалось как «башкиры», безотносительно к этнической принадлежности индивида/группы. В связи с этим более резонно использовать общее наименование «тюркские» группы.

Н.А. Усманов предположил, что племена по Исети и Миассу подчинились русским еще в период между 1582—1585 годами¹⁶. Однако в документах впервые подчинение местных групп населения русским администраторам косвенно упоминается в феврале 1586 г. в наказе приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову для встречи польского посла М. Гарабурды. В нем указывается, что в составе ясака с сибирских территорий должны присутствовать «белки большие... илецкие»¹⁷. Эта часть пушного налога может быть рассмотрена как выплачиваемая тюрками, чьи охотничьи угодья были расположены в Илет Карагае (Илецком бору), располагавшемся по западному берегу Тобола от Ика до Исети. Наказ датируется февралем 1586 г., примерно в то время, когда воеводам В.Б. Сукину, И. Мясному и письменному

голове Д. Чулковоу был поручен новый поход в Сибирь, в рамках которого в июне 1586 г. началось строительство Тюмени на месте бывшего столичного города Шибанидов Чимги-Туры¹⁸. Таким образом, документ мог констатировать потенциальную обязанность тюменских воевод наладить дальнейшие отношения с приисетскими группами. Возможно, что отчасти илецкая белка могла использоваться в качестве ясака группами тюменских татар, которые охотились к югу от Исети и по Тоболу. Г.Ф. Миллер указывал, что покорение татар по Исети и принуждение к уплате ясака «произошло без особых затруднений»¹⁹. Специфика их положения заключалась в том, что с этого времени и вплоть до начала строительства по Исети в 1650 г. линии острогов именно тюркские племена оказались на русском пограничье, в результате они прикрывали собой сибирские города и были важнейшим источником информации о движении Кучумовичей. Одновременно это ставило их под постоянный удар не только потомков Кучума, но и ногаев, собиравших здесь традиционный ясак с сырян и катаяев, а потом и калмыков. Именно постоянное присутствие последних в регионе с 1623 г. создавало наиболее конфликтные ситуации, которые подталкивали местных тюрков к русской власти в попытке защитить свои юрты.

Самый ранний пример конкретного упоминания Приисетья в известных нам документах датируется 1596 годом. Тогда Семейка Вязмин со служилыми татарами должен был вернуть 50 бежавших из Тюмени татар, которые скрылись на острове на Исети у татарина Килдемана, при котором оказалось около 30 чел. киньрцев и башкирцев. Причиной бегства был слух о том, что представителей этих кланов хотят «сослать на Тару». Тюменские посланцы были схвачены и ограблены²⁰. Следует учитывать, что среди них были Какшара, Майтмас и Бахтурас, которые среди других татарских мурз еще во время похода Ермака защищали низовья Туры²¹. При этом Майтмас — это, скорее всего, позднее известный как глава тюменских юртовских татар Майтмас Ачекматов. Предполагалось, что они должны были иметь определенное влияние среди татар Сибирского ханства, что, однако, им не помогло. Этот единичный случай показывает, что приисетские земли рассматривались на тот момент как формально свободные от русской власти, служившие укрытием для беглых. Русские фактически не имели здесь каких-либо прав. Случай ограбления, сохранившийся в источниках, вполне мог быть не единственным, что и привело тюменских и верхотурских воевод к продвижению в эти земли, где с 1600 г. на основе тюркских племен начинают формировать волости. Интересно то, что столкновение 1596 г. очень хорошо коррелируется с нападениями тюменских людей на Каратабынскую волость и взятие там полонна, возвращение которого вызвало длительную, вплоть до 1600 г., переписку Москвы, Уфы и Тюмени²². В целом, в 1590-х гг. говорить о стабильном вхождении территории Южного Зауралья в состав Российского государства не приходится.

Самое основательное до сегодняшнего дня исследование, включающее обзор территории и населения тюркских волостей по Исети, принадлежит Долгих²³. В литературе существует мнение, что вотчины ясачных и служилых татар на Исети были даны им русской администрацией «после Сибирского взятия»²⁴. Однако более обоснован-

ным выглядит мнение В.В. Трепавлова, который считает, что ясачные волости в Сибири организовывались преимущественно по принципу расселения местных родов и племен, хотя и имелись случаи игнорирования этого деления на начальном этапе формирования русской администрации²⁵. Близка к этому и позиция А.Ю. Конева, который указывает, что волости восходили к «традиционной социальной структуре аборигенных этносов»²⁶. При необходимости стабильного ясачного обложения, важного для пополнения государственной казны, опора на местную аристократию, перешедшую в статус служилых татар и управлявшую юртами и волостями, могла выполнить эту задачу. В этом отношении А.С. Зуев указывает, что «прочие же представители военно-политической элиты бывшего Сибирского юрта (султаны, беки, мурзы, есаулы) почти поголовно были зачислены в русскую службу с сохранением земельных владений (юртов), зависимых людей и освобождением от уплаты ясака»²⁷. Таким образом, вотчины должны были быть лишь подтверждены соответствующими актами (скорее всего, шертными грамотами), которые, однако, для изучаемой территории не сохранились. Именно такая юридическая практика с конца 1590-х гг., видимо, становится общепринятой для тюркских народов Западной Сибири²⁸. При этом местные авторитетные лидеры должны были обеспечивать выполнение шерти рядовым населением²⁹. В отношении интересующих нас территорий, в частности татар Киньрской и Башкурской волостей, терминология «по своей вере, по шерти», видимо, впервые упоминается с 1600 года³⁰.

На данный момент границы волостей первой половины XVII в. по источникам слабо определимы. Это связано с влиянием военного фактора (перемещения Кучумовичей и их союзников, лояльность местных племен), их периодическим перераспределением между Уфимским, Верхотурским и Тюменским уездами, имевшими место переходами представителей племен из одной волости в другую, в том числе и при наличии военной опасности. При условии полукочевого или кочевого характера жизни части племен границы могли носить достаточно условный характер и так же осмысливались русскими администраторами, если не затрагивался вопрос сбора ясака в пользу того или иного уезда.

Источники позволяют выделить следующие волости (при описании их от низовьев к верховьям Исети): Исетская и Пышминская (впервые упоминается в 1626—1627 гг.³¹, предположительно заняла место существовавшей с 1600 г. Киньрской волости³²), Терсяк(т)ская (с 1601 г.³³), Бачкирская (Пускурская, с 1600 г.³⁴), Катайская (с 1601 г.³⁵), Сы(н)рянская (с 1603 г.³⁶). Последняя частично находилась в верховьях Исети и на правых ее притоках — Сысерть и Синара. На горных озерах (Иртяш, Наного, Алабуга, Бердениш и др.) и в верховьях речки Карабулак (Караболка), видимо, располагалась Мякотинская (Бикатинская) волость, хотя все документы о ней относятся к гораздо более позднему времени (возможно, что бикотины жили на территории родственных племен). Салжиутская (Сальютская, Чилчеуцкая) известна с 1600 г.³⁷, с большой долей условности размещалась, в том числе, по р. Синара и Багаряк, притокам Исети. Таким образом, в целом процесс образования волостей по Исети явно относится к периоду с 1600 по 1603 г., которыми и можно датировать

закрепление здесь южный русских рубежей. В хронологическом плане первые упоминания тюркских волостей по Исети с 1600 г. хорошо увязываются с предполагаемым временем гибели сибирского хана Кучума в 1600 или 1601 гг. после его бегства в степи в результате поражения 1598 г. на Оби. Это противоречит предположению, существующему в башкирской историографии, о том, что «значительная часть зауральских башкир до 30-х годов XVII века не признавала российского подданства и поддержала антирусские действия хана Кучума и его сыновей. В итоге эти башкирские волости первоначально даже не были включены в состав Уфимского уезда»³⁸. Салжиутская волость с самого первого упоминания указывается в составе Уфимского уезда, так же как и соседняя с ней Каратабынская³⁹, а вопрос длительной поддержки Кучумовичей со стороны местных тюрок требует более подробного анализа⁴⁰.

При этом, названия тюркских волостей на Исети отражали определенную этнонимию местных племен, живших на этой территории до русского завоевания и в той или иной мере признавших власть «Белого царя». Одним из сложнейших вопросов в этногенезе этих групп является проблема соотношения титульных кланов отдельных волостей с группами населения, которые известны по истории Тюменского и Сибирского ханств. Лучше всего о составе кланов можно судить по деятельности и окружению первого тюменского («узбекского») хана Абу-л-Хайра, разместившего ханский престол в Чимги-Туре в 1430 году⁴¹. Исследования по вопросам клановой структуры позднесредневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири на данный момент позволяют говорить о корреляции группы табын с хорошо известными по более ранней истории кланами уйшун, тюмень и возможно дурмен, которые были в окружении Шибанидов еще с середины XIII века. Бачкиры явно связаны с так называемыми «чимги башгыртами», подчиненными тому же Абу-л-Хайру, и возможно являются одним из собирательных названий для западно-сибирского населения⁴². Салджиуты упоминаются как жители юга Западной Сибири с конца 1420-х гг., когда они вместе с конгратами были противниками Шибанида Махмуда-Ходжи⁴³. Катаи, скорее всего, родственны клану хытай из окружения тюменского (узбекского) хана Абу-л-Хайра в 1430—1450-х годах. Кроме того, Р.Г. Кузеев считает, что катаи были родственны найманам и салджиутам⁴⁴, при этом найманы также упоминаются на территории Тюменского ханства с 1430-х годов. Аналогична позиция и титульного клана расположенной к северу от терсяков по Тоболу Тарханной волости, поскольку тарханы как клан упоминаются еще в окружении хана Абу-л-Хайра в 1430-х годах. Именно представители тарханов, дурменов и найманов стали новыми даругами Чимги-Туры после воцарения там хана Абу-л-Хайра⁴⁵, что позволяет относить их к родам туранских татар. Таким образом, племена, давшие названия волостям в рассматриваемом регионе, с той или иной степенью вероятности связаны с историей Тюменского и Сибирского ханств Шибанидов. С учетом миграционных процессов монгольского и ордынского времени некоторые из них были пришлыми с территории Монголии, Алтая и Прииртышья.

Вопрос о происхождении оставшихся племен (терсяк, сынрян, бикотин, киныр) до сих пор не имеет своего решения. При этом, в

документах сынрянцы до 1620-х гг. четко отделяются как от башкир, так и от татар, что говорит и о специфике их происхождения, возможно связанного с угорскими корнями ⁴⁶. На данный момент размещение среди иных тюркских групп населения и процессы тюркизации, протекавшие в лесостепной и подтаежной зонах юга Западной Сибири, позволяют лишь отнести их к тюркоязычным. В ходе совместного выезда в деревню Кызылбай современного Шадринского района (граница бывших Бачкурской и Терсяцкой волостей) было выявлено наличие здесь западно-сибирских татарских традиций погребального обряда старожильческого населения Кызылбая с традицией высаживания деревьев (обычно тополей) на могиле. Предварительно можно предположить, что «племена» терсяк и бачкыр представляли собой объединение разных родовых групп. При этом Кузеев предположил, что терсяки и сынряне появились на Исети лишь около 1630 г. ⁴⁷, что противоречит времени появления соответствующих волостей.

Этническая картина в Приисетье частично изменялась в связи с появлением с 1632 г. на территории приисетских юртов и волостей переселенцев из Приуралья, в частности казанских татар и новкрещенов ⁴⁸. При этом с середины 1640-х гг. фактически не упоминается больше клановая или племенная принадлежность местных тюрков, в лучшем случае указывается их отнесение к юрту, волости и уезду (исключением является случай упоминания Денметько Терсяка в 1648 г. ⁴⁹).

Особой проблемой является определение границ волостей по Исети и их трансформация. В отличие от большинства тюркских волостей, Пышминская и Исетская волость названа по географическим привязкам. Эта волость локализовалась, согласно данным Долгих, в нижнем течении Пышмы и в самых низовьях Исети, причем автор утверждает, что, согласно его источникам, населяли эту волость «уфимские пришельцы» ⁵⁰. Его выводы подтверждаются данными документов. В 1663 г. в росписи ясачной и поминочной мягкой рухляди Тюменского города сначала констатируется, что нескольких жителей Пышминской и Исетской волости «не стало без вести», а потом вернувшийся из побега Аллагул Баишев сообщил, что «те де Пышминские волости татаровя, которые в сыску писаны и они де живут ныне все с ызменники около Аритяша (Аиретяша) озера з башкирцы вместе» ⁵¹. Название «Аретяш» с большой долей уверенности можно интерпретировать как Иртяш, а это озеро входило в вотчинные владения бекатин. В 1734 г. старшина Мякотинской (бекатин) волости Янгильда Самангулов Бигишев писал: «В Уфинском де уезде в башкирской степи имеет он у себя деда и отца своего Бигишева старинную вотчину в Мякотинской волости, в деревне Редяшевой. А в той де ево вотчине имеетца владений ево озера: Илтяш, Кызылташ, Сунгуль и другие озера» ⁵². В период восстания 1705 — 1709 гг. сам Янгильда Бигишев уехал в Сингульские скиты, где и прожил не менее 10 лет, а затем вернулся в д. Редяшеву (она же Иртяшская) ⁵³. А Долгих соотносил Пышминскую и Исетскую волость с более поздней Сингульской волостью Ялуторовской округи ⁵⁴. Очевидно, Пышминская и Исетская волость была образована при переселении в низовьях Исети и Пышмы тех представителей бекатин, которые до какого-то времени кочевали с Кучумовичами, а затем решили уйти от них и «осесть». При этом контакты между двумя группами бекатин поддерживались и спу-

стя практически 100 лет, хотя одна группа вошла в состав формировавшегося башкирского народа, а другая — сибирско-татарского.

Самое раннее упоминание о Пышминской и Исетской волости, которое на сегодняшний день удалось выявить, относится к 1626—1627 гг.: «Лета 7156 Генваря в 20 день по Государеву царевы и великого князя указу Алексея Михайловича всея Руси указу воевода Иван Гаврилович Борищев Пушкин допрашивал на Тюмени перед собою съезжей избе Тюменского уезду городков и волостей ясаулов и всех ясашных людей по их бусорманской вере по шерти про государев доимочный ясак и про воевоцкие поминки, что на них на ясашных людех донять государева ясаку и воевоцких поминков на прошлые годы: Кинырскова городка и Бачкурской и Терсяцкой волости со 141 году... Пышминские и Исецкие волости со 135 году, по нынешней по 155 год...»⁵⁵ Это вовсе не означает, что именно тогда возникла эта ясачная волость на территории Уфимского уезда, с этого года начали накапливаться «доимки» по выплате ясака.

Пышминская и Исетская волость, скорее всего, сформировалась в 1610-х гг. на территории бывшей Кинырской волости, население которой сильно пострадало в результате похода ногайского мурзы Уруса, ранее кочевавшего с ханом Али, в августе 1608 г.⁵⁶, и территории в низовьях Исети и Пышмы оказались слабо заселены. Еще осенью 1607 г., после поражений сыновей Кучума Азима и хана Али, начался отток из степи представителей племен, которые до этого времени составляли основу их отрядов. В документах после 1607—1608 гг. не встречаются упоминания тюрских племен мякотинцев (бикатин), сырнцев (сынрян) и табынцев (табын) в связи с кочевьями Кучумовичей⁵⁷. При этом соседние терсяки, бачкирцы и кинырцы часто упоминались с 1596 по 1628 год⁵⁸. Скорее всего, «выходцы» из степи заняли постепенно опустевшие территории в низовьях Исети и Пышмы.

Уход бикатин из степей ставит вопрос о расположении отдельной Мякотинской волости. Характерно, что в документах XVII в. достаточно часто упоминаются территории, входившие позднее в состав этой волости, но практически никогда не упоминается ее название. Так, в документе о походе башкир на калмыков в июле 1687 г., направленном приказчиком Ялуторовской слободы, указано: «а болшим де у них башкиретин и деминской сотник с Ырдяшу озера»⁵⁹. Как Мякотинская волость она начинает фигурировать в документах, начиная с первой трети XVIII века. При этом документ, информирующий о вотчинных правах Самангулова, процитированный выше, отсылает нас, как минимум, к середине XVII в., хотя более раннее существование этой волости на данный момент доказать сложно. Возможно, что часть бекатин располагалась на территории Айской волости Уфимского уезда⁶⁰. Этот пример не является исключением. Жители Бушкурской (Башкирской, Бачкурской, Пускурской) волости практически во всех документах ясачного сбора XVII в. упоминаются вместе с ясачными Кинырского городка и Терсяцкой волости⁶¹. При этом в XVIII в. группа тюрков Бушкурской волости жила в деревне Ураскильдиной на оз. Пороховом, на стыке территорий Мякотинской и Салжеутской волостей⁶². Проанализированные документы показывают, что родственные кланы могли размещаться в соседних волостях, что затрудняло точное определение их границ в первой половине XVII века.

Относительно расположения Терсякской и Бушкурской волостей особых разночтений не возникает. Долгих описывает их так: «Терсяцкую волость мы показываем на карте по Исети вверх от Пышминской и Исетской волости, в районе впадения в Исеть речки Терсяк... мы помещаем Бачкырскую волость между Исетью и Пышмой в бассейне речки Беляковки и оз. Атяж»⁶³.

Более подробна информация о Сырнянской и Катайской волостях. Уже отмечалось, что информация о сырнях отсутствует в известных источниках до конца XVI в., однако это не дает основания считать, что сырняне пришли в Зауралье именно в это время. Фактически в имеющихся источниках из портфелей Г.Ф. Миллера все племена Приисетья упоминаются лишь с 1596 года. Границы Сырнянской волости, зафиксированные в 1673 г. со слов сырнян: «181 (1673—1674 гг.) году в переписных ясашных вотчинных книгах переписи уфимские приказные избы подьячего Ивана Жилина да иноземского списку Наума Ногатикова написана ... Вотчина де у них у сенирянцов у всех вопче за Урал горою, на степной стороне, а межа той вотчине с вершины речки Багаряк и до устья, а от той речки с вершины речки Елганды (совр. Боевка. — Г.С.) и до устья, а от устья той речки по речку Казиганды до вершины и до устья, да на вершины речки Уйлабасты и до устья, да через речку Сесер (Сысерть. — Г.С.) на сосняг а с того соснягу на вершины речки Исеть и с вершины Исети на речку Уктус, с устья и до вершины»⁶⁴. Эта территория (верховья Исети) отмечается как «Сенгирянская волость» и в более раннее время: в мае 1663 г. вернулись в Тюменский уезд, на Пышму «Кинырского городка и Бачкурские волости ясашные татаровя», которые скрывались от расправы «...у сенгирянцов в Уфимских уездах с вершин Исетских»⁶⁵. Но, помимо земель в верховьях Исети и по Сысерти, Синаре, сырняне являлись вотчинниками других участков территории, в том числе по Чусовой и на р. Азяш (приток Уфы в верхнем ее течении), на стыке Шуранской, Чирлинской (сызгы) и Айлинской волостей. Земли эти были проданы Демидовым в 1750-х годах⁶⁶. Кроме того, в 1738 г. под доношением старшин и рядовых башкир В.Н. Татищеву о притеснениях, чинимых им местными русскими должностными лицами, одна из подписей: «Нагайской дороги: ... Сенирянской волости сотника Сафара Илашева тамга»⁶⁷. Нагайская дорога располагалась к юго-западу от той территории сырнян, о которой мы говорили выше. То есть часть сырнян еще в первой половине XVIII в., возможно, проживала к западу от Уральского хребта, что в целом свидетельствует в пользу протяженности процесса перемещения этого племени с запада на восток.

Таким образом, рассмотренные документы позволяют говорить о том, что в первой половине XVII в. невозможно говорить о четких границах волостей. Причин этого было, видимо, несколько: сохранение кочевого или полукочевого образа жизни, требовавшего наличия летовок и зимовок; родственные связи соседних тюркских кланов и родов, приводившие к перемещению групп с одной территории на другую; смещение границ волостей под воздействием внешних факторов (русская колонизация, давление калмыков).

Тюркское население приисетских волостей в своей хозяйственной деятельности выходило за пределы региона, используя вотчины

и зверовья Притоболья. Обратим внимание на то, что выше Исети по Тоболу ни в это, ни в последующее время тюркские волости не упоминаются. Отчасти это связано с расположением здесь зверовий тюменских ясачных татар, отчасти с кочеванием Кучумовичей с ногайскими мурзами и калмыкскими тайшами в первой половине XVII века. Возможно, в период существования Сибирского ханства по среднему течению Тобола находились собственно ханские кочевья Кучума⁶⁸. В грамоте царя Михаила Фёдоровича в 1639 г. по отношению к наделению кочевьями Девлет-Гирея земли по Тоболу также именовались «отцовскими кочевьями»⁶⁹. Они могли использоваться в период ханства в качестве курука, то есть ханских пастбищ или заповедников, выделенных для сбора и смотра войск⁷⁰, подобно тем, которые существовали при бухарском хане Абдаллахе II Шибаниде. В таком случае здесь могли кочевать лишь представители ханской ставки и связанные с ними роды и кланы.

В связи с этим, возникает вопрос: насколько далеко к югу распространялись вотчины этих племен. Еще в документе 1695 г. указывалось, что все земли и угодья по Исети и притокам «были сибирского царя Кучума улусных людей», а после Ермака многие татары были подведены в «государской ясашной платеж». На их «земли в угодья приезжали тобольские и тюменские служилые и ясашные татары для промыслов и владели теми землями по заимкам»⁷¹. Более конкретные претензии на эти территории по Тоболу и его притокам выражали представители отдельных родов. В 1631 г. «Терсяцкие волости ясашной татарин Янгит Бангучатов да захребетный татарин Якшураз Бактурузов и били челом государю... что отняли де от них коматцкие люди их оброчные реки Кадамыш, да Ермамыш, да Лабугу и иные их вотчинные речки и озера, на которых оне речках бобры добывали, и боры на которых борах белку, и лисиц, и куницы, государев ясак, добывали...». Аналогичная жалоба от терсяков на калмыков, с указанием вотчин на обоих берегах Тобола, поступила и в 1632 году⁷². Под речками вполне четко определяются притоки Тобола на территории современной Курганской области: Куртамыш, Юргамыш и Алабуга. Судя по наименованию их вотчинами, эти земли принадлежали терсякам хотя бы в течение нескольких поколений. Косвенное подтверждение этому можно найти в более ранних документах. В 1603 г. ногаи побили на станах на притоке Уя Тузаке Килдемановых детей и племенников, то есть наследников того самого Килдемана, который был на Исети за 7 лет до этого. При этом в одном документе они указаны как принадлежащие к Терсятской, а в другом — к Башкурской волости, но при этом во втором случае вместе с ними упоминался татарин Терсяцкой волости Менлыбай⁷³. Аналогичный случай совместных зверовий ясачных татар из Терсяцкой и Тарханной волости имеется в 1632 г.⁷⁴, что говорит о близости тарханов, терсяков и бачкырцев. В целом, у представителей терсяков были весомые основания утверждать, что в Среднем Притоболье имелись их вотчины. Схожие границы были только у земель, пожалованных воеводой Шереметевым тобольским служилым людям Сейдяшевым, основателям ичкинских татар, в 1675—1676 годах. Они были расположены по Тоболу «от Царева кургана до речки Куртамышу на рыба ловля и на всякие угодья по обе стороны Тобола реки с Юргамыша и з двумя

истоками и с Черную речками...»⁷⁵ Ичкинские юрты были размещены на бывших землях Терсятской волости, то есть вполне возможно, что терсяки вошли в состав ичкинцев, а не только ялutorовских татар, как это считал Н.А. Томилов⁷⁶. В 1652 г. ясачные люди тюменских волостей называли своими «вотчинные их места и угодья по Ишиму, и по Тоболу, и по Исете»⁷⁷. Эти примеры ясно показывают, что тюркские племена Приисетья считали земли по Тоболу и притокам своими вотчинами. С учетом того, что здесь находился Илецкий бор (Илет Карагай — в документах первой половины XVII в.), один из источников пушнины того времени, претензии эти вполне объяснимы.

По этим причинам к упоминаниям территорий вотчин часто приурочены указания на расположение зверовий этих племен, которые в документах описываются с 1616 г., когда каратабынцы охотились по обеим сторонам Миасса, переехав Тобол к Арал Карагаю⁷⁸. В 1620 г. тобольский воевода М.М. Годунов отписывал, что по всему Тоболу «ездят на зверовья ясачные люди»⁷⁹. В 1620—1640-е гг. в верховьях Тобола «на Илет Карагае» и притоках Тобола, в том числе и на правых, где почти постоянно были Кучумовичи и калмыки, зверовали катайцы, кинырцы и ясачные татары из Тюменского города и Пышминской волости⁸⁰, а ясачные татары Терсятской и Тарханной волостей были на охоте за Миассом⁸¹. В 1644 г. ясачные татары Кинырского и Иленского городков, Терсятской, Бушкурской Пышминской и Исетской волостей объясняли: «...и по которым местам ясашные люди преж сего белку илет по бором добывали и бобр и ярцы и кошлоки по вотчинным своим речкам, а лисиц на зверовье в степе промышлял и ныне по тем местом зверуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата и им де ясашным людям зверовать не дают и Илецкие боры по вся годы выжигают...»⁸² В 1647 г. ясашные люди разных волостей Тюменского уезда объясняли: «...и кочуют калмыцкие люди и Кучюмовы внучата Тюменского уезду блиско и зверуют по которым местам преж сего они ясашные люди зверовали и ясак добывали по Ишиму и по Тоболу и по Исети и по иным рекам и в степи и по лесом, а они ясашные люди по тем местам зверовать ходить не смеют потому что их на зверовье калмыцкие люди и Кучюмовы внучата грабят и побивают и оттого они ясашные люди оскудали стали без животов и бес промыслов...»⁸³

Таким образом, земли богатого и обширного Илецкого бора (Илет Карагая) между Миассом и Тоболом, а также озера и урочища к востоку от Тобола использовались в качестве зверовьев табынцами, катайцами, терсяками, кинырцами, башкурцами и иными группами ясачных татар на протяжении всей первой половины XVII века. При этом складывается впечатление, что эти земли не использовались для постоянного проживания, поскольку юрты чаще всего располагались по притокам Исети

Относительно поздний характер вхождения Приисетья в состав Российского государства и его пограничный характер, не способствовали развитию военных конфликтов с русскими после 1600 года. К тому же после ухода Али к ногаям, его брат и новый сибирский хан Ишим ориентировался на калмыков. Их экспансия на юге Западной Сибири в стремлении получить новые кочевья, представляли угрозу не только для русской власти, но и для пограничных тюркских групп.

При этом сами калмыки в большей степени были заинтересованы не в ясачных людях, как это считает В.Д. Пузанов ⁸⁴, а в свободных кочевьях, о которых просили у русских воевод ⁸⁵. Именование местных татар данниками было лишь удобным для калмыков способом оправдания их грабежа перед русскими посольствами. Ясак и люди были больше нужны Кучумовичам, в частности Ишиму, который, как уже указывалось, пытался вернуть и табынцев. Именно Аблай б. Ишим еще в 1634 г. захватил на Исети тюменских ясачных татар, которые в 1661 г. бежали от детей Аблая в Катайский острог ⁸⁶.

Тем не менее, отдельные случаи возмущений местных групп русскими властями фиксируются в источниках, но не всегда находят свое объяснение. Например, таким был случай измены служилых ясачных татар Терсяцкой волости в 1615 г., который был подавлен отрядом тюменского атамана Степана Молчанова ⁸⁷. В 1630-х гг. в окружении Аблая б. Ишима были изменившие русским тюменские татары, например, выехавший в Тюмень еще от хана Али Алабердей ⁸⁸. Причины этих измен, как правило, остаются за границами источников, но, по косвенным данным, они могли быть связаны с изменениями в ясачной политике и с конфликтами между татарами и русскими за ясачные земли ⁸⁹. Для калмыков и Кучумовичей такие перебежчики выступали в качестве проводников.

Наиболее показательным является случай, раскрывающий малоизвестную сторону ранней истории Далматова монастыря (Исетской пустыни), одного из первых русских поселений в среднем течении Исети. Традиционно в исторической литературе рассматривается «житийная» история добровольной передачи земли Далмату местным татарским мурзой Илигеем около 1646 года ⁹⁰. В 1647 г. на притоке Исети Суварыше калмыки прошли вниз по Исети от Катайской волости и разорили юрты тюменского татарина Илигая Атиулова ⁹¹, расположенные, видимо, на территории Бачкурской волости. По всей видимости, это Илигай и есть татарский мурза житийного текста. В 1649 г. тюменские ясачные татары Устьбердиевых юрт сообщили в Нижнюю Ницынскую слободы, что калмыки на Миассе у бора ограбили тюменских ясачных татар «Илигайку Аткулова с товарищи» ⁹². После этого мурза больше не упоминается в источниках. 7 сентября 1651 г. в Тюмень прибежал старец Далмат, поскольку монастырь был сожжен, а люди либо убиты, либо пленены (причем как жившие на монастырских землях, так и в соседних татарских юртах). Проведенные тюменским сыном боярским Дмитрием Текутьевым и Ильей Бакшеевым расследования показали, что набег был совершен из-за Исети, реку перешли выше монастыря в Катайском бору, а обратно ушли на Уй. Дмитрию Текутьеву удалось выяснить у выживших старцев, что приходили «царевичевы люди» (численность их по донесениям варьируется от 100 до 500), а с ними был «Тюменского уезду ясачной татарин Илигтейков брат» ⁹³. Вопреки сведениям жития, набег совершили не калмыки, а кочевавший с дядей Девлет-Гиреем Кучук б. Аблай б. Ишим б. Кучум ⁹⁴, который в конце 1650-х — середине 1660-х гг. станет одним из лидеров антирусского сопротивления. Причем, выкупленные свидетели указывали, что с Кучуком были татары, а не калмыки ⁹⁵. Представляется, что указанный в источнике брат Илигея был не просто проводником, но и одним из инициаторов

похода, возможно недовольный произошедшим переделом земли. Известно, что и позднее старцы монастыря, в частности Филарет, пытались получить в управление татарские вотчины по притокам Исети, в чем им было отказано тюменским воеводой Иваном Шадриным ⁹⁶.

Таким образом, в первой половине XVII в. тюрко-татарские группы (терсяки, бачкирцы, сынряне, катайцы, возможно бикотины) исследуемого региона концентрировались на Исети, земли по Миассу и Тоболу с притоками выступали в качестве зверовий. Местные кланы и роды, скорее всего, на основании шерти закрепили за собой те земли и кочевья, которыми они владели еще в период Тюменского и Сибирского ханств. В период между 1600—1603 гг. это привело к формированию ясачных волостей на Исети. В первое десятилетие XVII в. представители сынрян и бикатин вместе с табын еще участвуют в сопротивлении русским вместе с кочевавшими к югу ногаями и сыном Кучума Али. Позднее сопротивление носит узко локальный или индивидуальный характер. После 1620-х гг. в источниках постепенно исчезают клановые и родовые названия, а в середине 1640-х гг. они заменяются на обобщенные наименования «татары» или реже «башкиры». Значительную роль в подталкивании тюрко-татарских групп к Москве сыграла угроза, исходившая от калмыков, опора на которых со стороны Ишима была основой его политики. По сути, на протяжении всего этого периода тюрко-татарские группы по Исети выступали своеобразным буфером между Кучумовичами и русскими поселениями в низовьях Тобола, на Туре и Тавде. Ситуация коренным образом начала меняться после появления на Исети в 1650—1660-х гг. 7 русских слобод, поражения восстания 1662—1664 гг., передачи земель по Тоболу во владения тюменским мурзам Сейдяшевым/Кульмаметевым, ставших первыми лидерами ичкинских татар, и постепенного «спуска» русских поселений по Тоболу в конце 1670-х годов.

Примечания

1. ТРЕПАВЛОВ В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. 2012, с. 68, 83.
2. Там же, с. 209.
3. АНДРЕЕВ А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.1. XVII век. М.-Л. 1960, с. 36.
4. ПУЗАНОВ В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX вв.). Т. 7. Курган. 2002, с. 7—200; МЕНЩИКОВ В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган. 2004.
5. ДОЛГИХ Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. 1960.
6. ШАКУРОВА Ф.А. Башкирская волость и община в середине XVIII — первой половине XIX века. Уфа. 1992, с. 41—44.
7. ШЕРСТОВА Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск. 2005, с. 26.
8. ДОЛГИХ Б.О. Ук. соч.; КУЗЕЕВ Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа. 2010; ТОМИЛОВ Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI — начала XX в. Новосибирск. 1992.
9. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1998, с. 164, 181.
10. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. II. М. 2000, с. 394.
11. Там же, с. 183, 187.

12. Там же, с. 175.
13. Там же, с. 342.
14. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФА РАН), ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 216—221.
15. КОНЕВ А.Ю. Термин «волость» в административной политике и практике, управление населением Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII в. В кн.: Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск. 2012, с. 302.
16. УСМАНОВ Н.А. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа. 1960, с. 124.
17. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М. 1972, с. 49.
18. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. Т. I. М. 2005, с. 266.
19. Там же, с. 269.
20. Там же, т. II, с. 174.
21. Там же, т. I, с. 218.
22. Там же, т. II, с. 185—186.
23. ДОЛГИХ Б.О. Ук. соч., с. 41—48.
24. ПУЗАНОВ В.Д. Ук. соч., с. 17.
25. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М. 2012, с. 73.
26. КОНЕВ А.Ю. Ук. соч., с. 206.
27. ЗУЕВ А.С. Освоение и присвоение Московским государством социально-политического пространства Сибири в конце XVI—XVII вв. — Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013, т. 12, вып. 8, с. 66.
28. ЗУЕВ А.С., СЛУГИНА В.А. Летописные известия о шертвовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии. — Российская история. 2015, № 3, с. 39.
29. КОНЕВ А.Ю. Ук. соч., с. 305.
30. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 187.
31. СПФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 137.
32. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 184, 187.
33. Там же, с. 194.
34. Там же, с. 187.
35. Там же, с. 194.
36. Там же, с. 210.
37. Там же, с. 184.
38. АЗНАБАЕВ Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII в.). Уфа. 2005, с. 76.
39. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 184—185.
40. УСМАНОВ Н.А. Ук. соч., с. 132.
41. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. 1969, с. 16—17, 96—97, 143—144.
42. МУСТАКИМОВ И.А. Сведения «Таварих-и гузида — Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов. В кн.: Тюркологический сборник. 2009—2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М. 2011, с. 236—244.
43. ВАЛИДИ ТОГАН А. История башкир. Уфа. 2010, с. 40.
44. КУЗЕЕВ Р.Г. Ук. соч., с. 215—225.
45. МУСТАКИМОВ И.А. Ук. соч., с. 233.
46. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 342, 492; Русско-монгольские отношения. 1607—1636. Сб. документов. М. 1959, с. 117.
47. КУЗЕЕВ Р.Г. Ук. соч., с. 230.
48. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 463.
49. Там же, с. 613.
50. ДОЛГИХ Б.О. Ук. соч., с. 42, 48.
51. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФА РАН), ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 215об.—216.
52. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 24, оп. 1, д. 1092а, л. 11об.
53. Там же, л. 277.

54. ДОЛГИХ Б.О. Ук. соч., с. 42, 48.
55. СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 137.
56. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 243.
57. Там же, с. 230, 239.
58. Там же, с. 174, 394.
59. СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 9, л. 84.
60. КУЗЕЕВ Р.Г. Ук. соч., с. 194.
61. СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 96, 135об., 168, 210.
62. ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 1092а, л. 338об.
63. ДОЛГИХ Б.О. Ук. соч., с. 47.
64. ГА СО, ф. 24, оп. 1, д. 1092, л. 81.
65. СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 216—217.
66. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА ЧО), ф. И-172, оп. 1, д. 7, л. 140об.—141об., 199.
67. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.—Л. 1936, с. 140—141.
68. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 350; Русско-монгольские отношения, с. 120.
69. ТРЕПАВЛОВ В.В. Ук. соч., с. 197.
70. ДМИТРИЕВ С.В. Среднеазиатские куруки в эпоху Шибанидов (по материалам XVI в.). — Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М. 2006, с. 143—155.
71. Материалы по истории Башкирской АССР, с. 87—88.
72. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 450, 455.
73. Там же, с. 210, 212.
74. Там же, с. 455.
75. Государственный архив Пермского края (ГА ПК), ф. 297, оп. 1, д. 1030, л. 3об.
76. ТОМИЛОВ Н.А. Ук. соч., с. 36.
77. Материалы по истории Башкирской АССР, с. 92.
78. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 274.
79. Русско-монгольские отношения, с. 101.
80. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 341, 348, 455, 462.
81. Там же, с. 449, 455.
82. СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, д. 8, л. 138об.
83. Там же.
84. ПУЗАНОВ В.Д. Ук. соч., с. 22—23.
85. Русско-монгольские отношения, с. 107.
86. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 635.
87. Там же, с. 284; БУЦИНСКИЙ П. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Т. I. Тюмень, 1999, с. 20.
88. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 449.
89. БАХРУШИН С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. В кн.: Исторические записки. Т. I. М. 1937, с. 72.
90. ПЛОТНИКОВ Г.С. Описание Далматовского Успенского общежительного трехклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург. 1906, с. 7—8.
91. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. II, с. 606, 609.
92. Там же. Т. III. М. 2005, с. 330.
93. Там же, с. 347—350.
94. ПЛОТНИКОВ Г.С. Ук. соч., с. 9—11; МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. III, с. 353.
95. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. III, с. 353, 355.
96. Там же, с. 395.

Вооруженные формирования Гоминьдана в Индокитае после окончания гражданской войны в Китае

Н.В. Фёдоров

Аннотация. Публикация посвящена истории вооруженных формирований Гоминьдана, действовавших на территории Индокитая с начала 1950-х годов. После окончания гражданской войны в Китае некоторые отряды гоминьдановской армии отступили на территорию Бирмы. Чан Кайши рассчитывал использовать сформированные на их основе иррегулярные части для продолжения войны с коммунистическим Китаем. Рейды на территорию южного Китая оказались неудачными, однако подразделения националистов сохраняли свой контроль над частью северной Бирмы, укрепляя свои позиции за счет ресурсов от торговли опиумом. Командование сил националистов в Бирме становилось все более самостоятельным от Тайваня и ориентировалось на собственные интересы в Индокитае. Хотя часть соединений Гоминьдана была позже эвакуирована на Тайвань, многие военные предпочли остаться в Индокитае и в 1961 г. перешли на территорию Таиланда. Там участники гоминьдановских формирований продолжали заниматься контрабандой наркотиков, а также содействовали правительству Таиланда в борьбе с партизанами-коммунистами. В 1980-е гг. китайские националисты в Таиланде отказались от торговли наркотиками и официально разоружили свои военные подразделения. В то же время потомки бывших солдат Гоминьдана продолжают компактно проживать на территории северного Таиланда, сохраняют свою особую идентичность и поддерживают связи с Тайванем. Вооруженные формирования Гоминьдана в Индокитае должны были возобновить войну против коммунистического Китая, но в итоге создали свое собственное «государство», влияние которого в регионе ощущается и сегодня.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, Индокитай, Гоминьдан, Бирма, Таиланд, Юньнань, «холодная война», гражданская война в Китае, «Золотой Треугольник», Чан Кайши.

Abstract. The article is dedicated to the history of Kuomintang irregulars operated in Indochina from the beginning of the 1950s. After the conclusion of civil war in China some detachments of Kuomintang army retreated to Burma. Chiang Kai-shek supposed to use irregular troops, formed on their base, to continue war with Communist China. Raids to south China were unsuccessful, but Nationalist irregulars kept under their control part of northern Burma, consolidating their positions with resources from opium smuggling. Nationalist commanders in Burma became more independent from Taiwan and oriented first of all on their own interests. Although part of Kuomintang units was later evacuated to

Фёдоров Николай Викторович — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: nfeodorov@yandex.ru.

Fedorov Nikolai V. — candidate of historical sciences, associate professor of the St. Petersburg State University. E-mail: nfeodorov@yandex.ru.

Taiwan, many irregulars preferred to stay in Indochina and in 1961 resettle to Thailand. There the Kuomintang fighters continued to deal with drugs smuggling and also assisted to Thai government in struggle against Communist guerilla. In the 1980s the Chinese nationalists in Thailand refused from drugs trafficking and officially disarm their military units. At the same time descendants of former Kuomintang soldiers still live in northern Thailand in their own enclaves, keep their special identity and maintain contacts with Taiwan. Kuomintang irregular forces in Indochina had to revive war against Communist China, but, finally, they created their own "state" those influence is still felt in the region.

Key words: China, Taiwan, Indochina, Kuomintang, Burma, Thailand, Yunnan, «Cold War», Chinese Civil War, Golden Triangle, Chiang Kai-shek.

Одной из важнейших проблем современного Азиатско-Тихоокеанского региона остается тайваньский вопрос, корни которого связаны с итогами гражданской войны в Китае 1946—1949 годов. В 1949 г. коммунисты одержали верх над правительством Китайской Республики, возглавляемой партией Гоминьдан. Правительство Китайской Республики во главе с генералиссимусом Чан Кайши и остатки его армии эвакуировались на остров Тайвань, а в Пекине тем временем была провозглашена Китайская Народная Республика. Захватить Тайвань и тем самым закрепить свою победу в гражданской войне китайским коммунистам помешал целый ряд обстоятельств, в том числе и активная поддержка правительства Чан Кайши со стороны США. С течением времени острота конфронтации между КНР и Тайванем снизилась, стороны стали развивать интенсивное экономическое сотрудничество, но, вместе с тем, противоречия между сторонами до сих пор полностью не разрешены.

Однако Тайвань оказался не единственным «осколком» Китайской Республики. После окончания гражданской войны в Китае еще один фронт противостояния между КНР и Гоминьданом пролегал по территории Индокитая. На землях Бирмы и Таиланда китайскими националистами была создана уникальная военно-политическая структура, своеобразное «государство в государстве», которое долгое время не только оказывало серьезное влияние на ситуацию в регионе, но и было предметом особого внимания со стороны КНР, Тайваня и США.

История вооруженных формирований Гоминьдана в Индокитае не получила пока исчерпывающего освещения в отечественной историографии. Зачастую о присутствии китайских националистов в регионе лишь упоминалось в контексте общих проблем международных отношений в Юго-Восточной Азии. Отдельные аспекты данного вопроса были изучены Ю.Х. Тотровым, который в своей статье проанализировал роль подразделений Гоминьдана в Бирме в операциях ЦРУ против Китайской Народной Республики в 1950-е годы ¹. Некоторые стороны деятельности отрядов Гоминьдана в Индокитае нашли свое отражение также в научно-популярных публикациях ². В зарубежной историографии, в свою очередь, данная проблема исследована более подробно. Фактор вооруженных формирований китайских националистов в международных отношениях в регионе изучался, к примеру, в трудах американских историков Виктора Кауфмана ³ и Кентона Клаймера ⁴, а также исследователя из КНР Фань Хунвэя ⁵. Роль гоминьдановцев в торговле наркотиками в Индокитае была рассмотрена в работах шведского эксперта Бертилля Линтнера ⁶. Особенности социального развития сообщества потомков гоминьдановских военных занимался тайваньский исследователь Чан Вэньцин ⁷.

В рамках данной публикации целью автора является выявление особенностей положения и структуры вооруженных формирований Гоминьдана в Индокитае, а также их влияния на ситуацию в регионе в контексте как внешних факторов, так и внутренней обстановки с момента окончания гражданской войны в Китае и вплоть до нашего времени.

Ядром гоминьдановского военного присутствия в Индокитае стали остатки войск националистов, отступивших из южнокитайской провинции Юньнань. Этот регион Китая был одним из последних оплотов Гоминьдана в континентальной части страны после эвакуации правительства Чан Кайши на Тайвань. Лишь к концу 1949 — началу 1950 г. коммунисты сумели вытеснить силы националистов из Юньнани. У разбитых войск Гоминьдана оставался только один путь — на юг, в Индокитай. Подразделения националистов, перешедшие на территорию Лаоса и Вьетнама (оставшихся колониальными владениями Франции), были разоружены и интернированы французскими властями. По-другому сложилась судьба гоминьдановцев, отступивших в Бирму. Это молодое государство Юго-Восточной Азии, получившее независимость от Великобритании только в 1947 г., раздиралось острыми политическими и межэтническими конфликтами. Часть территории страны не контролировалась центральным правительством. В этих условиях войска националистов (их основу составили соединения 8-й и 26-й армий) фактически захватили несколько районов северо-восточной Бирмы, населенных народностью шань. Чан Кайши принял решение не эвакуировать эти отряды на Тайвань, а использовать их для продолжения войны с коммунистами в Южном Китае.

Данная идея во многом принадлежала профессору Тин Цзошао, одному из наиболее непримиримых идеологов борьбы с коммунизмом, который не только убедил Чан Кайши сохранять военное присутствие националистов в Бирме, но и сам принял участие в боевых операциях. Бывший командующий 8-й армией генерал Ли Ми, который перед отступлением из Юньнани вместе с другими старшими офицерами был эвакуирован на самолете в Гонконг, прибыл в Бирму и объединил разрозненные подразделения националистов в рамках 93-й дивизии из состава 26-й армии⁸. Гоминьдановцы стали превращать контролируемые ими бирманские земли в базу для продолжения гражданской войны. Связь между националистами в Бирме и Тайванем поддерживалась через Бангкок⁹. В столице Таиланда продолжало действовать посольство правительства Чан Кайши, местные власти были благожелательно настроены к Гоминьдану, а граница с Бирмой являлась фактически прозрачной. Был организован и прямой «воздушный мост» между Бирмой и Тайванем. Большую роль в этом сыграло Центральное Разведывательное Управление США. Соединенные Штаты рассчитывали, по мнению К. Клаймера, что «второй фронт», открытый националистами на китайско-бирманской границе, может отвлечь внимание Пекина от участия в войне в Корее¹⁰. Американской разведкой были созданы подставные гражданские авиакомпании, самолеты которых доставляли из Тайваня в контролируемые националистами районы Бирмы оружие, боеприпасы и медикаменты. Обратными рейсами на Тайвань перевозили опиум¹¹. Именно опиум стал основой самофинансирования гоминьдановцев в Бирме.

До второй мировой войны производство опиума в Юго-Восточной Азии было невелико. Его основной поток шел в Индокитай из Индии и Ирана, а в самой Юго-Восточной Азии опийный мак в относительно небольших масштабах выращивали шаны, карены и другие национальные меньшинства. Во время второй мировой войны экспорт опиума из Индии прекратился, и это дало толчок для расширения местного производства. Еще одной причиной образования своеобразного наркотического центра (так называемого «Золотого Треугольника») стала послевоенная нестабильная ситуация в регионе. Именно рост этнического сепаратизма и политического противостояния в странах Индокитая стимулировал производство опиума, который стал своеобразной «твердой валютой» различных движений. Значительную роль в этом сыграли и гоминьдановцы. По приказу Ли Ми местные крестьяне должны были выращивать больше опийного мака и выплачивать националистам своеобразный «опиумный» налог. Из числа местного населения также вербовались рекруты для пополнения гоминьдановских подразделений¹². Другим источником подкреплений для войск Ли Ми были представители китайской диаспоры в Бирме, прибывавшие из Юньнани беженцы и солдаты регулярной армии Гоминьдана, перебрасываемые на самолетах с Тайваня¹³. Поскольку многие солдаты войск националистов отступали из Юньнани вместе со своими семьями, а некоторые брали себе в жены местных жительниц, то впоследствии соединения Гоминьдана в Индокитае увеличивались и за счет «естественного прироста» — вместо стареющих ветеранов в строй становились их сыновья, которые продолжали сражаться под знаменами Чан Кайши, хотя сами никогда не ступали на территорию Китая. Таким образом, можно говорить о формировании особой военно-политической структуры, созданной на основе воинских частей армии Китайской Республики, но в то же время обладавшей характеристиками, которые были присущи организованным криминальным сообществам, партизанским соединениям и территориальному ополчению. В этой связи термин «бойцы иррегулярных формирований» («irregulars»), используемый В. Кауфманом в отношении отрядов китайских националистов в Бирме и других странах региона¹⁴, представляется вполне оправданным.

В 1951 г. силы гоминьдановцев в Бирме насчитывали по некоторым оценкам примерно 14 тыс. бойцов, из которых около двух третей были этническими китайцами, а остальные — представителями различных малых народностей Бирмы и южного Китая. Эти формирования получили название «Юньнаньская антикоммунистическая армия спасения» («The Yunnan Anti-Communist Salvation Army»)¹⁵. В мае и июне 1951 г. войска Ли Ми предприняли рейды на территорию Юньнани. Однако в обоих случаях они получили отпор со стороны армии КНР и с тяжелыми потерями отступили в Бирму. Местное население гоминьдановцев не поддержало. Новое вторжение в августе 1952 г. также окончилось неудачей. Всего в 1951—1953 гг. гоминьдановцы при поддержке ЦРУ осуществили 7 рейдов с территории Бирмы в КНР¹⁶.

Бирма, которая после провозглашения независимости заявляла о своей политике нейтралитета и неприсоединения к противоборству-

ющим блокам, оказалась «между двух огней». Бирманское руководство опасалось ответных действий со стороны коммунистического Китая, в том числе захвата приграничных бирманских территорий под предлогом борьбы с Гоминьданом или даже начала широкомасштабной войны¹⁷. Националисты, судя по перехваченным бирманцами данным, планировали под видом китайских правительственных войск совершить нападения на бирманские войска и спровоцировать конфликт между КНР и Бирмой. Беспокойство вызывало и то, что китайско-бирманская граница не была полностью демаркирована, а Пекин высказывал недвусмысленные претензии на ряд северных территорий Бирмы¹⁸.

В это время стала меняться позиция США по вопросу поддержки гоминьдановцев в Бирме. Правительство Бирмы, не имея возможности вооруженным путем решить проблему присутствия китайских националистов, обратилось к США с просьбой содействовать выводу гоминьдановских войск. Также Бирма развернула активную кампанию в ООН. Отказ США признавать свою роль в поддержке китайских националистов в Бирме вызвал ухудшение американо-бирманских отношений, включая свертывание бирманским правительством в одностороннем порядке программ американской помощи¹⁹. США стали и сами скептически относиться к поддержке сил националистов в Бирме. Неудавшиеся рейды в Юньнань показали, что гоминьдановская «армия спасения» не может поколебать позиции коммунистов в южном Китае. В то же время их присутствие в Бирме могло стать поводом для вторжения КНР в Индокитай²⁰. Кроме того, Великобритания заняла резко отрицательную позицию по вопросу присутствия войск Гоминьдана в Бирме и их поддержки со стороны США и Тайваня²¹. ЦРУ также понимало бесперспективность ставки на гоминьдановцев и стало сокращать свою помощь²². По мнению Кауфмана, сотрудничество США с силами Гоминьдана в Бирме в итоге нанесло американским интересам «серьезный ущерб»²³.

В результате дипломатических усилий Бирмы, ООН 22 апреля 1953 г. приняла резолюцию, требовавшую вывода гоминьдановских войск с бирманской территории²⁴. США в свою очередь оказали давление на Чан Кайши, который отдал приказ об эвакуации соединений националистов из Бирмы²⁵. С августа 1953 г. по июнь 1954 г. из этой страны самолетами на Тайвань было эвакуировано больше шести тысяч человек (как военных, так и гражданских)²⁶. Покинул Бирму и генерал Ли Ми. В то же время довольно значительное число бойцов гоминьдановских формирований и членов их семей осталось. Кроме того, с Тайваня продолжали прибывать пополнения. Чан Кайши хотя и объявил о готовности вывести войска из Бирмы, но все-таки рассчитывал сохранить в Индокитае ядро верных ему сил. Подобной позиции, по мнению К. Клаймера, придерживалось и американское правительство, официально выступавшее за эвакуацию националистов, но склонявшееся к тому, чтобы оставить часть сил Гоминьдана в Бирме (по крайней мере, временно)²⁷. Кроме того, многие китайцы, уже успевшие достичь неплохого уровня благосостояния (в том числе и благодаря торговле опиумом), не желали покидать уже обжитый край ради туманных перспектив начинать все с нуля на незнакомом для них Тайване. Хотя гоминьдановское правительство на словах и

отмежевалося от оставшихся в Бирме китайских националистах, но, тем не менее, втайне поддерживало с ними все связи (включая и поставки оружия).

В 1954—1957 гг. бирманская армия предприняла новые операции на территориях, контролируемых националистами, которые вынуждены были оставить часть районов и отойти к границам с Лаосом и Таиландом. Чан Кайши, все еще возлагавший большие надежды на отряды Гоминьдана в Бирме, по-прежнему рассчитывая использовать их для давления на коммунистический Китай. Для этого появилось немало серьезных оснований. Развернувшаяся в КНР во второй половине 1950-х гг. так называемая политика «большого скачка» — ускорения индустриализации страны и социалистических преобразований — сопровождалась укреплением бюрократической системы, усилением политических репрессий и массовым голодом. Следствием этого было растущее недовольство населения. Стало расти число беженцев, перебивавшихся из Юньнани в Индокитай, некоторые из которых присоединялись к подразделениям Гоминьдана. Однако идея возобновления борьбы против КНР потерпела крах. В 1960 г. КНР и Бирма подписали соглашение о совместной борьбе против Гоминьдана в Юго-Восточной Азии. Подразделения Народно-освободительной армии Китая стали оказывать поддержку бирманским правительственным войскам. В итоге, гоминьдановцы были вытеснены из Бирмы в Лаос и Таиланд²⁸. По словам Б. Линтнера, в ходе этой военной операции, получившей название «Река Меконг», «был сломан хребет Гоминьдана в северо-восточной Бирме»²⁹.

США, опасаясь, что вслед за Бирмой китайские войска войдут в Лаос (где к тому времени уже шла война между повстанцами из движения Патет Лао и проамериканским правительством), усилили нажим на Тайвань, чтобы тот способствовал еще одной эвакуации китайских националистов из Индокитая. В марте-апреле 1961 г. около четырех с половиной тысяч гоминьдановцев покинули регион³⁰. Однако многие предпочли остаться и фактически объявили о проведении независимой от тайваньских властей политики. Для решившихся не возвращаться гоминьдановцев определяющее значение имели уже не приказы с Тайваня, а их собственные интересы³¹. К охлаждению отношений с правительством Чан Кайши добавились внутренние раздоры. В 1963 г. основная масса оставшихся в регионе националистов сосредоточилась в северном Таиланде. Их военные формирования разделились на две части — 3-ю и 5-ю дивизии (в других источниках эти подразделения именуется «полками»³² или даже «армиями»³³). Командиром 3-й дивизии стал генерал Ли Вэньхуань (его главной базой стало селение Там Нгоб в провинции Чиангмай), 5-ю дивизию возглавил генерал Дуань Сивэнь, расположившийся с основными силами в деревне Мэ Салонг в провинции Чианграй³⁴. Вокруг «штаб-квартир» стали появляться новые китайские поселения. Особняком стояли небольшие силы (около 400 чел.), возглавляемые генералом Ма Цзинго, оставшиеся в прямом подчинении Тайваня³⁵. Впрочем, тайваньские спецслужбы не прерывали своих негласных контактов и с другими китайскими подразделениями в Таиланде, несмотря на их «независимость».

Часто прибегала к «услугам» гоминьдановцев при сборе разведанных и проведении тайных операций и американская разведка.

Однако когда Чан Кайши в 1968 г. вновь попытался объединить силы Гоминьдана в Таиланде под единым командованием, это натолкнулось на сопротивление Ли Венъхуаня и Дуань Сивена ³⁶. Эвакуироваться со своими людьми на Тайвань генералы также отказались ³⁷. Таким образом, созданный Чан Кайши анклав Гоминьдана в Индокитае оказался вне его контроля. Особенности обстановки в Индокитае заставляли командование сил националистов в большей степени обращать внимание на сложную специфику политических и экономических связей в регионе, чем на директивы из Тайбэя. Слабость центральных правительств некоторых стран Индокитая, наличие многочисленных «негосударственных акторов» (от непризнанных государств до организованных криминальных группировок), сложная система взаимоотношений между различными силами позволили относительно небольшим подразделениям националистов годами успешно действовать в этом регионе. Но в то же время выживание и успешная деятельность гоминьдановцев зависели от их способности использовать региональную специфику в свою пользу и от степени их включенности в происходившие в Индокитае процессы.

Таким образом, «сепаратизм» гоминьдановцев в Индокитае был не только результатом корыстных интересов их командования, но и объективным следствием обстановки в регионе. Однако нахождение в чужом для них окружении предопределило сохранение гоминьдановскими военными их особой идентичности. Военная организация и общая политическая идеология (пусть и становящаяся все более формальной) — все это делало гоминьдановское сообщество более сплоченным и устойчивым в сложных условиях Индокитая.

Правительство Таиланда в свою очередь предпочитало закрывать глаза на нахождение на территории страны гоминьдановских вооруженных формирований, поскольку рассчитывало использовать их для борьбы с повстанцами-коммунистами ³⁸. Впрочем, китайские соединения в Таиланде не только боролись с коммунистической угрозой, но также стали играть весомую роль в наркоторговле. Китайские «дивизии» занимали стратегические позиции на бирманско-тайландской границе и фактически контролировали пути транспортировки наркотиков между двумя странами. Несмотря на разногласия между своими лидерами, китайские националисты нередко объединялись для того, чтобы вытеснить конкурентов по наркоторговле. Были установлены тесные связи с китайской мафией — «триадами» в Гонконге и на Тайване.

Рост влияния наркокартелей не мог не волновать власти Таиланда. Беспокойство стали проявлять и США. В середине 1980-х гг. произошла активизация борьбы с наркобизнесом в Таиланде ³⁹. В связи с этим постепенно стал расти нажим правительства Таиланда на китайских националистов. Гоминьдановские командиры в ответ стали официально отречься от торговли наркотиками (что, однако, не влияло на рост наркотрафика через Таиланд). Вооруженные формирования Гоминьдана были переименованы в «Китайские иррегулярные силы» и с 1977 г. поставлены под прямой контроль военного командования Таиланда. Улучшение отношений Таиланда с КНР с середины 1970-х гг. также имело серьезные последствия для судеб бывших гоминьдановских военных. Китай по негласному соглашению с Таиландом пре-

кратил поддержку повстанцев из коммунистической партии Таиланда, что резко ослабило исходившую от них угрозу ⁴⁰. В результате отпала необходимость в китайских националистах как в военной силе. С 1984 г. стало сокращаться государственное финансирование «Китайских иррегулярных сил», а в 1989 г. они официально были расформированы ⁴¹. Китайским военным и их семьям было предоставлено гражданство Таиланда, а правительство предприняло ряд мер по экономическому развитию районов их проживания ⁴².

Однако история гоминьдановцев в Индокитае на этом не закончилась. Китайские поселения в северном Таиланде сохранили свою неформальную автономию (хотя официально и были включены в административную систему страны). В 1994 г., к примеру, в северном Таиланде насчитывалось 77 китайских поселений (с населением около 90 тыс. чел.), из которых 35 считались «гоминьдановскими» ⁴³. Их жители придерживаются прежних традиций и говорят преимущественно на китайском языке ⁴⁴. Они уже не находятся под централизованным командованием своих генералов, и идеология Гоминьдана является прежде всего частью их идентичности и культурного наследия. По словам американского журналиста, бывшие солдаты Гоминьдана принесли «китайский быт 30-х гг. в Таиланд» ⁴⁵. При этом бывшие военнослужащие Гоминьдана, по мнению ряда исследователей, оказали серьезное влияние на жизнь всей китайской диаспоры на севере Таиланда ⁴⁶. Установился своеобразный «симбиоз» между «старой» китайской общиной в Таиланде и гоминьдановцами. Если первая обладала экономическим влиянием в Таиланде, то вторые принесли с собой систему деловых связей, охватывающих весь северо-восток Индокитая ⁴⁷.

В то же время с начала 1980-х гг. наблюдался массовый отток молодых китайцев в Бангкок и другие крупные города Таиланда, а также на Тайвань. С конца 1970-х гг. стала активизироваться деятельность полуофициальных гуманитарных организаций с Тайваня, которые оказывали китайским поселениям в Таиланде разнообразную помощь в развитии сельского хозяйства, здравоохранения и образования. Молодежи предоставлялись стипендии для обучения на Тайване, при этом многие из обучающихся предпочитали не возвращаться в Таиланд ⁴⁸. Сохранение связей с потомками гоминьдановцев в Таиланде имеет особое значение для Тайваня. Обладая довольно ограниченными официальными дипломатическими возможностями, Тайвань обеспечивает свои интересы через неофициальные структуры — экономические представительства, культурные и общественные организации. В связи с этим диаспора потомков китайских националистов в Таиланде представляет собой весьма важный ресурс. Она связана с Тайванем не только этническими узами, но и общими идеологическими и историческими корнями, и поэтому имеет серьезный потенциал как протайваньское лобби в Таиланде. А это значит, что потомки солдат 93-й дивизии еще могут послужить интересам Тайваня. В то же время для многих из них прежние противоречия уже не имеют определяющего значения. По словам одного из жителей деревни Мэ Салонг, «пожилые люди понимают разницу между Китаем и нами, но что касается моего поколения, то в нашей памяти не отложились жестокость и несправедливость эпохи Мао» ⁴⁹.

Сообщество бойцов вооруженных формирований китайских националистов и их потомков стало, с одной стороны, неотъемлемой частью региона, отчасти смешавшись с местным населением, включившись в местную социально-экономическую систему и отказавшись от прежних политических целей. С другой стороны, оно сохранило язык, традиции и общую идентичность. Эволюция этого сообщества началась с окончания гражданской войны в Китае, а развивалась под влиянием «холодной войны» и внутренней обстановки в Индокитае. В то же время исторический феномен гоминьдановцев в Индокитае находит некоторые параллели в особенностях формирования китайских диаспор в других странах и регионах. Активная интеграция китайских мигрантов в социально-экономические процессы на новой родине обычно сочетается с сохранением сплоченности диаспоры на основе общих традиций и идентичности.

Примечания

1. ТОТРОВ Ю. Американская разведка в Китае (1945—1956 гг.) — Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 2.
2. См., например: КАЛИНИН В. Сколько голов у гидры? — Вокруг света. 1988, № 9.
3. KAUFMAN V.S. Trouble in the Golden Triangle: The United States, Taiwan and the 93rd Nationalist Division. — The China Quarterly. 2001, vol. 166, June.
4. CLYMER K. The United States and the Guomindang (KMT) Forces in Burma, 1949—1954: A Diplomatic Disaster. — The Chinese Historical Review. 2014, vol. 21, № 1.
5. FAN HONGWEI. China-Burma Geopolitical Relations in the Cold War. — Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2012, vol. 31, № 1, May.
6. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade: an Overview. Asia-Pacific Media Services. — Asia-Pacific Media Services: http://www.asiapacificms.com/papers/pdf/gt_opium_trade.pdf
7. CHANG WEN-CHIN. From War Refugees to Immigrants: The case of the KMT Yunnanese Chinese in Northern Thailand. — International Migration Review. 2001, vol. 35, № 4, Winter.
8. LINTNER B. Burma in Revolt: Opium and Insurgency since 1948. Boulder-Bangkok. 1994, p. 111—112, 124.
9. EJUSD. The Golden Triangle Opium Trade, p. 7.
10. CLYMER K. Op. cit., p. 34.
11. ТОТРОВ Ю. Ук. соч., с. 121.
12. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade, p. 5, 7—8.
13. WANG LIULAN. Hui Yunnanese Migratory History in Relation to the Han Yunnanese and Ethnic Resurgence in Northern Thailand. — Southeast Asia Studies. 2006, vol. 44, № 3, December, p. 343.
14. KAUFMAN V.S. Op. cit., p. 440.
15. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1088.
16. ТОТРОВ Ю. Ук. соч., с. 121.
17. FAN HONGWEI. Op. cit., p. 14.
18. EJUSD. Sino-Burmese Relations 1949—1953: Suspicions and Equivocations. In: China in the World: Contemporary Issues and Perspectives. Kuala Lumpur. 2008, p. 76—77.
19. ТОТРОВ Ю. Ук. соч., с. 121.
20. KAUFMAN V.S. Op. cit., p. 446.
21. CLYMER K. Op. cit., p. 30.
22. ТОТРОВ Ю. Ук. соч., с. 122.
23. KAUFMAN V.S. Op. cit., p. 455.
24. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade, p. 7.
25. CLYMER K. Op. cit., p. 39.

26. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1090.
27. CLYMER K. Op. cit., p. 38.
28. KAUFMAN V.S. Op. cit., p. 449—451.
29. LINTNER B. Illegal Aliens Smuggling to and through Southeast Asia. — Asia-Pacific Media Services, p. 2. http://www.asiapacificms.com/papers/pdf/gt_alien_smuggling.pdf.
30. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1090.
31. WANG LIULAN. Op. cit., p. 350.
32. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade, p. 10.
33. TUCKER S. Burma: The curse of independence. L. 2001, p. 168.
34. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade, p. 10.
35. KAUFMAN V.S. Op. cit., p. 454.
36. Ibid., p. 455.
37. WANG LIULAN. Op. cit., p. 350.
38. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1094—1095.
39. ИОАНЕСЯН С. Новости из «Золотого Треугольника». — Азия и Африка сегодня. 2006, № 12, с. 25.
40. LINTNER B. The Golden Triangle Opium Trade, p. 15.
41. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1096.
42. WANG LIULAN. Op. cit., p. 351.
43. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1094.
44. QIN A. In Remote Thai Villages, Legacy of China's Lost Army Endures. — The New York Times. 14.I.2015.
45. GRAY D.D. The Remaining Veterans of China's «Lost Army» Cling to Old Life Styles in Thailand. — Los Angeles Times. 7.VI.1987.
46. WANG LIULAN. Op. cit., p. 357.
47. LINTNER B. Illegal Aliens., p. 3.
48. CHANG WEN-CHIN. Op. cit., p. 1097—1098.
49. GILLET K. Home of the 93rd: Mae Salong. — South China Morning Post. 17.VIII.2014.

Треугольник Москва-Берлин-Бонн и политика европейской разрядки в 1969—1970 гг.

А.М. Филитов

Аннотация. В публикации исследуется сложное переплетение инициатив и контр-инициатив, предпринимавшихся СССР, ГДР и ФРГ при решении актуальных проблем смягчения напряженности в центре европейского континента. Опираясь на новые документы из фондов Архива внешней политики Российской Федерации, автор приходит к выводу, что наиболее сложную и противоречивую роль в этом процессе играли оба германских государства. Особое внимание уделено анализу факторов, влиявших на формирование внешнеполитического курса ГДР.

Ключевые слова: разрядка, московские переговоры Громыко-Бара, В. Штоф, В. Брандт, «третий раунд», Московский договор, В. Ульбрихт, Х. Зиндерманн, П.А. Абрахимов.

Abstract. The work explores the tangled web of initiatives and counter-initiatives forwarded by the USSR, the GDR and FRG for the settlement of the acute problems of the tensions reduction in the center of European continent. Bearing upon the new documents from the files of Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the author comes to the conclusion that the most complicated and contradictory roles were played by both German actors in this process. Special attention was paid to the analysis of external and internal factors in the formation of the GDR foreign policy course.

Key words: détente, Gromyko-Bahr Moscow Talks, V. Stoph, V. Brandt, «third round», Moscow Treaty, W. Ulbricht, H. Sindermann, P.A. Abrassimov.

В отечественной историографии существует мнение о том, что руководители ГДР старались затормозить процесс европейской разрядки.. Они выдвигали «многочисленные возражения» против развития диалога между Востоком и Западом. Лишь «с уходом Ульбрихта с поста Первого секретаря СЕПГ весной 1971 года докучливое сопротивление со стороны ГДР было сломлено», — утверждалось в одном из официозных изданий, подготовленных Федеральным центром политического образования ФРГ¹. В другом издании подобного рода, вышедшем уже после объединения Германии, проводилась та же мысль, правда с некоторыми нюансами: оппозиция со стороны ГДР курсу на

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: dir@igh.ru.

Filitov Aleksey M. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute of World History RAS. E-mail: dir@igh.ru.

разрядку действительно имела место, однако воздействие этого фактора было фактически нулевым, поскольку с мнением ее руководства в «социалистическом содружестве» никто не считался: «Когда новая восточная политика правительства Брандта-Шееля начала приносить свои первые плоды в виде заключения договоров об отказе от применения силы с Советским Союзом и Польшей в августе и декабре 1970 года, деятели СЕПГ оказались на положении сторонних наблюдателей. Как ныне известно, большой брат (СССР. — А.Ф.) их даже не информировал сколь-нибудь существенным образом, не говоря уже о том, чтобы с ними консультироваться»². Примерно так же характеризовал роль «фактора ГДР» один из ведущих американских экспертов по Германии: Ульбрихт «опасался, что Москва проигнорирует интересы ГДР ради сделки с Бонном», вместе с коллегами по руководству ГДР, В. Штофом и Э. Хонеккером, он нанес визит Л.И. Брежневу специально, чтобы «упросить его не подписывать соглашение с ФРГ», а когда 12 августа 1970 г. Московский договор между СССР и ФРГ был подписан, это было встречено в Берлине с «отвращением»³.

Мнения российских авторов, которые так или иначе затрагивают эту тему (главным образом, бывшие дипломаты), сильно разнятся. Если бывший посол СССР в ГДР П.А. Абрахимов рисует почти идиллическую картину отсутствия каких-либо конфликтов или разногласий как у него с руководством восточногерманского союзника, так и внутри этого руководства⁴, то точка зрения бывшего руководителя 3-го Европейского отдела МИД СССР, а затем посла в ФРГ В.М. Фалина во многом близка к точке зрения западной историографии⁵. В свою очередь, его не менее авторитетный коллега Ю.А. Квицинский, работавший и в ГДР, и в ФРГ, считает позицию Ульбрихта как политика более гибкой, чем представителей советского МИД⁶. Рассекреченные ныне документы АВП РФ, с которыми имел возможность ознакомиться автор этих строк, позволяют создать более сбалансированный образ исторической реальности и скорректировать ранее распространенные представления.

Первый из таких документов — это справка 3-го Европейского отдела МИД СССР от 7 января 1970 г. «О согласовании с немецкими друзьями проекта договора об установлении равноправных отношений между ГДР и ФРГ». Речь идет о том документе, который был направлен 17 декабря 1969 г. от имени Председателя Госсовета ГДР Ульбрихта на имя Президента ФРГ Г. Хайнемана и положил начало германо-германскому диалогу, ставшему важным элементом европейской разрядки. Из текста справки следует, что упомянутое «согласование» имело место в Москве 3—4 декабря 1969 г. в рамках совещания руководителей стран — участниц Варшавского договора и состояло в том, что «подготовленный немецкой стороной проект договора подвергся серьезной доработке». Основные изменения, внесенные в первоначальный текст, заключались в следующем: «в преамбуле снято упоминание о “государствах немецкой нации”» (в окончательном варианте говорится просто о «двух германских государствах»); в статью 2-ю «включено конкретное упоминание границ между ГДР и ФРГ, а также по Одере-Нейсе»; в статье 5-й присутствует требование установления дипломатических отношений и обмена послами между обоими государствами (чего опять-таки не было в исходном тексте);

и, наконец, добавлена новая, 7-я статья — об «уважении статуса Западного Берлина как самостоятельной политической единицы»⁷.

Если в первоначальном варианте позиция ГДР практически совпадала с позицией западногерманского партнера (канцлер ФРГ В. Брандт в первом заявлении нового правительства социал-либеральной коалиции, признав факт существования двух германских государств, одновременно подчеркнул их принадлежность к одной нации и «особый» характер отношений между ними, отличный от норм международного права), то «доработанный» текст напротив подчеркивал различия в точках зрения сторон. О том же свидетельствовало и повторение того определения статуса Западного Берлина, которое коренным образом противоречило западногерманской концепции⁸. В таком виде документ не мог быть принят даже в качестве базы для дискуссии.

Другой текст — совместная записка Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова, министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и секретарей ЦК КПСС К.Ф. Катушева и К.В. Русакова «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества СССР с ПНР и ГДР», датированная 1 апреля того же года, — дает некоторое представление об атмосфере, в которой проходила данная «доработка». В записке констатируется, что в отношениях между руководителями ГДР и Польши имеет место «тенденция подозрительности и недоверия..., особенно заметная в том, что каждая из сторон считает связи и контакты другой стороны с Западной Германией опасными и наносящими ущерб ее интересам». Этой «тенденцией» и объясняются, как следует из содержания записки, взаимные попытки либо вообще заблокировать любые инициативы «другой стороны» в направлении улучшения отношений с ФРГ, либо обставить их такими условиями, которые ФРГ не сможет принять.

В контексте обсуждения вопроса о проекте договора ГДР-ФРГ в записке упоминается лишь об одной конфликтной ситуации: «ссылаясь на то, что срок действия договора определен в 10 лет, польские друзья считают, что включенные в него положения, касающиеся границы Одер-Нейсе, ставят под сомнение окончательный характер этой границы». Собственную позицию по данному вопросу авторы записки формулируют осторожно, но достаточно определенно: «Такое мнение польских друзей едва ли обоснованно». В результате, положение о 10-летнем сроке действия предполагаемого договора осталось в неизменном виде.

Роль «тормоза» в развитии диалога, таким образом, сыграла Варшава, а не Берлин. Со стороны последнего, правда, также имели место обвинения в адрес поляков — в nepозволительных уступках западногерманским «реваншистам». В той же записке отмечалось: «В свою очередь, руководители ГДР неоднократно выражали обеспокоенность выступлением В. Гомулки от 17 мая 1969 г., в котором ФРГ было предложено заключить договор об окончательном признании Бонном границы по Одери-Нейсе. Немецкие товарищи расценили эту инициативу как прецедент для “расшнуровывания” пакета согласованных требований социалистических стран к Западной Германии. Эти предложения, по мнению т. Ульбрихта, обесценивают Згожелецкий договор 1950 г. об установлении государственной границы между ГДР и ПНР. Немецкие друзья обращают внимание на то, что

польская инициатива была предпринята без предварительных консультаций с братскими социалистическими странами». Комментарий авторов был следующим: «В такой реакции немецких товарищей есть элемент преувеличения». Критика с советской стороны была высказана в адрес и польских, и немецких партнеров, однако уступить по решающим позициям обсуждавшегося проекта пришлось именно последним. В той же «записке четырех» недвусмысленно отмечалось: «Последние встречи между гг. Гомулкой и Ульбрихтом проходили в атмосфере натянутости. Это особенно касается беседы, состоявшейся в декабре 1969 года в Москве, которая окончилась, как известно, серьезной размолвкой»⁹.

Реакция на послание Ульбрихта со стороны ФРГ отразила политическую гибкость ее нового руководства. Ответ последовал весьма оперативно — 19 декабря — через два дня после его получения. В нем содержалась примечательная фраза: «Наше общее стремление заключается в том, чтобы сохранить единство немецкой нации». Можно подумать, что президенту ФРГ был известен первоначальный проект документа ГДР, где содержалось упоминание о «немецкой нации», изъятое в ходе его «доработки». Учитывая высокий уровень взаимного проникновения спецслужб обоих германских государств, такое нельзя исключать. В Берлине приняли предложение Хайнемана начать переговоры на уровне глав правительств без заранее определенной повестки дня (другими словами, при молчаливом игнорировании проекта двустороннего договора), хотя письмо Председателя Совета министров ГДР В. Штофа Брандту было направлено со значительной задержкой — только 11 февраля 1970 года.

Такой временной интервал (резкий контраст с оперативностью, которую проявила западногерманская сторона) дает основания предположить, что выработка в ГДР адекватной реакции на контр-инициативу Бонна проходило не без сложностей. Это предположение подтверждается содержанием одной из телефонограмм по ВЧ посла СССР в ГДР Абрасимова (от 6 марта 1970 г.), где речь шла о технической, а на деле весьма политически острой проблеме при организации первой встречи между канцлером ФРГ Брандтом и премьер-министром ГДР Штофом. Заключалась она в следующем: первоначально предполагалось, что планируемая встреча состоится в столице ГДР Берлине, на что Брандт дал свое согласие, но при условии, что на обратном пути он посетит западные сектора города. Не станет ли согласие с этим условием молчаливым признанием принадлежности Западного Берлина ФРГ и стоит ли делать такую уступку Брандту — по этому вопросу в верхах ГДР, по сообщению Абрасимова, возникли разногласия: «Тов. Винцер (министр иностранных дел ГДР. — А.Ф.) сказал, что в руководстве друзей подавляющее большинство товарищей (как он подчеркнул, «две трети») выступает за то, чтобы не идти на удовлетворение требования ФРГ». По словам посла, его собеседник запросил мнение «советских товарищей» и добавил, что оно станет решающим в определении дальнейшей тактики ГДР. Свою собственную рекомендацию Абрасимов изложил в довольно категоричной форме: «Считаю необходимым посоветовать друзьям твердо придерживаться их прежних требований о недопустимости поездки Брандта из ГДР в Западный Берлин»¹⁰. Проблемную ситуацию разрядил сам

Брандт, предложив провести встречу вне Берлина (она прошла 19 марта 1970 г. в Эрфурте), вследствие чего отпал и вопрос о «рекомендациях» из Москвы.

Данный эпизод высвечивает, по крайней мере, три аспекта исследуемой темы, мало освещаемых в историографии: повышенное внимание советского посольства к перипетиям процесса германо-германского взаимодействия, высокую степень доверительности в отношениях между советским послом и официальными лицами ГДР и, самое главное, факт острых противоречий между, условно говоря, «голубями» и «ястребами» в ее верхах, причем советский посол позиционировал себя однозначно на стороне последних. Заметим, впрочем, что остается ряд вопросов: насколько соответствовала действительности данная оценка соотношения сил между теми и другими («две трети» — даже если принять эту цифру как данность — это все же не «подавляющее большинство»), кто персонально представлял ту или иную «фракцию», и не в последнюю очередь — разделяли ли в Москве оценки и позицию Абрасимова? Ответить на все эти вопросы пока весьма затруднительно, хотя имеющиеся ныне первоисточники вскрывают ряд ранее неизвестных фактов о ситуации в правящих кругах ГДР. Привлекают внимание и достаточно непредвзятые оценки результатов первых официальных германо — германских контактов (упомянутой выше встречи в Эрфурте и последовавшей за ней — в западногерманском Касселе 21 мая 1970 г.).

Еще в период подготовки первой из этих встреч в руководстве ГДР выражались опасения на тот счет, что «поездка Брандта в ГДР может оказать благоприятное для западной стороны влияние на население Республики», как это формулировал Абрасимов в своей телефонограмме от 13 февраля 1970 года ¹¹. Действительность оправдала эти опасения. В справке, составленной 1-м секретарем Посольства СССР в ГДР Ю.Ф. Жаровым, отмечалось: «Короткий срок подготовки к встрече имел для друзей ряд негативных последствий, выразившихся прежде всего в неподготовленности местных властей, что привело к открытым демонстрациям симпатии и поддержки Брандта... Переговоры вызвали среди части населения всплеск националистических настроений и так наз. общегерманских иллюзий и надежд на сближение между ГДР и ФРГ... Лозунги В. Брандта о сохранении единства немецкой нации и особом характере отношений между двумя германскими государствами находят открытую или скрытую поддержку большинства (подчеркнуто в тексте. — А.Ф.) населения республики» ¹². Можно по достоинству оценить гражданское мужество дипломата: начав с формулировок в духе политкорректности, призванных подретушировать причины и масштабы ущерба для властей ГДР в связи с визитом канцлера ФРГ, он приходит к суждениям куда более острым и объективным: речь уже идет о явлениях, характерных не для некоей «части», а для «большинства» граждан ГДР, причем это слово он еще решился выделить подчеркиванием.

Несколько более сложный характер приняли события и их оценки во время второго межгерманского «саммита» — в Касселе. Хулиганские действия правых радикалов в отношении гостей (срыв государственного флага ГДР, попытка воспрепятствовать возложению венков к памятнику антифашистам) сильно подпортили имидж принимаю-

шей стороны и ослабили ее позиции на переговорах. Располагая, вероятно, некоторой информацией о противоречиях в руководстве ГДР по вопросу о выстраивании отношений с ФРГ, представители команды Брандта пытались убедить своих собеседников, что у них тоже есть сторонники жесткого курса, что их влияние пока сильно, но будет преодолено, если только Штоф проявит гибкость. Соответствующая аргументация и ответ на нее делегации ГДР изложены в документе, составленном 21 мая по «горячим следам» кассельской встречи и переданном советской стороне. Название документа («Запись сообщения о двух небольших личных беседах Штофа с Брандтом во время визита в Кассель») не вполне отражает его содержание. Большая часть документа — это информация о частных высказываниях одного из приближенных Брандта — К. Алерса, которые он сделал в беседе с «нашим сотрудником (то есть входившим в делегацию ГДР)». Эти высказывания были рассчитаны на то, чтобы создать у собеседника впечатление о том, что ему раскрыли всю подноготную политической кухни в Бонне: якобы, до выборов 14 июня в трех землях ФРГ (Северный Рейн-Вестфалия, Саар, Нижняя Саксония) Брандту не удастся убедить своего союзника по коалиции, министра иностранных дел Шееля дать согласие на равноправный прием ГДР и ФРГ в ООН; после выборов тот «мог бы отойти от этой позиции», однако, данный вопрос должен пройти согласование в НАТО. «Международно-правовое признание осуществится, однако сейчас рано говорить об этом», — таков был главный посыл, содержащийся в данной «информации»¹³.

Ссылки Брандта на сложности с партнерами по коалиции и даже с однопартийцами могли вызвать лишь сомнения в договороспособности его правительства. Посулы уступок в некоем неопределенном будущем немного значили. В настоящем же Брандт воздержался даже от того жеста, которого от него ожидали, а именно — обещания компенсировать (хотя бы частично) другому германскому государству его расходы по репарациям, которые оно оплачивало за всю Германию вплоть до 1954 года. Во всяком случае, о наличии соответствующего пункта в «концепции», подготовленной в ФРГ к встрече в Касселе, Абрасимов сообщал (опираясь, видимо, на разведданные) в своей телефонограмме от 20 мая¹⁴. Брандт предложил составить совместное коммюнике, Штоф заявил: это возможно, «если Вы готовы записать, что ГДР и ФРГ хотят вступить в ООН». Брандт снял свое предложение, заменив его на идею сообщения для печати о том, что достигнута «договоренность о следующей встрече». Штоф: «Я объяснил г-ну Брандту, что эта фраза не имеет политического содержания, и ее следует дополнить: договоренность о встрече, чтобы установить равноправные международно-правовые отношения между ГДР и ФРГ. Г-н Брандт взял свой проект обратно и заявил, что он, к сожалению, еще не в состоянии сделать это»¹⁵.

Налицо было явное ужесточение позиции Бонна, и можно считать известным парадоксом то обстоятельство, что именно в этот момент со стороны «первого лица» ГДР — Ульбрихта — была высказана поддержка идеи Брандта о «третьем раунде» переговоров и, таким образом, практически дезавуирована точка зрения, выраженная Штофом. Результатом стал самый настоящий кризис в руководстве

ГДР, грозивший потенциально и возникновением кризиса в отношениях между ГДР и СССР (а косвенно — между ФРГ и СССР). Подробную информацию о драматических событиях, разыгравшихся в Политбюро ЦК СЕПГ в связи с неожиданными акциями их лидера, сообщил советскому послу в ходе доверительной беседы, состоявшейся 30 июля 1970 г., один из участников этих событий — первый секретарь окружкома СЕПГ округа Галле Х. Зиндерманн¹⁶. Под грифом «совершенно секретно» запись этой беседы была незамедлительно отправлена в Москву. Приведем выдержки из этого документа:

«Многие из нас были напуганы тем, что вдруг нарушилось единство в Политбюро. Мы утвердили речь т. Ульбрихта на XIII пленуме ЦК СЕПГ, хотя и были мнения, что отдельные формулировки его речи должны быть изъяты. Речь идет, прежде всего, о его заявлении относительно “третьего раунда”. Все из нас знали, что была соответствующая договоренность в Москве, и это заявление т. Ульбрихта выходило за рамки договоренности. Мы были едины в том, что такого рода заявление не должно было делаться. И тогда, — сказал Зиндерманн, — произошло то, что начало серьезно отравлять атмосферу в Политбюро. Тов. Ульбрихт согласился с нами, однако в опубликованном тексте речи эта формулировка не была изъята. Когда мы спросили, почему это произошло, он ответил, что он просто забыл вычеркнуть это место в речи. Этому я не верю, — подчеркнул собеседник».

Рассказывая о заседании Политбюро ЦК СЕПГ 21 июля с.г., Зиндерманн сказал, что «наиболее спорным вопросом была речь т. Ульбрихта на Неделе Балтийского моря в Ростоке (она была произнесена при открытии Недели 12 июля 1970 г. — А.Ф.). Известно, что мы приняли решение не дискутировать по принципиальным политическим вопросам до сентября с.г. Однако, т. Ульбрихт выступил с этой речью и потребовал утвердить ее задним числом на Политбюро. Все это поставило нас в тяжелое положение. Мы не могли согласиться с той глобальной оценкой, которую дал т. Ульбрихт социал-демократам. Мы не могли также согласиться с тем, что есть реальные предпосылки для продолжения бесед с Бонном. Такое заявление противоречило ранее принятым решениям»¹⁷.

Как следует из высказываний Зиндерманна, позицию Ульбрихта определили три фактора. Первый — желание продлить свое пребывание у власти созданием популярного имиджа политика, озабоченного делом национального единства, и компрометацией соперников, связанных с репрессивным аппаратом ГДР, в первую очередь — персонально Э. Хонеккера. «...т. Ульбрихт заявил, что т. Хонеккер “захватил в свои руки армию и органы госбезопасности”, хотя известно, что эти вопросы он ведет по поручению Политбюро. Я думаю, продолжал собеседник, что т. Ульбрихт либо не осознавал того, что он говорит, либо он сознательно провоцировал Хонеккера, чтобы удалить его из руководства партии... Если раньше т. Ульбрихт никогда не говорил о том, как долго он собирается работать, то сейчас он заявляет, что им “придется терпеть его еще 5—10 лет”. Видимо такое настроение порождает у него личное недоверие к так называемым возможным преемникам...». Второй фактор — наличие у Ульбрихта некоего исторического «комплекса»: якобы, на немецких коммунистах лежит вина за приход Гитлера к власти из-за их излишне жесткого отношения к

социал-демократии, и теперь его коллеги повторяют прежние ошибки: «Во время празднования своего дня рождения т. Ульбрихт неоднократно возвращался к этой теме... Он считает, что политика Политбюро ЦК СЕПГ в отношении западногерманских социал-демократов толкает их все дальше в лагерь правых сил». Наконец, третий фактор — злобное влияние на Ульбрихта со стороны его окружения: «Появлению нынешней позиции т. Ульбрихта в значительной мере способствовал его личный помощник Кегель, которого он (Зиндерманн. — А.Ф.) охарактеризовал как “человека с буржуазным мышлением”, который никогда по настоящему в партии не работал, никогда не имел контакта с рабочим классом. Сейчас он пишет речи для т. Ульбрихта, и это опасно, — подчеркнул Х. Зиндерманн»¹⁸.

Другой представитель элиты ГДР, также обратившийся к советскому послу с жалобами на Ульбрихта, вышел далеко за рамки претензий к нему как личности, усмотрев за всем определенный объективный контекст. Речь идет о Г. Кроликовском, занимавшем в то время пост посла ГДР в Чехословакии. Приведем некоторые его высказывания из беседы с Абрахимовым 27 июля 1970 года. Отметив отрицательные явления в экономике ГДР, собеседник посла продолжал:

«Однако еще большее беспокойство... вызывают “резкие перепады”, которые наблюдаются в политике ГДР в отношении ФРГ... На примере ЧССР можно видеть, как опасен социал-демократизм. понадобилось лишь полгода, чтобы развалить партию и внести хаос в жизнь страны. Для ГДР социал-демократизм представляет не меньшую, а большую опасность... Сейчас некоторые товарищи, видимо, считают, что ГДР настолько окрепла, что может позволить себе “заигрывание” с западногерманским социал-демократизмом. Это глубокое заблуждение. Сейчас в политику в отношении Западной Германии фактически включено все население республики. Все внимательно следили за встречами в Эрфурте и Касселе. Люди ждут “третьего раунда”... Ослабление классовой линии в национальном вопросе... неизбежно ведет к росту национализма. Диалог с СДПГ в 1966 году (тогда руководство ГДР/СЕПГ выступило с предложением обмена ораторами между двумя «рабочими партиями» Германии. — А.Ф.) уже показал, как тяжело остановить пришедшие в движение массы. Тем более это будет тяжело сделать сейчас. Выступать в такой ситуации с лозунгом единства действий всех сил, включая руководство СДПГ и правительство Брандта-Шееля против явно утрированной опасности картеля правых сил, значит на практике подрывать то, что создавалось в ГДР годами. Я не могу объяснить не только другим, но и себе такого поворота в нашей политике», — сказал Кроликовский.

Собеседник считал, что в ГДР «усиливалась “атмосфера предпринимательства”». Так называемые менеджеры укрепляют свои позиции, возрастает их роль в жизни республики... Среди этой части функционеров наблюдается рост конвергенционистских настроений... Так называемый “вест-драль” (ориентация на запад) усиливается. Психология людей, в том числе функционеров, все больше заражается “потребительскими настроениями и мещанством”, а также стремлением к “удобной и спокойной жизни”. Наряду с другими факторами это обстоятельство создает благоприятную почву для “оживления социал-демократических корней” в ГДР»¹⁹.

Размышления обоих восточногерманских функционеров — противников Ульбрихта — достаточно интересны. Некоторые из них выдают очевидную идеологическую зашоренность (странно обвинять Кегеля, долгое время работавшего на советскую разведку, в «отсутствии контакта с рабочим классом»); другие (о внутренних процессах в ГДР/СЕПГ) можно считать в какой-то мере пророческими, раскрывающими глубинные причины краха «рабоче-крестьянского государства» в 1989—1990 годах. Однако они не отвечают на очевидный вопрос: почему все эти «факторы» привели к столь острому противостоянию в руководстве ГДР именно в мае-июле 1970 г., не раньше и не позже, и почему это противостояние быстро закончилось (заметим: не в пользу «еретика» Ульбрихта, который к тому же без колебаний вернулся к более привычной для него позиции «ястреба»)?

Гипотетические ответы на эти вопросы может дать, как представляется, анализ еще одного документа — записи беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, состоявшейся 24 февраля 1970 г. во время его визита в Берлин, с Ульбрихтом «в присутствии» ряда других руководителей и дипломатов ГДР (членов высшего партийного руководства Хонеккера, Штофа, А. Нордена, Г. Аксена, министра иностранных дел ГДР О. Винцера, его заместителя М. Коля, посла ГДР в СССР Х. Биттнера, заведующего отделом международных связей ЦК СЕПГ Г. Марковского). Характерна употребленная в отношении всех этих лиц формула «в присутствии», подчеркивающая монопольную роль «первого лица» в переговорах; тем не менее, отдельные реплики исходили и от них.

Беседа состоялась в момент, когда стала проясняться позиция Бонна по вопросам советско-западногерманских и германо-германских отношений. 17 февраля завершился первый раунд переговоров Громыко с личным эмиссаром канцлера ФРГ Э. Баром, шли приготовления к первой встрече Штофа с Брандтом. В этой ситуации особенно остро встала задача согласования стратегии и тактики СССР и ГДР. С советской стороны было, в частности, отмечено: «ФРГ готова заявить, что она не имеет территориальных притязаний к кому бы то ни было. Это относится и к ГДР». Вместе с тем, указывалось на упорное нежелание западногерманской стороны включить в совместный с СССР документ конкретное положение о фиксации границы ФРГ с ГДР и западной границы с Польшей. Громыко заявил, что Советский Союз «считает недостаточным только упоминание о границах вообще, но сейчас трудно сказать, пойдут ли западные немцы дальше и согласятся ли на упоминание конкретных границ».

Другую трудность в переговорах, как указал Громыко, создавало муссирование Баром темы объединения Германии, которую СССР и ГДР считали тогда неактуальной. В качестве отступления от прежней жесткой позиции было подано предложение Бара (сделанное в ходе последней встречи первого раунда 17 февраля) о том, чтобы «упоминать объединение вне контекста соглашения в каком-либо «устном протоколе», то есть в необязывающей для Советского Союза форме»²⁰. Интересная деталь: когда в ходе второго раунда московских переговоров Бар конкретизировал эту идею, Громыко ее категорически отверг. Трагично в гораздо более позитивном духе в ходе диалога с Ульбрихтом, глава советской дипломатии по сути раскрыл «запасную

позицию» советской стороны — свидетельство большого доверия и уважения к партнеру.

Речь шла не только об информировании представителей ГДР о советско-западногерманских переговорах и их перспективах, но и о готовности выслушать и учесть мнение собеседников, то есть о полноценных консультациях. Надо сказать, что реакция представителей ГДР на информацию Громыко была, в целом, достаточно взвешенной. Никаких возражений с их стороны не вызвало упоминание о возможности согласования между СССР и ГДР «устного протокола» по проблеме объединения Германии. Как известно, окончательную форму эта идея Бара приняла в «Письме о германском единстве», которое не фигурировало при подписании Московского договора, а было с курьером отправлено в экспедицию МИД. Этот документ носил еще менее обязывающий для СССР характер, чем первоначальный вариант «устного протокола» или «обмена письмами», поскольку речь шла об односторонней декларации западногерманской стороны. Откликаясь на вопрос, поставленный Громыко о выборе пути в политике по отношению к ФРГ («либо порвать все, отказавшись и от того, на что они идут, либо, не поступаясь принципами, взять то выгодное для социалистических стран, на что ФРГ идет, даже если они не сделают сейчас официального заявления о признании ГДР в международно-правовом отношении»), руководитель ГДР безоговорочно выступил за второй путь: «Мнение о том, что целесообразно сформулировать в виде договоренности положительные элементы, выявившиеся в беседах с Баром, мы считаем правильным». Бескомпромиссную позицию он занял лишь в одном вопросе — о границах, считая, что надо добиваться не общих, а конкретных формулировок по этому поводу: «Граница между ФРГ и ГДР должна быть названа, хотя бы в скобках»²¹. Как известно, в Московском договоре это условие было выполнено, притом граница между двумя германскими государствами названа там без всяких скобок. В записи беседы зафиксирована реплика Штофа: «ГДР будет требовать не просто уважения, а признания границы, окончательного и полного признания»²², однако это максималистское высказывание не стало предметом обсуждения. С другой стороны, глава делегации ГДР явно считал, что в принципе предлагать западногерманским переговорщикам «цену с запросом» не только можно, но и нужно: «Ульбрихт подверг сомнению утверждение Бара о том, что если СССР и ГДР выдвинут слишком высокие требования, то это поставит под угрозу существование правительства Брандта. Хотя формально у правительства Брандта имеется незначительное большинство в бундестаге, оно не так уж слабо»²³.

Не прошло и полугодия, как Ульбрихт изменил это мнение на прямо противоположное, считая, что надо делать максимальные уступки социал-демократам, дабы спасти их от поглощения «картелем правых сил». Произошли ли какие-то кардинальные изменения в расстановке политических сил в ФРГ, которые оправдывали бы такое изменение? Может быть, симптомом такого изменения стали результаты местных выборов в ФРГ, которые принесли серьезные потери для союзника Брандта по коалиции — Свободно-демократической партии (СвДП), не прошедшей 5-процентный барьер и потерявшей представительство в двух ландтагах из трех? Такое предположение

вряд ли можно считать обоснованным. Выборы прошли 14 июня, а выступление Ульбрихта на 13-м пленуме ЦК СЕПГ было опубликовано 16 июня ²⁴; временной интервал слишком мал, чтобы можно было говорить о влиянии поведения электората в ФРГ на изменение позиции Ульбрихта. К тому же, как следует из слов Зиндерманна, эти перемены произошли «после возвращения из Москвы» (речь идет, очевидно, о визите делегации СЕПГ/ГДР в СССР в мае 1970 г.). Кроме того, в оценке результатов упомянутых выборов мнения комментаторов в самой ФРГ значительно расходились. Если орган крайней реакции — газета «Ди Вельт» — утверждала, что отныне «у Брандта и Шееля (лидер СвДП, министр иностранных дел социал-либеральной коалиции. — А.Ф.) нет возможности говорить, что их политика находит себе поддержку», то более объективная «Франкфуртер альгемайне» нашла совсем другие слова: «Выборы в ландтаги не стали плебисцитом в пользу правительства Брандта-Шееля, но не стали и плебисцитом против него» ²⁵. На наш взгляд, можно согласиться с точкой зрения Кроликовского, который считал угрозу правительству ФРГ со стороны правых сил «утрированной». Наверняка это понимал и такой опытный политик, как Ульбрихт.

Каковы же были в таком случае подлинные мотивы, побудившие Ульбрихта отойти от установки на «размежевание» между ГДР и ФРГ? ²⁶ Возможно он делал ставку на то, что переговоры ФРГ с СССР затянутся, а то и зайдут в тупик, и это сделает его ключевой фигурой в центрально-европейской разрядке. Намек на такого рода планы можно обнаружить в словах Ульбрихта: «Если переговоры будут продолжаться еще год, то западные державы, может быть, даже согласятся с международно-правовым признанием ГДР», а затем он повторил: «Я думаю, что у нас еще год времени» ²⁷.

Расчет отдавал явной авантюрой: ФРГ и западные державы могли бы, конечно, пойти на сепаратную сделку с ГДР, но вероятнее всего выдвинули бы в качестве условия «либерализацию» режима, а Ульбрихт понимал, чем это грозит для его властных позиций и самих основ существовавшего в ГДР строя. Другой, более реалистический сценарий сводился, вероятно, к тому, что, если бы удалось вовлечь СССР в бесплодные препирательства с ФРГ (на год как минимум), то договоренность с ГДР даже без ее «либерализации» показалась бы западу меньшим злом. Можно предположить, что на майских переговорах в Москве представителей ГДР проинформировали о прогрессе в переговорах с ФРГ и возможном скором подписании договора (общий документ был согласован на встрече Громыко с Баром 20 мая 1970 г.). Это перечеркивало все расчеты Ульбрихта на затягивание процесса сближения позиций СССР и ФРГ, что и объясняет его импульсивную реакцию, рассчитанную на то, чтобы «опередить» Москву в нормализации отношений с Бонном.

Расчет был абсолютно авантюристическим, что справедливо было отмечено его сподвижниками. Выяснилось, кстати, что ни у них, ни у советского руководства нет никаких рычагов влияния на зарвавшегося лидера. Тот же Зиндерманн сокрушенно констатировал: «Я даже думаю, что и советским товарищам не удастся его переубедить». Попытки сделать это в узком кругу партийного руководства, согласно тому же источнику, тоже ни к чему не привели: «т. Штоф и некото-

рые другие открыто выступили на заседании Политбюро против речи т. Ульбрихта в Ростокe и предлагали не одобрять ее. По мнению собеседника, это могло бы привести к дальнейшему обострению обстановки»²⁸. Еще больше опасались противники Ульбрихта вынесения имевшихся с ним разногласий на пленум ЦК СЕПГ, не говоря уже о публичной дискуссии. Решающую роль в обуздании авантюристического курса Ульбрихта, как ни парадоксально, сыграл канцлер ФРГ Брандт, вернее два его решения. О первом сообщал в депеше в Москву от 8 июля 1970 г. посол Абрасимов: «Отвечая на вопрос о своем мнении относительно речи Ульбрихта на XIII Пленуме ЦК СЕПГ, Брандт сказал: “Мы не упускаем из вида того, что там Ульбрихт высказался несколько иначе, чем ранее. Если Ульбрихт сказал о третьем раунде, то необходимо, чтобы он понял, что третий раунд не имеет смысла, если он будет лишь третьей встречей. Третий раунд должен быть подготовлен тщательно, добросовестно и по-деловому”»²⁹. Было ясно, что Брандт отдавал приоритет переговорам не с Берлином, а с Москвой. Второе решение касалось самих переговоров: министр иностранных дел ФРГ В. Шеель направлялся в Москву с четким мандатом — завершить переговоры и подготовить к подписанию текст советско-западногерманского договора. Эти решения, очевидно, дались Брандту нелегко. Первое означало дезавуирование его собственной позиции, изложенной в Касселе Штофу, и принятие позиции, выраженной там премьер-министром ГДР. Второе требовало преодоления сопротивления со стороны тех, кто в ФРГ выступал за затягивание соглашения с Москвой. Их позиции были достаточно сильны. Не пойдя на поводу у сторонников разного рода авантюрных идей, Брандт продемонстрировал качества выдающегося государственного деятеля. Отношения между ФРГ и СССР вышли на уровень плодотворного сотрудничества.

Косвенным образом Брандт поспособствовал и угасанию (на время) конфликта в руководстве СЕПГ: спорная формула о «третьем раунде» межгерманских переговоров как альтернативы советско-западногерманских, отвергнутая Брандтом, потеряла свою актуальность. Однако вскоре конфликт обострился вновь и привел, в конечном итоге, к отстранению Ульбрихта от руководства партией и страной. Это произошло на XVI Пленуме ЦК СЕПГ 3 мая 1971 года. Первым секретарем ЦК СЕПГ был избран Э. Хонеккер.

Подведем итоги. Трудно отрицать, что ГДР наряду с другими членами «социалистического сообщества» располагала значительной свободой маневра, очевидной самостоятельностью в плане выдвижения внешнеполитических инициатив (в том числе затрагивавших интересы ее союзников по ОВД), и определенными возможностями влиять, таким образом, на общую политику ОВД по отношению к Западу. Более того, по этим аспектам ее положение выгодно отличалось от того, в каком находилась ФРГ по отношению к западным державам. Как использовала ГДР свои возможности? Являлась ли она двигателем разрядки или ее тормозом? Материалы исследования показывают, что однозначный ответ на этот вопрос дать вряд ли возможно. В разное время имели место разные установки. Первоначальный проект документа, представленного Берлином на декабрьский форум ОВД 1969 г., создавал хорошую основу для компромисса с ФРГ и про-

движения разрядки, однако он был безнадежно «испорчен», прежде всего, в результате «подозрений» с польской стороны. В данном случае руководителя ГДР можно упрекнуть лишь в недостаточной настойчивости в защите своего проекта. С другой стороны, позиция Ульбрихта в ходе беседы с Громыко 24 февраля 1970 г. свидетельствовала о весьма противоречивом подходе восточногерманского лидера к выстраиванию отношений с ФРГ. Негибкая позиция Брандта на переговорах в Касселе обусловила оправданно жесткий ответ со стороны ГДР. Идея «третьего раунда» внешне могла восприниматься как поворот в обратном направлении, однако, скорее всего, речь шла о маневре, направленном на затягивание переговоров, что ставило под угрозу дело разрядки. Даже если считать недостоверными обвинения в том, что пропагандистские «вбросы», призванные осложнить советско-западногерманские переговоры, инспирировались со стороны ГДР, отношение ее руководства к этим переговорам и их результатам оставалось амбивалентным. Это был осложняющий фактор для советской политики, направленной на продвижение европейской разрядки.

Примечания

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Российского научного фонда (грант РНФ 14-18-02677).

1. PLATE B. von. Die Aussenpolitik und internationale Einordnung der DDR. In: WEIDENFELD W., ZIMMERMANN H. (Hg.) Deutschland-Handbuch. Eine doppelte Bilanz 1949—1989. Bonn. 1989, S. 593.
2. KUPPE J. Deutschlandpolitik der SED. In: WEIDENFELD W., KORTE K.-D. (Hg.) Handbuch zur deutschen Einheit 1949—1989—1999. Bonn. 1999, S. 261
3. SMYSER W.R. From Yalta to Berlin. The Cold War Struggle over Germany. N.Y. 1999, p. 234, 239.
4. АБРАСИМОВ П.А. Вспоминая прошедшие годы. Четверть века послем Советского Союза. М. 1992.
5. В российском издании своих мемуаров автор несколько смягчил собственные оценки лидеров ГДР, которые содержались в первоначальном тексте, опубликованном в ФРГ. Опущена, к примеру, фраза о том, что они оказались «не на высоте перед лицом сложившейся ситуации». Но ссылки на имевшийся у них «комплекс неполноценности» и отсутствие «энтузиазма» в вопросе о налаживании отношений с западным соседом остались. См.: ФАЛИН В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М. 1999, с. 138, 144—145; FALIN V. Politische Erinneungen. München. 1993, S. 64, 70.
6. «Далеко глядел Ульбрихт и в национальном вопросе. Он считал недопустимым для СЕПГ снимать вопрос о воссоединении. В то время как наши теоретики во главе с В.С. Семёновым в 60-е годы бросились доказывать, что в ГДР складывается новая социалистическая немецкая нация, и вопрос о воссоединении теряет всякую актуальность... Ульбрихт упорно гнул свою линию». См.: КВИЦИНСКИЙ Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М. 1999, с. 204.
7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 0742, оп. 15, п. 95, д. 19, л. 1.
8. См.: ДОЛГИЛЕВИЧ Р.В. Советская дипломатия и Западный Берлин (1965—1969 гг.). СПб. 2016.
9. АВП РФ, ф. 0742, оп. 15, п. 95, д. 17, л. 31—34.
10. Там же, п. 48, д. 13, л. 65—66.

11. Там же, л. 51.
12. Там же, п. 95, д. 20, л. 102, 106—107.
13. Там же, п. 48, д. 13, л. 121.
14. Там же, д. 14, л. 100.
15. Там же, л. 102.
16. Позднее он стал премьер-министром ГДР (1973—1976 гг.), а затем председателем ее парламента — Народной палаты (1976—1989 гг.)
17. АВП РФ, ф. 0742, оп. 15, п. 93, д. 6, л. 82—83.
18. Там же, л. 85—87.
19. Там же, л. 78—79.
20. Там же, д. 4, л. 31.
21. Там же, л. 36.
22. Там же, л. 40.
23. Там же, л. 41.
24. ULBRICHT W. Bemerkungen zu den Beziehungen zwischen der DDR und der BRD. — Neues Deutschland. 16.VI.1970.
25. Цит. по: Dokumentation der Zeit (Berlin). 1970, Nr. 15, S. 63.
26. АВП РФ, ф. 0742, оп. 15, п. 93, д. 4, л. 38.
27. Там же, л. 36, 44.
28. Там же, д. 6, л. 86.
29. Там же, п. 48, д. 14, л. 134.

Шифротелеграмма И.В. Сталина от 10 января 1939 года (источниковедческий анализ)

А.Н. Дугин

Аннотация. Публикация посвящена источниковедческому анализу сталинской шифротелеграммы от 10 января 1939 г., которая разрешала применение методов физического воздействия к арестованным. Этот документ Хрущёв использовал в своем докладе на XX съезде КПСС как один из основных аргументов против Сталина.

Ключевые слова: источниковедческий анализ, шифротелеграмма от 10 января 1939 г., И.В. Сталин, Г. Ферр, И.В. Пыхалов, Д. Гетти, В.П. Козлов.

Abstract. This publication is devoted to source analysis of Stalin encrypted telegram dated 10 January 1939, which permitted the application of methods of physical impact to the detainee. This document Khrushchev used in his report at the twentieth Congress of the CPSU as on the main argument against Stalin.

Key words: source analysis, cipher telegram dated 10 January 1939, I.V. Stalin, G. Furr, I.V. Pyhalov, J.A. Getty, V.P. Kozlov.

Материалы XX съезда КПСС, 60-летие которого отмечалось в 2016 г., уже давно анализировались специалистами как одни из важнейших документов советской эпохи¹. Однако доклад Н.С. Хрущёва «О культуре личности...» рассматривался историками, прежде всего, как некая политическая точка отсчета, подводившая итоги сталинского периода отечественной истории. При этом до последнего времени вопросы репрезентативности некоторых составных частей доклада как исторических источников рассматривались лишь отдельными историками².

Одной из опорных точек доклада Хрущёва является шифротелеграмма (далее — телеграмма) Сталина от 10 января 1939 г., подтверждающая право следственных органов применять методы физического воздействия к арестованным. Многие обвинения в адрес Сталина строились на тексте именно этой телеграммы.

Приведем ее полный текст (включая делопроизводственные пометы) по подлиннику, который хранится в Архиве Президента РФ.

Дугин Александр Николаевич — кандидат исторических наук. E-mail: adugin@bk.ru.

Dugin Alexander N. — candidate of historical sciences. E-mail: adugin@bk.ru.

«Берия, Щербакову, III часть, т. Маленкову
(карандашная вставка)

ШИФРОМ ЦК ВКП(б)
СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИЙ.
НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов — крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 г. с разрешения ЦК ВКП.

При этом было указано, что физическое воздействие допускается как исключение, и при том, в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, — следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа.

Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загажен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорачивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике (курсивом выделен текст телеграммы, опущенный в докладе Хрущёва. — А.Д.).

Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах.

Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении *заядлых* (возможно, вписано рукой Сталина. — А.Д.) агентов буржуазии, *заклятых* (возможно, вписано рукой Сталина. — А.Д.) врагов рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод³.

ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

№ 1/с, 2/с, № 26/ш.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б)

И. СТАЛИН

2 мн (машинопись) + 6 экз.+1 экз.+1 экз.(рукописная вставка)
на 2-х стр.

10.I.39 г. 15 час.

Машинописная вставка: Дополнительно напечатано два экз. 8.II.1956 г. ак

Рассылка (рукописная): Берия, Щербакову, Журавлёву, Жданову, III часть, Вышинскому, Щербакову 31.I.39, Голякову 14.II.39 (Верховный суд СССР), Кабанову 14.II.39 (Пензенский обком), Рубичеву 15.II.39 (Председателю Верховного суда РСФСР), Абакумову 12.VII.47»⁴.

От широко известных публикаций этого документа текст подлинника отличается только одним словом — фамилией АБАКУМОВА (в конце рассылки). Именно эта особенность будет одной из реперных точек наших размышлений о подлинности рассматриваемой телеграммы.

В историографии сталинизма сложились две противоположные точки зрения по вопросу о репрезентативности данного документа. Однако как сторонники, так и противники подлинности этой телеграммы не проводили источниковедческого анализа подлинника этого источника, который, как уже отмечалось, хранится в АП РФ.

Прежде чем перейти к изложению результатов нашей работы в РГАСПИ, Архиве Президента РФ, Центральном архиве ФСБ России, ГА РФ и РГАНИ, необходимо отметить, что цель данной публикации состоит не в отстаивании тех или иных политических оценок сталинского периода нашей истории. Думается, к сожалению, упорно навязываемое деление общества на так называемых «сталинистов» и «антисталинистов» (в том числе, и в научной среде) ведет лишь к его расколу и затрудняет приближение к исторической правде. Наша задача заключается в непредвзятой, объективной оценке сталинского периода. Разумеется, это утверждение относится и к изучению локального вопроса о репрезентативности телеграммы от 10 января 1939 года.

Первая часть исследования будет посвящена рассмотрению источниковедческого анализа сталинской телеграммы, уже проведенного нашими коллегами — Г. Ферром и И.В. Пыхаловым⁵. Вторая часть познакомит коллег с результатами наших собственных исследований.

Известный американский историк и философ Ферр в своей «Антисталинской подлости» предпринял попытку провести источниковедческий анализ всего хрущевского доклада и сделал сенсационный, на первый взгляд, вывод: «Из всех утверждений “закрытого доклада”, напрямую “разоблачающих” Сталина или Берия, не оказалось ни одного правдивого. Точнее: среди всех тех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого»⁶.

В общей сложности Ферр насчитал в докладе Хрущёва шестьдесят одно лживое, по его мнению, утверждение о Сталине и Берия!

Почти одновременно аналогичные исследования опубликовал и отечественный историк Пыхалов⁷.

О своих сомнениях по поводу достоверности источниковой базы доклада Хрущёва XX съезду КПСС писали и другие авторы⁸.

Прежде чем переходить к рассмотрению особенностей источниковедческого анализа сталинской телеграммы от 10 января 1939 г., проведенного Ферром и Пыхаловым, напомним уже устоявшиеся принципы работы по определению подлинности того или иного исторического источника. Общепризнанный авторитет в этой области член-корреспондент РАН В.П. Козлов отмечает: «... Цели подлогов, их бытование — наиболее интересные аспекты изучения фальсификаций. С этой точки зрения все остальное является вторичным, вспомогательным. Так, например, определение автора подлога способно углубить представление о его “интересе”. Установление приемов и

техники изготовления фальсификации является всего лишь условием доказательства подлога и показателем уровня исторического знания фальсификатора. Датировка подлога позволяет расширить и уточнить его цели и т.п. После же легализации подлога даже его первоначальная цель становится вторичной в сравнении с последующим, часто уже независимым от интересов изготовителя, бытованием. Оно отражает уже некие явления и процессы новых этапов общественного развития, которые то безжалостно разоблачают фальсификации, то начинают их активно востребовать...»⁹.

Суммируем основные замечания Ферра и Пыхалова, касающиеся репрезентативности телеграммы Сталина от 10 января 1939 г., а далее попробуем рассмотреть их аргументацию.

Во-первых, как утверждают Ферр и Пыхалов, Хрущёв скрыл, что приводимый им текст телеграммы Сталина никогда и никуда не отправлялся.

Во-вторых, Хрущёв «забыл» сказать делегатам съезда, что на тексте телеграммы вообще нет ничьей подписи, в том числе и сталинской.

В-третьих, внутренняя источниковедческая критика этого документа показывает полную идентичность шрифтов основной части документа от 1939 г. и машинописной вставки 1956 года: «Дополнительно напечатано два экз. 8.II.1956 г.»

В-четвертых, упомянутую телеграмму пока не удалось обнаружить ни в одном из местных архивов, куда она, по всем правилам партийного делопроизводства, должна была бы поступить¹⁰.

Подлинник телеграммы, хранящийся, как уже отмечалось, в Архиве Президента РФ, а также целый ряд других документов из Центрального архива ФСБ России, РГАСПИ, ГА РФ и РГАНИ позволяют оценить качество источниковедческого анализа Ферра и Пыхалова.

Обратим внимание на их первый аргумент, который легко опровергается при просмотре того текста, который приведен в начале публикации. Перечислим еще раз адресатов телеграммы, куда она, согласно делопроизводственной рассылке, направлялась — Берия, Щербакову, Журавлёву, Жданову, III часть, Вышинскому, Голякову 14.II.39 (Верховный суд СССР), Кабанову 14.II.39 (Пензенский обком), Рубичеву 15.II.39 (Председателю Верховного суда РСФСР), Абакумову 12.VII.47.

То есть, телеграмма направлялась 10 адресатам, внесенным в подлинник, и еще дополнительно 70 адресатам, которые указаны в отдельном списке рассылки¹¹. Таким образом, телеграмма адресовалась 80 получателям. Поэтому, на наш взгляд, первый упрек в адрес хрущевского документа о том, что телеграмма никогда и никуда не отправлялась, можно назвать несостоятельным. О том же, в каких архивных фондах имеются свидетельства получения адресатами этой телеграммы, мы скажем чуть ниже.

Второй аргумент Ферра и Пыхалова в адрес Хрущёва о его «забывчивости» по поводу отсутствия подписи на телеграмме также не может быть признан убедительным. Мы специально посмотрели подлинники нескольких дел из личного архива Сталина, относящихся к концу 1930-х гг., в которых отложились его многочисленные телеграммы различным адресатам. Немалая часть этих телеграмм в рукописном виде готовилась самим Сталиным, многие тексты выполня-

лись под его диктовку, но такая практика вовсе не предусматривала в качестве обязательного элемента подпись автора на машинописном варианте телеграммы¹².

Третий аргумент авторов также не может быть принят, поскольку на подлиннике даже невооруженным взглядом обнаруживается абсолютное несовпадение шрифтов основного текста документа и позднейшей машинописной вставки от 8 февраля 1956 г. — «дополнительно напечатано два экз. 8.И.56».

Следовательно, по нашему твердому убеждению, первые три признака источниковедческой критики, по которым Ферр и Пыхалов считают сталинскую телеграмму от 10 января 1939 г., использованную в докладе Хрущёва, фальшивкой, не могут быть признаны убедительными.

А вот на четвертом аргументе Ферра и Пыхалова — об отсутствии данной телеграммы в других архивах, где она, по их мнению, согласно делопроизводственной практике тех лет, должна была отложиться, — стоит остановиться подробнее. Пыхалов, например, отмечает: «... Скомпрометировать такая вот телеграмма, разосланная по всем обкомам, может запросто. Создается впечатление, будто Сталин решил заранее облегчить жизнь будущим десталинизаторам, дав им повод вдоволь позавывать о зверствах “кровавого тоталитарного режима”»¹³.

Хочется еще раз напомнить, что в оригинале этого документа, как и в большинстве аналогичных партийных документов того времени, имеется так называемая «рассылка» — список адресатов, которым она направлялась. Аналогичные рассылки имеются и во многих других случаях — когда подобные документы направлялись на места, к их тексту прилагалась специальная, отдельная рассылка с указанием всех адресатов: например, 3 мая 1939 г. ЦК ВКП(б) направил в местные партийные органы телеграмму об освобождении Литвинова от обязанностей народного комиссара иностранных дел Союза ССР — и к тексту этой телеграммы (также как и в случае с анализируемой нами телеграммой) прилагалась отдельная машинописная рассылка 81 адресату на трех страницах¹⁴.

Как известно, во всех доступных на сегодняшний день архивах, исключая Центральный архив ФСБ России, не удалось обнаружить текста телеграммы Сталина от 10 января 1939 года. И эта «неудача» не должна вызывать недоуменных вопросов: почему нигде не обнаружена, если отправлялась?

Дело в том, что в соответствии с правилами партийного делопроизводства, все секретные телеграммы, полученные из центра, согласно уже упомянутой Инструкции от 5 мая 1927 г. «О пользовании секретными материалами», должны были в течение 48 час. возвращаться адресанту. Одновременно запрещалось цитирование и копирование секретных материалов¹⁵. А вот документы, подтверждающие сам факт получения анализируемой телеграммы, имеются в фондах ГА РФ¹⁶ и РГАСПИ¹⁷.

Таким образом, и четвертый признак источниковедческой критики (об отсутствии телеграммы в ведомственных архивах), по которым Ферр и Пыхалов считают сталинскую телеграмму из доклада Хрущёва фальшивой, не может быть признан убедительным.

Следует остановиться еще на двух аргументах Пыхалова, которыми он подкрепляет свою точку зрения относительно подложности сталинской телеграммы. «Телеграмма» напечатана не на бланке, а на обычных листках бумаги... Публикаторы «документа»¹⁸, — пишет автор, — утверждают, будто слова «заядлых» и «заклятых» вписаны сталинской рукой, однако не приводят этому никаких доказательств»¹⁹.

Первая, цитируемая часть фразы Пыхалова, говорит о его уверенности в том, что телеграмма от Сталина (как подлинник) должна была в обязательном порядке печататься на хорошо знакомом исследователям бланке для телеграмм (со знаменитой красной или черной «шапкой» и словом «шифротелеграмма»). Однако следует отметить, что Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 мая 1927 г., утвердившее уже названную Инструкцию «О пользовании секретными материалами»²⁰, предполагало, что подлинники телеграмм, написанные Сталиным или другим автором, остаются в шифровальной части ЦК, а их текст должен передаваться адресатам на тех самых бланках, о которых упоминает Пыхалов. То есть, возражая автору, необходимо отметить, что подлинники телеграмм Сталина всегда хранились в ЦК, а на места отправлялись их копии, выполненные на уже упомянутых бланках с красно-черной «шапкой». А вот шифровальные сообщения с мест в центр, в свою очередь, передавались именно на специальных бланках для секретных сообщений²¹.

Вторая часть цитаты Пыхалова упрекает составителей сборника документов в том, что они не приводят никаких доказательств подлинности рукописных сталинских вставок в текст телеграммы от 10 января 1939 года. Не соглашаясь с Пыхаловым, считаем необходимым отметить, что ни один профессиональный эксперт-графолог не сможет лишь по двум рукописным словам определить подлинность почерка того или иного автора. Именно поэтому с текстом телеграммы ознакомились признанные эксперты в области атрибуции — главный специалист РГАСПИ Л.П. Кошелева и заведующая отделом ГА РФ Д.Н. Нохотович, которые сделали однозначный вывод о том, что, по стилю написания, авторство телеграммы, с высокой степенью вероятности, принадлежит Сталину. Их авторитетные заключения могут рассматриваться специалистами как аргумент в пользу возможного вывода о подлинности сталинской телеграммы от 10 января 1939 года.

Подводя итоги рассмотрения источниковедческого анализа сталинской телеграммы, проведенного Ферром и Пыхаловым, хотелось бы согласиться с авторами в той части их анализа доклада Хрущёва на XX съезде, где они упрекают докладчика в избирательности цитирования сталинской телеграммы. В тексте доклада был опущен, скорее всего, сознательно, сюжет о наказании сотрудников НКВД, виновных в незаконном применении методов физического воздействия к арестованным. Напомним, что в опущенной Хрущёвым части текста телеграммы говорилось о трех «мерзавцах» — Заковском, Литвине и Успенском, которые «загадили» метод физического воздействия и понесли за это «должную» кару. Далее процитируем ту часть работы Пыхалова, с которой можно согласиться: «... действительно, комис-

сар госбезопасности 1-го ранга Л.М. Заковский был арестован 30 апреля 1938 года и расстрелян 29 августа того же года.

Однако комиссар госбезопасности 3-го ранга М.И. Литвин репрессиям не подвергался — 12 ноября 1938 г. он покончил жизнь самоубийством...

Нарком внутренних дел УССР комиссар госбезопасности 3-го ранга А.И. Успенский 14 ноября 1938 г. бежал из Киева и скрылся...»²².

То есть на день отправки телеграммы Успенский никаким репрессиям не подвергался, он просто сбежал и имитировал самоубийство! Мог ли аппарат А.Н. Поскрёбышева допустить подобную накладку в телеграмме своего шефа? Вряд ли. Тогда кто мог? Пока этот вопрос остается без ответа.

Хочется привести, в связи с выше изложенным, несколько архивных документов, доказывающих несостоятельность утверждений Хрущёва об отсутствии у Сталина желания соблюдать нормы тогдашнего уголовного и уголовно-процессуального производства:

«11 января 1938 года

т. Сталину, т. Молотову

В Прокуратуру Союза ССР поступили из ОРПО (отдел руководящих партийных органов. — А.Д.) ЦК ВКП(б) и Президиума Верховного Совета СССР материалы о необоснованных арестах секретарей райкомов ВКП(б) и о применении сотрудниками НКВД Татарской АССР незаконных методов следствия...

В результате проверки дел в отношении 37 арестованных, в т.ч. 18 бывших секретарей райкомов ВКП(б), выяснилось, что ряд арестованных действительно подвергались избиениям и под влиянием этого оговорили себя и свыше 100 человек других работников. Выяснилось, что следствие по этим делам проведено недоброкачественно, с затяжкой до 16-ти месяцев, а в отношении 10 арестованных, содержащихся под стражей по 3—4 и больше месяцев, следствие не проводилось вовсе.

Когда в ходе расследования потребовалось допросить ряд сотрудников НКВД, Нарком внутренних дел ТАССР — т. Михайлов не разрешил прокурору т. Коперник допрашивать сотрудников...

Считал бы необходимым НКВД ТАССР т. Михайлова, за незаконные действия, привлечь к строжайшей ответственности, для окончания же расследования материалов по заявлениям о незаконных действиях органов НКВД ТАССР командировать в г. Казань представителей НКВД и Прокуратуры СССР.

Прошу Ваших указаний

А. Вышинский»

№17лсс

помета на обращении: «исчерпано. Михайлов арестован»²³

«28 декабря 1938 г.

НКВД Берия Л.П.

... В отношении существовавшей ранее «практики» применения физических мер воздействия при допросах арестованных я полагаю, следователей, считавших побои основным «методом» следствия и калевшим заключенных, на которых не имелось достаточных данных изобличающих их в антисоветской деятельности, нужно сурово наказывать.

Но это не значит, что надо судить абсолютно всех работников НКВД, допускавших физические методы воздействия при допросах. Учитывая, что эти «методы» следствия культивировались и поощрялись существовавшим на Украине вражеским руководством НКВД.

Заместитель НКВД УССР

старший лейтенант государственной безопасности Кобулов»²⁴

«январь 1939 г.

т. Сталину, т. Молотову

... Заместитель начальника 39 отделения милиции г. Москвы Шлепнев П.К. искусственно создавал дела о контрреволюционной агитации, используя для этого подставных свидетелей, и фабриковал подложные протоколы с вымышленными фактами.

Установлено, что из 37 дел, проведенных 39-м отделением милиции по ст. 58-10 УК, Шлепневым было сфабриковано 19 дел, причём 3 человека были расстреляны...

Полагаю необходимым:... главного организатора провокационного создания искусственных дел и привлечения подставных свидетелей — Шлепнева П.К. приговорить к расстрелу.

А. Вышинский»²⁵

Здесь же следует напомнить совместное постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об аресте, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором резкой критике подверглись методы работы правоохранительных органов по разоблачению врагов народа²⁶, а также ведомственный приказ НКВД № 00762 от 26 ноября 1938 г. о реализации основных положений данного Постановления²⁷.

Выводы об особенностях источниковедческого анализа Ферра и Пыхалова сталинской телеграммы от 10 января 1939 г. не могут служить основанием для окончательного определения подлинности или подложности анализируемого документа.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что некоторые неточности источниковедческого анализа Ферра и Пыхалова сталинской телеграммы от 10 января 1939 г. вовсе не означают, что профессиональные навыки ученых и их научная репутация ставятся под сомнение. Все дело в том, что эти исследователи, в силу ряда объективных причин, как уже отмечалось, не имели возможности ознакомиться с подлинником анализируемого документа и, вероятно, поэтому позволили себе сделать некоторые преждевременные выводы.

Перейдем теперь к собственному источниковедческому анализу сталинской телеграммы и ряда других источников, имеющих к ней прямое или косвенное отношение.

Обратим внимание на особенности делопроизводственных помет, имеющих в телеграмме. Во-первых, вызывает недоумение помета машинистки «2мн», которая практически не встречается в других, аналогичных документах, так как уже упоминавшаяся инструкция от 5 мая 1927 г. предусматривала изготовление секретных телеграмм в единственном экземпляре. После просмотра в РГАСПИ нескольких сотен подобных документов можно сделать вывод, что лишь в исключительных случаях машинистки ставили отдельные пометы, указывающие на изготовление копий секретных телеграмм, но, и в таком

случае, эти пометы носили совершенно иной характер: машинистка, например, указывала — «второй экземпляр — Молотову...».

Далее: после машинописной вставки «2мн» имеется рукописная вставка «+6 экз.+1 экз.+1 экз.»²⁸, которая означает, что указанная телеграмма печаталась в 10 экземплярах. Зачем допущено столь явное нарушение секретного партийного делопроизводства?

Проводя внутреннюю критику сталинской телеграммы, следует обратить внимание на некоторые ее особенности: например, в начале телеграммы используется обычная аббревиатура «ЦК ВКП(б)», которая совершенно неожиданно в этом же документе соседствует с другим сокращенным названием партии — «ЦК ВКП» (причем, пять раз, в буквальном смысле слова, — без «б»). При этом необходимо помнить о бережном отношении всех тогдашних партийных функционеров к своему большевистскому происхождению. Почему такая небрежность? Или это — досадная случайность? Или чья-то непродуманная оплошность? Пока от ответа и на этот вопрос следует воздержаться.

Продолжим источниковедческий анализ рассмотрением адресатов рассылки и попытаемся понять: каким образом, с какой целью в рассылку оказался включен Абакумов, да еще с датой рассылки в его адрес — 12 августа 1947 года?

Может ли быть, что и вся рассылка готовилась в 1947 году? Весьма сомнительное предположение. Но, вместе с тем, не могли же авторы рассылки, направляя сталинскую телеграмму в 1939 г., предусмотреть должность Абакумова, которую тот будет занимать в 1947 году. Следовательно, можно предположить, что фамилия Абакумова не могла появиться в рассылке ранее 1947 года. То есть, совершенно очевидно, что его фамилия была вписана в рассылку именно для того, чтобы оправдать появление докладной записки Абакумова Сталину от 17 августа 1947 года²⁹. (Выдержки из этой записки приводятся чуть ниже).

Пыхалов, очевидно, в силу своей научной добросовестности, доверяя документу, уже введенному в научный оборот³⁰, но противоречащему его же собственным утверждениям о фальшивом характере сталинской телеграммы от 10 января 1939 г., упоминает докладную записку Абакумова Сталину о практике ведения следствия в органах МГБ, называя этот архивный документ в качестве доказательства подлинности сталинской телеграммы³¹:

«17 июля 1947 г.

Тов. Сталину И.В.

Докладываю о сложившейся в органах МГБ практике ведения следствия по делам о шпионах, диверсантах, террористах и участниках антисоветского подполья...

7. В отношении арестованных, которые упорно сопротивляются требованиям следствия, ведут себя провокационно и всякими способами стараются затянуть следствие, либо сбить его с правильного пути, применяются строгие меры режима содержания под стражей...³²

8. ...в соответствии с указанием ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 года органы МГБ применяют меры физического воздействия.

В центре — с санкции руководства МГБ.

На местах — с санкции министров государственной безопасности республик и начальников краевых и областных Управлений МГБ»³³.

Проведем источниковедческий анализ цитируемого Пыхаловым документа, который хранится в РГАНИ³⁴ и, с археографической точки зрения, является незаверенной машинописной копией оригинала.

Доклад Абакумова Сталину от 17 июля 1947 г. выполнен на печатной машинке на обычных листах бумаги. В этом документе имеется ссылка на анализируемую телеграмму ЦК ВКП(б) от 10 января 1939 г., разрешающую применение мер физического воздействия «в отношении избличенных следствием шпионов, диверсантов, террористов и других активных врагов советского народа...»

На документе отсутствуют какие-либо печати и заверяющие элементы, подтверждающие наличие подписи автора на подлиннике, в нем нет обычных делопроизводственных помет того времени: исходящего номера, количества отпечатанных экземпляров, инициалов машинистки-исполнителя, упоминания о рассылке адресатам и других делопроизводственных элементов. Дата исполнения документа поставлена на последней странице, слева от фамилии адресанта, что противоречит правилам тогдашнего делопроизводства. На оборотных страницах документа также не обнаружено никаких делопроизводственных помет.

Все перечисленные выше «особенности» заставляют поставить под сомнение подлинность доклада Абакумова Сталину от 17 июля 1947 года.

Для сравнительного анализа, в качестве образца, использовалась докладная записка Абакумова Сталину от 7 января 1947 г., посвященная суду над врагами советского народа — Шкуро, Красновым и др.³⁵ Документ является машинописной копией подлинника, выполненного на бланке МГБ. На копии имеются обычные делопроизводственные пометы: дата документа — на первой странице как элемент уголовного штампа, исходящий номер, инициалы машинистки-исполнителя, количество отпечатанных экземпляров, а также различимая подпись Абакумова на подлиннике докладной записки. То есть, достоверность этого документа, в отличие от докладной записки Абакумова от 17 июля 1947 г., не вызывает сомнений.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на необычно большой по объему (10 печатных страниц) и абсолютно неконкретный по содержанию характер документа, который направлялся Абакумовым Сталину 17 июля 1947 года. Вспомним, например, о широко известном письме Берия в Политбюро о судьбе польских офицеров в Катыни, которое, даже если согласиться с его подлинностью, занимает всего чуть более трех страниц³⁶. А о чем же пишет министр госбезопасности Абакумов Сталину на 10 страницах? Если дать аннотацию содержательной части этого письма, можно сказать, что Абакумов рассказывает Сталину о методике оперативно-розыскных и следственных мероприятий, проводимых его ведомством. И никакой конкретики, никакой статистики, никаких просьб и предложений, отсутствуют даже намеки на выполнение каких-либо персональных поручений вождя. В целом, документ напоминает конспект обзорной лекции по оперативно-розыскной деятельности для слушателей специальных учебных заведений МГБ СССР.

Готовить и посылать подобный документ в инициативном порядке было бы равноценно сознательному желанию Абакумова получить от Сталина замечание, как минимум, о неполном служебном соответствии. Но допустить подобное предположение — означало бы

показать абсолютное неуважение к интеллектуальным и профессиональным способностям Абакумова.

Итак, в письме нет ничего конкретного... кроме упоминания телеграммы от 10 января 1939 года.

Однако, прежде чем делать очевидный вывод о степени репрезентативности этого документа, необходимо было попытаться найти подлинник письма Абакумова, обратившись с соответствующим запросом в Центральный архив ФСБ РФ, откуда был получен ответ, что «... подлинника докладной записки Министра госбезопасности В.С. Абакумова на имя И.В. Сталина от 17 июля 1947 г. в ЦА ФСБ России на хранении не имеется».

Таким образом, есть весомые основания сделать вывод о подложности доклада Абакумова Сталину от 17 июля 1947 года. Это — еще один из аргументов, подтверждающий версию о происхождении рассматриваемой телеграммы и ее репрезентативности. В самом деле, если согласиться с предположением о подлинности сталинской телеграммы от 10 января 1939 г., то возникает резонный вопрос: зачем подлинный документ прикрывать заведомо фальшивым докладом Абакумова?

Представляется, что внятный ответ на этот вопрос можно сформулировать только в том случае, если допустить, что специальные сотрудники в процессе изготовления для Хрущёва обновленного текста телеграммы параллельно позаботились и о своеобразной защите для дальнейшего, как отмечает Козлов, легального «бытования» подложного текста.

Или, говоря языком сотрудников оперативных служб, была проведена классическая операция по внедрению фальшивого документа (телеграммы Сталина от 10 января 1939 г.) под прикрытием (доклада Абакумова Сталину от 17 июля 1947 года).

Перейдем теперь к рассмотрению еще одного довода сторонников подложности сталинской телеграммы от 10 января 1939 года. Они считают, что в Центральном архиве ФСБ России хранится та же самая сталинская телеграмма, но с другой датой отправки. Об этом свидетельствует и Ферр, ссылаясь на своего американского коллегу Гетти: «Дж. Гетти удалось обнаружить в архиве ту же самую телеграмму, но с другой датой — 27 июля 1939 года...»³⁷ и дает соответствующую ссылку³⁸.

Именно этот сюжет и послужил поводом для некоторых публицистов сделать поспешный вывод: «... если у одного и того же “документика” в российских архивах “обнаруживаются” два “оригинала”, да еще и с тремя датами, можно и без дальнейшей экспертизы с полной убежденностью и абсолютной категоричностью заявлять, что перед нами фальшивка! И самое интересное в том, что второй “оригинал” был обнаружен в архивах Лубянки, куда на время был допущен известный американский историк Арчи Гетти. Но если он воспринял это чуть ли не как сенсационную находку, то никто из тех, кто допустил его в святая святых Лубянки, не объяснил заокеанскому ученому мужу, что уже сам факт нахождения подобного “оригинала” в архиве Лубянки — абсолютная гарантия того, что это фальсификация!»³⁹

В Центральном архиве ФСБ России можно познакомиться с тем самым «документиком», который в 2002 г. был предоставлен в распоряжение Гетти и который, усилиями уже названных торопливых публицистов, в дальнейшем перекочевал на страницы интернета в качестве

неоспоримого доказательства подложности анализируемой сталинской телеграммы. Документ, с археографической точки зрения является копией незаверенной копии сталинской телеграммы от 10 января 1939 г., но, действительно, с другой датой отправки — 27 июля 1939 года. На копии имеется круглый штамп особого сектора ЦК ВКП(б) ⁴⁰.

Содержание телеграммы дословно повторяет уже хорошо известный текст телеграммы Сталина от 10 января 1939 года. Вероятно, именно по этой причине Гетти в своей публикации и не цитировал ее текст. Однако он не объяснил, почему нельзя, опираясь только на другую дату отправки телеграммы — 27 июля 1939 г. — делать поспешный вывод о ее подложности.

Попробуем внести ясность в этот запутанный сюжет. Дело в том, что телеграмма, которая хранится в Центральном архиве ФСБ России, отправлялась по совершенно другому (по сравнению с рассылкой телеграммы от 10 января 1939 г.) адресу: «Магадан — вручить лично секретарю Колымского окружкома ВКП(б), прокурору Севвостлага, начальнику УНКВД» ⁴¹.

Зачем же было необходимо отправлять отдельную телеграмму в Магадан 27 июля 1939 года? Все дело в том, что в момент отправки телеграммы от 10 января 1939 г. Колымского окружкома ВКП(б) в структуре ЦК партии вообще не существовало. По этой причине 10 января она и не могла быть отправлена в Магадан. Как известно, Колымский окружной комитет ВКП(б) был создан в июле 1939 г., а в августе того же года — ликвидирован ⁴².

Однако источниковедческий анализ «колымской» телеграммы заставляет усомниться в ее подлинности по другим причинам. Во-первых, уже упоминавшаяся инструкция от 5 мая 1927 г. категорически запрещала цитирование секретных партийных документов, а тем более, изготовление копий таких документов. И, во-вторых, на всех отправляемых телеграммах должна была стоять не только дата, но и время (часы и минуты) ее отправки адресату. В данном случае такой делопроизводственной пометы не существует. Очевидно Поскрёбышев — долголетний руководитель секретного (особого) отдела ЦК ВКП(б) — не мог не знать таких прописных истин!

Вместе с тем, необходимо процитировать уже неоднократно называвшуюся Инструкцию от 5 мая 1927 г. о секретном делопроизводстве: «... 9. Подтвердить правило о запрещении (и отдельными лицами) размножения шифровок из других учреждений без их разрешения» ⁴³. Возможно, Поскрёбышев разрешил сам себе «процитировать» телеграмму из своего учреждения. В таком случае, если такое предположение удастся подтвердить, сомнения в подложности телеграммы от 27 июля 1939 г. будут автоматически сняты.

Однако и при таком допущении остается вопрос: для какой цели Поскрёбышеву необходимо было нарушать Инструкцию от 5 мая 1927 г., изготавливая отдельную копию телеграммы для Колымского окружкома ВКП(б), если в рассылке этот окружной комитет уже фигурировал ⁴⁴, и телеграмма должна была быть отправлена в Магадан автоматически (как это было сделано 12 июля 1947 г. в случае с Абакумовым)? И почему все-таки на телеграмме от 27 июля 1939 г. отсутствует время ее отправки? Все это вопросы, на которые в настоящее время нет убедительных ответов.

Проанализируем еще один архивный документ, имеющий непосредственное отношение к теме данного исследования, — справку ЦК КПСС от 8 февраля 1956 года.

СПРАВКА ОБЩЕГО ОТДЕЛА ЦК КПСС

«Из папки № 58 исходящих телеграмм 5 августа 1953 года вынута исх. телеграмма за № 26ш от 10.1.39 в адрес секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина, содержание телеграммы напечатано на машинке и подлинной подписи не было.

Делопроизводственные пометы: на исх. шифротелеграмме имелись следующие отметки «т. Берия..., т. Абакумову 12.VII.47».

Порядковые номера страниц папки: 32, 33

Верно Козлов

(подпись).

Машинописная помета: указанная шифртелеграмма за № 26ш от 10.1.39 по указанию т. Чечулина послана т. Маленкову 5.VIII.1953.

Рукописные пометы:

1. Оригинал шифртелеграммы за № 26ш от 10.1.39 оставлен в делах общей части канцелярии Президиума ЦК КПСС. См. вх. № 1548 от 5.V.54.

А. Солов... (подпись)

2. Копия исх. шифртелеграммы за № 26ш от 10.1.39 от т. Поспелова возвращена и послана в VI сектор Общего отдела ЦК КПСС. См. вх. № 610 от 30.VI.58.

А. Солов... (подпись)

3. 8 февраля 1956 г. с исх. № 26ш сняты две копии, из которых одна по указанию т. Малина послана т. Поспелову, а второй экз. копии находится в IV секторе.

8.II.56.

Нов... (подпись)

(*Подлинник, машинопись и рукопись*)»⁴⁵

В приведенной выше справке Общего отдела ЦК КПСС от 8 февраля 1956 г. говорится о том, что «из папки № 58 исходящих телеграмм 5 августа 1953 года вынута исх. телеграмма за № 26ш от 10.1.39...»

Зачем необходимо было «вынимать» из дела подлинник телеграммы? Неужели нельзя было просто переписать текст этого документа и распечатать его в необходимом количестве экземпляров?

Думается, можно предположить, что это делалось для внесения определенных правок в оригинал. Очевидно, что изменения были внесены в текст первой страницы, где говорилось о применении мер физического воздействия к заключенным, которое, якобы, было предоставлено решением ЦК партии в 1937 году. Это решение, как известно, до сих пор нигде и никем не обнаружено.

Возможно, первый абзац подлинника был посвящен недостаткам в работе правоохранительных органов, указанным в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.: «... Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию враждебных элементов, проведенные органами НКВД в 1937—1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры.

Больше того, враги народа и шпионы иностранных разведок, пробравшиеся в органы НКВД как в центре, так и на местах, продолжая вести свою подрывную работу, старались всячески запутать следственные и агентурные дела, сознательно извращали советские законы, проводили массовые и необоснованные аресты, в то же время спасая от разгрома своих сообщников, особенно засевших в органах НКВД...»⁴⁶

Есть и другие вопросы по содержанию справки от 8 февраля 1956 года. Например, если 5 августа 1953 г. копия телеграммы была послана Маленкову, то почему оставшийся в архивном деле подлинник датируется входящим номером от 5 мая 1954 года? А где находился подлинник до 5 мая 1954 года?

Одна из помет на данной справке подтверждает факт ее передачи «по указанию т. Малина... т. Поспелову». Думается, что специалисты легко объяснят появление такой пометы очевидным фактом — товарищ Поспелов использовал телеграмму Сталина при подготовке Хрущёвым своего доклада на XX съезде КПСС.

Подводя предварительные итоги исследования, следует помнить о реально существовавших помощниках Хрущёва в деле изъятия и фальсификации архивных документов, о которых свидетельствовал бывший советский дипломат, в прошлом секретарь ЦК КПСС В.М. Фалин⁴⁷. Он подчеркнул, что желая избавиться от подтверждений своего участия в репрессиях, Хрущёв распорядился создать специальную группу из двухсот сотрудников под руководством В.Т. Добролетова (фамилия изменена. — *А.Д.*) для изъятия архивных документов. Об этом же вспоминал и генерал-полковник КГБ в отставке В.И. Алидин⁴⁸.

Если признать вероятным факт участия группы «Добролетова» в решении задач, поставленных перед ней Хрущёвым, тогда становятся очевидными ответы на все те вопросы, которые не нашли разумного объяснения при попытке предположить, что сталинская телеграмма от 10 января 1939 г. является подлинной.

В случае, если научное сообщество согласится с версией о подложности сталинской телеграммы, можно еще раз обратиться к основным работам Козлова по источниковедению и подчеркнуть, что подобные изменения в тексте телеграммы были выгодны, прежде всего, Хрущёву, чтобы отвести возможные упреки делегатов XX съезда в его активном участии в проведении репрессивной политики 1930-х годов. Именно в этом и заключалась основная идея Хрущёва при использовании фальшивой телеграммы Сталина.

Вскоре Хрущёв начал фактически отрекаться от положений антисталинского доклада. Во время приема в китайском посольстве в честь Чжоу Эньлая 17 января 1957 г. он заявил: «В последнее время на Западе нас обвиняют в том, что мы “сталинисты”. В ответ на это мы уже не раз заявляли, что в нашем понимании “сталинист”, как и сам Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста. Мы критиковали Сталина не за то, что он был плохим коммунистом. Мы критиковали за некоторые отклонения, отрицательные качества и ошибки Сталина... Но, даже совершая ошибки, нарушения законности, Сталин был глубоко убежден в том, что он делает это в интересах защиты завоеваний революции, дела социализма»⁴⁹.

Примечания

1. XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачёв-Фонд, 22 февраля 1996 года. М. 1996; СЕНЯВСКИЙ А.С. XX съезд КПСС в контексте истории XX века: «Круглый стол» в ИРИ РАН 28 февраля 2006 г. Труды Института российской истории. Вып. 7. М. 2008, с. 369—386; НАУМОВ В.П. К истории секретного доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС. — Новая и новейшая история. 1996, № 4; БОКАРЕВ Ю.П. XX съезд и геополитика. В кн.: XX съезд в контексте российской истории. М. 2012.
2. ФЕРР Г. Антисталинская подлость. М. 2013.
3. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ), ф. 3, оп. 58, л. 145, 146; опубликован: МОЗОХИН О.Б. Право на репрессии. М. 2011, с. 212—213.
4. В известных публикациях текста телеграммы фамилия Абакумова отсутствует.
5. ФЕРР Г. Ук. соч.; ПЫХАЛОВ И.В. Сталин без лжи. М. 2013.
6. ФЕРР Г. Ук. соч., с. 6.
7. ПЫХАЛОВ И.В. Ук.соч.
8. ЧИГИРИН И.И. Светлана. Великие Луки. 2013, с. 152—182; МАРТИРОСЯН А.Б. Сталин и репрессии 1920-х — 1930-х годов. М. 2008, с. 162—164; ЕГО ЖЕ. XX съезд. Миф о пытках. [avkrash.ru>article-679.html](http://avkrash.ru/article-679.html).
9. КОЗЛОВ В.П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке). М. 2001, с. 126; см. также: ЕГО ЖЕ. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII—XIX веков. М. 1996.
10. ФЕРР Г. Ук. соч., с. 82—87; ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 408—414.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 167, д. 58, л. 4—6.
12. Там же, ф. 558, оп. 11, д. 58 и др.
13. ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 414.
14. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 57, л. 92—95.
15. Там же, ф. 17, оп. 3, д. 633, л. 11—16; подробнее см.: КУРЕНКОВ Г.А. От конспирации к секретности. Защита партийно-государственной тайны в РКП(б)-ВКП(б). 1918—1941 гг. М. 2015.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 8131, оп. 37, д. 140, л. 8.
17. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 58, л. 58, 84, 87.
18. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М. 2006, с. 15.
19. ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 410.
20. РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 637, л. 5; оп. 3, д. 633, л. 11—16.
21. Там же, оп. 167, д. 57.
22. ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 410—411.
23. ГА РФ, ф. 8131, оп. 37, д. 139, л. 26.
24. Там же, л. 86—87.
25. Там же, л. 95—96.
26. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85—87; опубл.: Исторический архив. 1992, № 1, с. 125—129; см. также: Лубянка, Сталин и ГУГБ НКВД. М. 2004, с. 607—611.
27. Там же, с. 612—617.
28. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 146.
29. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 89, оп. 18, д. 12, л. 1—10.
30. Лубянка: Органы ВЧК-НКВД... 1917—1991. Справочник. М. 2003, с. 643—647.
31. ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 413.
32. РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 12, л. 6.
33. Там же, л. 1—10; опубл.: Лубянка: Органы ВЧК-НКВД... 1917—1991, с. 643—647; опубл.: ПЫХАЛОВ И.В. Ук. соч., с. 413.
34. РГАНИ, ф. 89, оп. 18, д. 10, л. 1—10.
35. Там же, д. 10, л. 1—2.

36. РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 621, л. 130—133.
37. ФЕРР Г. Ук. соч., с. 82—84.
38. GETTY J.A. Excesses Are Not Permitted. — *The Russian Review*. Vol. 61, January 2002, p. 114, n. 4.
39. МАРТИРОСЯН А.Б. XX съезд. Миф о пытках. [avkrash.ru>article-679.html](http://avkrash.ru/article-679.html).
40. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России), ф. 100, оп. 1, д. 7, л. 1—2.
41. Там же, л. 1. В этой ссылке у Д. Гетти указан другой номер дела — № 6.
42. Колымская искра. 2015, № 12(74).
43. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 633, л. 12.
44. Там же, оп. 167, д. 58, л. 4.
45. Там же, л. 7.
46. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85—87.
47. Передача вышла в эфир 31 марта 2011 г. на канале «Россия 1».
48. Подробнее см.: АЛИДИН В.И. Государственная безопасность и время. М. 2001, с. 131.
49. ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.В. Смутьян в Кремле. М. 2005, с. 60.

Николай I: портрет в миниатюре

Л.В. Выходков

Аннотация. В работе реконструируется психологический портрет Николая I, дается оценка событиям, повлиявшим на становление его личности. Подвергнуты критике многие существующие стереотипы восприятия образа императора, приведена основная библиография. Без излишней идеализации показаны как положительные, так и отрицательные черты характера самодержца, которые неизбежно оказывали влияние на «сценарий власти», политику и идеологию царствования.

Ключевые слова: Романовы, просвещенный абсолютизм, «общее благо», характер, особенности личности, мировоззрение, историческая психология, реформы.

Abstract. The work reconstructs psychological portrait of Nicholas I and events influenced the formation of his personality. The author criticizes many of the existing stereotypes of Nicholas I perception. The attention is given to main bibliography of question. So positive and negative traits of the autocrat, which inevitably had an impact on «scenario of power», the politics and the ideology of kingship, are considered in the article without undue idealization.

Key words: the Romanovs, enlightened absolutism, «the common good», character, features of the person, outlook, historical psychology, reforms.

«Незабвенный», «Рыцарь самодержавия» — для одних и «Николай Палкин» — для других, а еще: «страж абсолютизма», «коронованный барабанщик», «тюремщик русской свободы», «жандарм «Европы», «коронованный палач», «высочайший фельдфебель» (А.И. Герцен), «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира» (Ф. Энгельс), «Польского края — Зверский мясник» (М. Цветаева). После выхода в свет последних в XX столетии изданий — незавершенного двухтомника Н.К. Шильдера, научно-популярных по сути книг М.А. Полиевктова и А.Е. Преснякова ¹ — на протяжении 75 лет (до 2001 г.) отечественная историография не пополнилась ни одной книгой о Николае I, если не считать изданной в русском зарубежье публикации Н.Д. Тальберга ² и десятка изданий зарубежных авторов,

Выходков Леонид Владимирович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: l.vyskochkov@spbu.ru.

Vyskochkov Leonid V. — doctor of historical sciences, professor of the St. Petersburg State University. E-mail: l.vyskochkov@spbu.ru.

в частности, Поля Лакруа, Теодора Шиманна, Константина Грюнвальда, Виктории Сливовской, Уильяма Пинтнера, Брюса Линкольна, Анри Труайя, Ричарда Уортмана ³. Казалось, о чем писать, когда «и так все ясно».

Тем не менее, на протяжении двух последних десятилетий началось трудное переосмысление личности «малосимпатичного монарха» (Н.Я. Эйдельман). Вышли в свет разноплановые, содержащие разные оценки книги ⁴. Но, как это часто бывает, появился соблазн и некоторой идеализации образа Николая I. Новые исследования внутренней и внешней политики, а также публикации мало известных источников, включающих переписку и записные книжки Николая Павловича ⁵, позволяют не столь однозначно представить императора, собственное имя которого последний раз в русской истории дало название периоду его правления. Он стал называться «Николаевской эпохой». Более подробные сведения об источниках и литературе в контексте рассматриваемой темы можно найти в библиографическом справочнике Ю.А. Кузьмина, посвященном Императорской фамилии, и указателе литературы о государственных деятелях России под редакцией А.А. Либермана ⁶.

Прежде всего, необходимо, по возможности, отбросить личные симпатии и антипатии и за многочисленными стереотипами разглядеть человека, понять личность самодержца, далеко не ординарного, а самого значительного и масштабного из русских государей последнего столетия Российской империи. Каковы были характер, взгляды, увлечения и склонности императора, характеризующие его личность и составившие его психологический портрет? Именно этим аспектам посвящена данная работа.

Для понимания формирования мировоззрения будущего императора весьма важно проанализировать его раннее сочинение «Похвальное слово Марку Аврелию». Эта ученическая работа была датирована 24 января 1813 года. Тогда юноше шел семнадцатый год (он родился в Царском Селе 25 июня / 8 июля 1796 г.). Сочинение представляет собой важный источник для изучения его исторических взглядов и предпочтений. Николаю понравилось назидательное произведение французского писателя Антуана Тома, тем более что он уже имел представление о римском императоре-стойке Марке Аврелии (121—180 гг.) из уроков истории.

Свое отношение к оценке правления Марка Аврелия, его качеств, как императора и человека, великий князь выражает в начале письма к своему учителю древних языков и морали Ф.П. Аделунгу: «Милостивый государь! Вы доставили мне удовольствие прочесть на одном из ваших дополнительных уроков похвальное слово Марку Аврелию, соч. Тома; этот образчик возвышенного красноречия принес мне величайшее наслаждение, раскрыв предо мною все добродетели великого человека и показав мне в тоже время, сколько блага может сотворить добродетельный государь с твердым характером» ⁷. Далее он цитирует французского писателя: «Для выполнения таких обязанностей нужно было бы, чтобы взор государя мог обнять все, что совершается на огромнейших расстояниях от него, чтобы все его государство было сосредоточено в одном пункте пред его мысленным оком. Нужно было бы, чтобы до его слуха достигали все стоны, все

жалобы и вопли его подданных; чтобы его сила действовала так же быстро, как и его воля, для подавления и истребления всех врагов общественного блага. Но государь так же слаб в своей человеческой природе, как и последний из его подданных»⁸.

Понятие «общественного блага» — основополагающее в философии «просвещенного абсолютизма». Истоки его восходят к античности, но сформулировано оно позднее Томасом Гоббсом. Фундаментальное понятие Века Просвещения — понимание необходимости сочетания «частного блага с общим», что характерно не только для Н.М. Карамзина, с которым Николай Павлович особенно сблизился в период междоусобицы, незадолго до кончины историографа, но и для императора. В 1826 г., давая разрешение Е.П. Потёмкиной, урожденной княжне Трубецкой, сестре С.П. Трубецкого, на свидание с братом, он написал: «Желаю, чтобы Вы убедились, как тяжело для меня быть вынужденным на такие меры, которые при всей пагубности их в виду **общаго блага** (выделено Николаем I. — Л.В.) погружают в отчаяние целые семейства; мне кажется, что сам не менее заслуживаю сожаления...»⁹ Граф П.Д. Киселёв вспоминал: «Государь любил повторять, что без принципа власти нет общественного блага, что это значит исполнять долг, а не пытаться завоевать популярность слабодушием, что народами следует управлять, а не заискивать перед ними, что любовь должна приобретаться благодаря справедливости, что царь, угодничающий перед толпой, в конце концов неизбежно вызывает безразличие, а потом и презрение»¹⁰.

Долг — другой основополагающий принцип жизненного кредо Николая Павловича. По аналогии с известным героем рассказа А.П. Чехова «Человек в футляре», Николая Павловича можно назвать «человеком в мундире». Его обвиняли в мундиромании, в том, что он «старался всю Россию всунуть в мундир». Доля истины в этих высказываниях несомненно присутствует. Человек в мундире, будь то военный служащий, чиновник или хотя бы дворянин в губернском дворянском мундире, воспринимался Николаем Павловичем как живой человек России, а честь мундира была для него не пустым звуком. Он был исключительно требователен к себе, рассматривая свою деятельность как «службу», хотя правильнее это было бы назвать служением России.

В древнегреческих мифах о братьях-титанах рассказывается, как Прометей украл для людей огонь, дал им знания, научил искусствам и ремеслам, сделал счастливее жизнь на земле. Но разгневанный Зевс решил наказать людей. По его приказу, Гефест сделал из глины прекрасную девушку, которую Зевс оживил. Афродита дала ей неотразимую прелесть, Гермес — хитрый ум и изворотливость, дочь Зевса Афина-Паллада выткала для нее прекрасную одежду. Пандора («одаренная всеми») получила в качестве приданого и подарок Зевса — сосуд (ларец, сундук), который нельзя было открывать. Эпиметей, брат Прометея, согласился, выполняя волю Зевса, взять ее в жены. Любопытная Пандора тайно открыла сосуд. Разлетелись по всей земле те беды, которые были в нем заключены. Эпиметей страдал, но исполнил свой долг так, как его понимал. Единственной для него полезной вещью в сундуке Пандоры оказалась некая стоическая мудрость, чувство ответственности.

По сравнению с психотипом «Прометей» (дух научного поиска), «Дионис» (свобода и импульсивность), «Аполлон» (самодостаточность, стремление быть самим собой), «люди этого типа, — пишут об «Эпиметее» психологи, — обладают высоко развитым чувством ответственности; они склонны поддерживать иерархические отношения в системе, где им приходится работать. Им хорошо понятны механизмы взаимоотношений начальник-подчиненный, причем они могут одинаково успешно действовать в обеих ролях». Чувство долга является преобладающим для людей этого типа. Как правило, без труда решая бытовые проблемы в житейских ситуациях, люди такой личностной ориентации стараются занять какой-нибудь пост, должность, всячески повышая затем их значимость и одновременно укрепляя свой авторитет. Чем бы они ни занимались, для них характерны бережливость, стремление сохранить накопленное для потомков. Одновременно это «летописцы общества, они не только пишут историю, но и преподают обществу уроки истории». Решая традиционную проблему, соотношения в обществе свободы и равенства, когда с ростом свободы уменьшается равенство, а чрезмерное стремление к равенству-нивелированию ограничивает свободу, «лидер типа Эпиметей, ощущая себя инстинктивно знающим истину», пользуется этим, «рассматривая иерархию (неравенство) как единственный путь к свободе»¹¹.

Не смешивая характер (то есть модель поведения человека) с темпераментом, отметим три наиболее распространенные модели человеческого поведения, в которых проявляется личность. Сама по себе личность индивидуальна и не может быть предметом типизации. Первый психологический тип характеризуется преобладанием когнитивных (познавательных) функций, связанных с развитием интеллекта, — это «мыслитель». Второй тип — аффективный (чувственный), для которого непосредственную ценность представляет общение с людьми, — это «собеседник». Наконец третий тип, которому наиболее соответствует реконструкция личности Николая Павловича, — это «практик» с преобладанием практических (преобразующих мир) ценностей, склонностью руководить людьми или производственными процессами, обладающий умением и готовностью принимать решения, но порой эмоционально не сдержанный¹². К этому типу часто относятся физически хорошо развитые люди мощного телосложения — «атлетики», к которым, несомненно, относился Николай Павлович при его росте 189 см¹³, способный выносить физические перегрузки, прекрасный наездник, по утрам вместо зарядки, выполнявший упражнения с ружьем.

Психологическую характеристику императора имеет смысл рассмотреть в системе типологии, разработанной современными психологами. В соответствии с Индикатором типов Майерс-Бригге (МВТИ) Николай Павлович был человеком, сочетавшим наиболее характерные черты сенсорного (S) и решающего типа (J)¹⁴. К сенсорному типу относятся люди, склонные к практической деятельности. Они предпочитают конкретные ответы на вопросы, находят более привлекательной ту работу, которая дает осязаемые результаты, охотнее имеют дело с фактами и цифрами, нежели с теориями и идеями. Это люди, не признающие фантазии, читающие тексты подряд, а не выборочно и т.д. Для решающего типа характерны одержимость идеями

порядка вплоть до мелочей, составление перечня дел, неукоснительное следование плану, умение все разложить по полочкам, желание доводить всегда дело до конца, нелюбовь к неожиданностям, следование раз и навсегда установленному распорядку дня. Именно эти психологические особенности — педантизм в делах и постоянство в привычках — были характерными чертами Николая Павловича.

Практические склонности обнаружились у Николая еще в школьном возрасте. Из гуманитарных предметов он выделял только историю как науку жизни, содержащую описание деяний великих государей, предпочитая гуманитарным знаниям точные науки, рисование, черчение, инженерное дело. У братьев Николая и Михаила, воспитывавшихся вместе, индивидуальные черты проявились уже в детстве. Великие князья с малых лет стали шефами гвардейских полков, играли в оловянных солдатиков, строили в саду крепости. Будущий генерал-инспектор по инженерной части Николай крепости возводил, а младший брат Михаил, (будущий генерал-фельдцейхмейстер; шеф артиллерии) разрушал. Николай был более строптив, вспыльчив, упрям, и ему доставалось больше от наставника генерала М.И. Ламздорфа. Он наказывал линейкой, а в ярости, случалось, ударял мальчика об стену¹⁵. Сам Николай Павлович вспоминал: «Меня часто, и я думаю не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко гр. Ламздорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков»¹⁶. Впрочем, зла на своего бывшего наставника Николая Павлович не держал и вместе с братом присутствовал затем на его похоронах. Уважение к учителям, привязанность к окружающим людям — характерные черты Николая Павловича.

Домашнее образование в императорской семье дало свои результаты. Николай обладал прекрасной памятью, в том числе зрительной, и «даром языков»¹⁷. Великий князь владел французским, немецким, английским, понимал, как он утверждал, и по-польски. Неприязнь к древним языкам (древнегреческому и латинскому) можно объяснить его практическим складом ума (это роскошь, в то время как французский — жизненная необходимость). В целом образование под патронажем Марии Фёдоровны (на уровне сначала общеобразовательного, затем университетского курса), было весьма противоречиво, не хватало определенной системы. Вопреки существующим стереотипам, при всех недостатках обучения, о которых писал и сам Николай, он, несомненно, обладал знаниями на уровне образованных людей своего времени. Киселёва, занимаясь темой «царской педагогики» и изучив ученические тетради Николая (их сохранилось 54), обоснованно делает вывод о его хорошем образовании¹⁸. Можно добавить, что некоторые современники, например маршал Мармон, прибывший во главе французской делегации на коронацию Николая I в 1826 г., даже считали, что «Николай получил прекрасное образование»¹⁹.

Страницы недавно опубликованных дневников великого князя Николая Павловича за 1822—1825 гг. заполнены упоминаниями о занятиях, которые, казалось бы, в представлении многих несовместимы с образом будущего императора и свидетельствуют об известном артистизме его натуры. Это музицирование, рисование, участие в домашних спектаклях, встречи с артистами и художниками, посе-

щение театров и музеев. В его самообразовании большую роль играло чтение мемуарной и художественной литературы.

В записных книжках Николая Павловича чуть ли не каждый день (или через день) отмечено «читал» или «читал вслух» (в отличие от «читал бумаги»), то есть читал книги ²⁰. В некоторых случаях упоминаются названия произведений и их авторы. Это труды экономиста Фернандо Галиани, мемуары Лозена (генерала Армана Луи де Гонто герцога де Лозена), «Осада Сарагоссы» (вероятно, публикация под этим названием в журнале «Сын Отечества» за 1821 г.), «Бедствия Наполеона», «История карбонариев» ²¹. В круг чтения Николая входили также французские и немецкие газеты. В целом можно говорить о регулярном чтении, которым Николай Павлович в основном занимался в вечерние часы. Наметившееся в юности увлечение историей осталось у императора и в зрелом возрасте. Из зарубежных историков он больше всего уважал А. Тьера, из русских — М.Т. Каченовского (как издателя) и Н.М. Карамзина. Позднее Николай Павлович признавался графу П.Д. Киселёву, что мало читает: «У меня нет времени, но я все же нахожу его, чтобы почитать Тьера. Выбранный им сюжет и то, как он его преподносит, заставляет меня предпочесть его всем серьезным трудам, которые мне присылают. Я всегда с нетерпением ожидаю следующего тома. В промежутках тешу себя чтением Поля де Кока и “Journal des Debats”, я читаю его уже 40 лет» ²². Именно у Адольфа Тьера Николай Павлович нашел наиболее правдивое описание убийства своего отца Павла I. Чтение периодики (французской и немецкой) позволяло следить за политической жизнью в Европе. Были у Николая Павловича и свои любимые писатели, в том числе и для семейного чтения. Прежде всего, это Вальтер Скотт, Франсуа де Шатобриан и Жермена де Сталь ²³. Позднее Николай Павлович зачитывался произведениями Поля де Кока, хотя к ним в большей степени тяготел его брат Михаил Павлович. Но, пожалуй, особенно он любил вполне социального, хотя и несколько сентиментального, писателя, рисующего жизнь парижского «дна», Эжена Сю. Его роман «Парижские тайны» (1842—1843) он читал вслух, и при чтении на его глаза наворачивались слезы ²⁴. Сразу после публикации во Франции он прочитал и другой его социально-авантюрный роман «Вечный жид» (1844—1845) ²⁵. Новейшие произведения русской и иностранной литературы «озвучивались» в «вечерних собраниях» императрицы, когда не было музыки. Обширной, около тысячи томов на разных языках, была библиотека в петергофском Коттедже. В ней были широко представлены произведения писателей романтического направления: Дж. Байрона, Т. Мура, Ф. Купера, В. Гюго, Ф. Шиллера, И.В. Гёте, В. Скотта, а из русских — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.И. Лажечникова, В.Ф. Одоевского. Для консультаций у него всегда «под рукой» были библиотекарь К.И. Седжер и наставник детей В.А. Жуковский.

В дневниках около 200 раз коротко отмечено «рисовал». Занятия рисунком у Николая Павловича были регулярными и не прекращались во время вояжей и военных маневров. В детстве эти занятия соответствовали его наклонностям к рисованию и гравированию, которое стало любимым занятием и Марии Фёдоровны. Его учителями были И.А. Акимов, В.К. Шебуев, оказал влияние на Николая-худож-

ника и А.И. Зауервейд. Вместе со всеми прочими материалами, связанными с династией Романовых, рисунки Николая I отложились в составе Государственного архива Российской Федерации. Это фонды Библиотеки Зимнего дворца (ф. 728) и Николая I (ф. 672). В каталоге «Рисунки членов российской императорской фамилии», по фондам ГА РФ, в общей сложности учтено 293 рисунка²⁶. Некоторые из них ранее были опубликованы в каталоге выставки «Урок рисования» в 2006 году²⁷. Второй по численности коллекцией рисунков Николая Павловича обладает ГМЗ «Павловск». Очень часто — это рисунки-шаржи, и свидетельствуют они об определенных успехах великого князя в области вошедшей в моду карикатуры, причем, свои навыки он сохранил и в зрелые годы²⁸. Одно из наблюдений точности и наметанности глаза Николая Павловича приводится в воспоминаниях М.Ф. Каменской со слов ее отца вице-президента Академии художеств Ф.П. Толстого. Именно в его рисунке Николай Павлович однажды удачно подправил карандашом позу воина, чтобы нога стала выглядеть естественно²⁹.

Личные художественные пристрастия Николая Павловича и Александры Фёдоровны проявились в убранстве интерьеров петергофского Коттеджа. Среди любимых русских художников у Николая Павловича, судя по его коллекциям и отзывам современников, были И.К. Айвазовский, Карл Брюллов, М.Н. Воробьёв, А.И. Ладурнер, П.Ф. Соколов, а из иностранных — Франц Крюгер (портреты-эталон Николая I) и Орас Верне («Царскосельская карусель», 1843). Новым в деятельности Николая Павловича было перемещение центра тяжести при формировании коллекций на приобретение произведений русского национального искусства. В 1828 г. Академия художеств, находившаяся с 1812 г. в составе Министерства народного просвещения, вошла в состав Министерства Императорского двора, что улучшило ее финансирование. Главная цель Императорской Академии художеств определялась «во-первых, в возведении на возможную степень совершенства Художеств в России, и, во-вторых, в образовании художников искусных в своем деле». В преамбуле нового Устава 1830 г. говорилось: «Мы всегда убеждены были, что Изящные искусства достойны монаршего покровительства и ободрения»³⁰.

Императора традиционно изображали как некомпетентного правителя тоталитарного типа, рисуящим фигурки солдат на полотнах старых мастеров, или распродающим картины Императорского Эрмитажа на аукционе, как об этом писал историк искусства Н.Н. Врангель в 1913 г.³¹, а за ним все, кто касался этой темы (включая автора данных строк). На самом деле, упомянутый аукцион состоялся не в 1854, а в 1855 г., в начале царствования Александра II³². Но тот же Врангель, рассказывая о создании в 1850—1852 гг. Нового Эрмитажа, был вынужден признать: «Неустанная, упорная и трогательная забота его об устройстве Эрмитажа и грандиозные суммы, затраченные им для образования и пополнения этого музея, также заслуживают вечной признательности. Император, несомненно, любил искусство, любил его по-своему и, если отбросить его личные заблуждения и ошибки, свойственные его эпохе, все же основанный им музей составляет громадного значения вклад в нашу культуру»³³.

«Коронованный барабанщик», виртуозно исполняющий на барабане военные команды и чуть ли не вызывающий министров на прием ударом в барабан, — еще один стереотип восприятия образа императора. На самом деле, Николай Павлович обладал музыкальным слухом, хорошим голосом, пел народные песни, подпевал во время службы на клиросе. Кроме того, на страницах его записных книжек очень часто встречается слово «музицировал»³⁴. Он учился играть на фортепиано и клавесине. Судя по всему, он даже добился каких-то успехов. В дневнике от 29 марта (10 апреля) 1823 г. записал: «Гатчинский вечер..., концерт на кларнете Бреннера, приехавшего из Мюнхена [нрзб], аккомпанировал ему на клавесине»³⁵. С именем великого князя связано распространение в русской армии военных духовых оркестров, которые пришли на смену глубоко уходящим в крепостную традицию роговым оркестрам. На страницах дневников Николая Павловича упомянуты «музыка и трубы драгун», «музыка саперов», но чаще всего — «музыка Измайловского» или, в другом месте, — «кисло-сладкая музыка Измайловского»³⁶. Музыка Измайловского полка на мотив народного силезского танца «лендер» звучала под окнами Александры Фёдоровны в день ее рождения. Под эту музыку Николай Павлович и принцесса Шарлотта танцевали в день своей помолвки в Берлине 23 октября (4 ноября) 1815 года. Запись от 3 (15) октября 1823 г.: «...пробовал с музыкантами Измайловского новые Варшавские марши...»³⁷ Духовые инструменты, на которых он играл, — труба и флейта³⁸. В записи от 19/31 марта 1823 г. встречается каламбур, с помощью которого описан другой любившийся ему музыкальный инструмент: «...корнет на новом свистковом корнете...»³⁹ Малоизвестный тогда в России корнет-а-пистон представлял собой укороченную медную трубу, снабженную поршневым механизмом. В звуковом отношении он напоминал тон почтового рожка. Судя по всему, именно корнет-а-пистон стал основным духовым инструментом, который Николай Павлович в дальнейшем использовал, принимая участие в домашнем музицировании в кругу семьи.

Другим увлечением юности, сохранившимся и в зрелые годы, был театр, домашние постановки в Аничковом дворце. Апофеозом стало участие Николая Павловича и Александры Фёдоровны в грандиозном театральном представлении на восточный сюжет по пьесе английского поэта-романтика Томаса Мура «Лалла Рук» во время их пребывания в Берлине в 1822 году. В 123 ролях пьесы участвовали принц Вильгельм, различные немецкие принцы, принцессы, знатные гости. Главными исполнителями были Александра Фёдоровна в роли Лаллы Рук и Николай Павлович в роли Алириса, жениха Лаллы Рук, скрывающегося во время путешествия под видом поэта. Костюм Николая Павловича, придуманный им самим, состоял из голубого кафтана и широкого пояса, желтых восточных туфель и зеленой чалмы⁴⁰. Праздник состоялся в Большом королевском дворце 27 января 1821 г., повторное представление было дано 11 февраля для 3 тыс. берлинцев в новом театре. Большое впечатление игра двадцатитрехлетней Александры Фёдоровны произвела на В.А. Жуковского и ранее равнодушного к своей ученице. Он даже начал в апреле 1821 г. создавать предназначенный для нее рукописный журнал «Лалла Рук», перевел несколько поэм Томаса Мура и написал два стихотворения

под названиями «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лаллы Рук». В первом из этих стихотворений появилась строфа, ставшая знаменитой в русской поэзии: «Гений чистой красоты»⁴¹. Это стихотворение, широко известное в рукописных списках, впервые было опубликовано в 1827 году. Выражение «гений чистой красоты» было повторено затем А.С. Пушкиным в стихотворении, посвященном А.П. Керн⁴². Отныне, к поэтическому псевдониму императрицы Александры Фёдоровны «Белый цветок» в честь любимых ею белых роз добавилось широко известное в придворном кругу «Лалла Рук». Именно ее имел в виду и Пушкин в черновой строфе восьмой главы «Евгения Онегина», создававшейся осенью 1824 — весной 1825 г., когда в зал во время бала «Подобно лилии крылатой, колеблясь входит Лалла Рук»... Этот маскарадный костюм Александры Фёдоровны был одним из ее любимых и его хорошо знали в обществе. Участие в театрализованном представлении выражало уже сложившееся отношение к театру. Посещение театра было любимым занятием Николая Павловича и Александры Фёдоровны. Как отмечал Ф.И. Шалапин, в своих мемуарах, опираясь на театральные предания, ни один император не был ближе к театру, чем Николай I. Причем, опять же вопреки распространенному в историографии мнению, ему нравились не только французские водевили. Николай I хорошо понимал идеологическую составляющую театральных постановок, его любимыми пьесами, по воспоминаниям артиста Ф.А. Бурдина, были «Горе от ума» и «Ревизор»⁴³. При Николае I значительно увеличилось количество театральных площадок: в Санкт-Петербурге строились Александринский и Михайловский театры, был реконструирован Эрмитажный. Способствовал он и деятельности постоянной итальянской оперной труппы в С.-Петербурге (с 1843 г.). Различные музыкальные номера с приглашением артистов разыгрывались во время «вечерних собраний» у Александры Фёдоровны.

По своему темпераменту Николай Павлович был вспыльчивым, но отходчивым человеком, несколько романтично-сентиментального склада. Он открыто проявлял чувства, не сдерживая себя, часто целовал людей, плакал во время душевных потрясений, был очень смешлив. Великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Папа́ часто после прогулки пил чай у Вареньки (В.А. Нелидовой. — Л.В.); она рассказывала ему анекдоты, между ними и такие, какие никак нельзя было назвать скромными, так что Папа́ смеялся до слез. Однажды от смеха его кресло опрокинулось назад. С тех пор кресло это стали прислонять к стене, чтобы подобного случая не повторилось»⁴⁴.

О нравственных качествах Николая Павловича публицисты и историки высказывали полярно противоположные мнения. О «бездушии» императора писал А.И. Герцен⁴⁵. А вот по свидетельству мемуаристки М.А. Цебриковой (дочери вице-адмирала А.Р. Цебрикова, племянницы декабриста Н.Р. Цебрикова), ее отец считал Николай Павловича «образцом великодушия и справедливости»⁴⁶. Действительно, Николай Павлович не был чужд сострадания на бытовом уровне. Он не раз оказывал beneficia, помог, в частности, погорельцам на Васильевском острове в 1831 году⁴⁷. Мог гуманно отпустить домой двух офицеров-англичан с парохода-фрегата «Тигр» во время Крымской войны⁴⁸, или подарить шинель нуждающемуся учителю⁴⁹,

неоднократно освобождать от ссылки в Сибирь за «дерзкие выражения против государя» пьяных крестьян⁵⁰. При дорожной аварии под Чембаром в 1836 г., когда он получил травму (сломав ключицу), Николай Павлович настоял, чтобы первую медицинскую помощь оказали пострадавшему более него лакею.

Николай Павлович был человеком своего времени и по-своему заботился о солдатах, хорошо зная их повседневные нужды, о чем имеется масса свидетельств. Положительные отзывы о Николае I современников на порядок превосходят неблагоприятные или отрицательные. Но вся последующая историография опиралась на подборку одних и тех же цитат одних и тех же людей, например, на высказывание бывшего солдата, который в 1886 г. повстречался в пути Л.Н. Толстому⁵¹. Именно тогда появился ставший хрестоматийным образ Николая I как «Николая Палкина». Справедливости ради нужно добавить, что этот очерк не был завершен Толстым и название ему «Николай Палкин» он не давал. Под этим названием впервые очерк был опубликован за границей, а в полном собрании сочинений писателя название заключено в квадратные скобки. Сам Толстой впоследствии, по свидетельству А.Ф. Кони, считал главу о Николае I в повести «Хаджи Мурат» «неоконченной и даже хотел вовсе ее уничтожить, опасаясь, что внес в описание нелюбимого им монарха слишком много субъективности в ущерб спокойному беспристрастию»⁵².

Естественно, было бы неверно представлять Николая Павловича ангелом во плоти. Его вспыльчивость и жесткое обращение с офицерами, мелочные придирки бросались в глаза и не способствовали повышению авторитета великого князя в гвардии накануне междуцарствия (норовская или иначе виленская история 27 февраля 1822 г. в Л.-Гв. Егерском полку). Неопределенность статуса великого князя в связи с шахматной партией Александра I в отношении престолонаследия приводила к нервным срывам. В записных книжках за 1822—1823 гг. сам Николай Павлович зафиксировал три случая собственного рукоприкладства по отношению к нижним чинам: 8 мая 1822 г. бил палкой пьяного солдата Л.-Гв. Измайловского полка («ломаю палку, поступил очень плохо...»), 13 июня 1822 г. в Аничковом дворце «ударил кулаком камердинера Гримма...», а 27 марта 1823 г. во время учения батальона Измайловского полка «сломав подаренную Ангелом (Александром I. — Л.В.) шпагу, колотя ножами Афанасьева из I-й роты...»⁵³ Став императором, он негласным распоряжением ограничил максимальное количество шпицрутенгов. Апогей их применения, на самом деле, приходился на предшествующее «Аракчеевское десятилетие» при Александре I. Император Николай Павлович также иногда выходил из себя, мог обозвать подчиненного дураком (потом извиниться запиской) или загнать командира корабля в качестве наказания на салинг (верхняя смотровая площадка на мачте).

Другим отрицательным качеством Николая Павловича была излишняя самоуверенность. Подобно Петру I, который был для него образцом для подражания, он считал себя сведущим в морском деле и, судя по всему, в его основах разбирался⁵⁴, но был излишне самоуверен. Один из самых характерных случаев связан с судном «Россия». Этот 120-ти пушечный корабль (вооруженный 128 орудиями)

был построен с некоторыми изменениями в плане «по высочайшей воле» в 1839 году⁵⁵. За его громоздкость и неуклюжесть моряки называли его «коровой». Однажды император, взяв рупор, стал лично командовать рискованным для остойчивости корабля поворотом. Командир «России» В.А. Шпеер заранее подстраховался и шепотом передавал свою команду через стоящего позади него экипажного адъютанта. Команда знала, что делать, и маневр кончился благополучно. Обращаясь тогда к А.С. Меншикову, известному своими меткими словцами, Николай Павлович с некоторой рисовкой сказал: «Морского дела не изучал, а Россию повернуть могу»⁵⁶.

Николай Павлович называл себя государем-консерватором, не отрицая необходимость реформ сверху, но самоуверенность, возросшая после подавления Венгерского восстания, игнорирование опоры на общество, бюрократизация государственного аппарата, косность дворянства, неблагоприятная международная обстановка не позволили ему полностью осуществить задуманное. В 1912 г. либеральный историк А.А. Корнилов в своем курсе истории России XIX в. сделал неожиданный вывод: «Подводя итоги этому замечательному тридцатилетию, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма». Впрочем, добавил он, «...если бы Карамзин пережил царствование Николая, то должен был бы признать, что опыт осуществления его системы сделан, и вместе с тем должен был бы убедиться, к чему эта система неизбежно приводит в такой обширной, мало населенной и быстро развивающейся стране, как Россия»⁵⁷.

Но и это не вся правда. Николай I сделал выводы из «уроков декабря»⁵⁸. Это было не только понимание необходимости выступить в роли «укротителя революций» (Н.К. Шильдер) и возвращения к национальным истокам, но и необходимости социально-экономических реформ. Он был не реакционером, а «консерватором с прогрессом». Как показывают новейшие исследования, царствование Николая I явилось не периодом застоя, а временем развития производительных сил, подготовки отмены крепостного права и других великих реформ после очистительной Крымской грозы.

Примечания

1. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Николай Первый: Его жизнь и царствование. СПб. 1903; ПОЛИЕВКТОВ М.А. Николай I: Биография и обзор царствования. М. 1918; ЕГО ЖЕ. Николай I: Биография и обзор царствования. М. 1918; ПРЕСНЯКОВ А.Е. Николай I: Апогей самодержавия. Л. 1925.
2. ТАЛЬБЕРГ Н.Д. «Человек вполне русский» (Император Николай I в свете исторической правды). В кн.: Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Т. 1. М. 2000, с. 278—399.
3. LACROIX P. Histoire de la vie et du regne de Nicolas I-er, Empereur de Russie, par Paul Lacroix. Paris. 1864—1873; SCHIEMANN T. Geschichte Ruslands unter Kaiser Nicolaus I. Bd. I—IV. Berlin. 1904—1919; GRUNWALD C. La vie de Nicolas I-er. Paris. 1946; SLIWOWSKA V. Wictoria. Mikolaj I i jego czasy, 1825—1855. Warszawa. 1965; PINTNER W. Russian economic policy under Nicholas I. New York. 1967; LINCOLN W. Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russians. London. 1978;

- TROYAT H. Nicolas I-er. Paris. 2000; WORTMAN R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. Vol. I. 1994. (Пер.: УОРТМАН Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М. 2002, с. 325—543).
4. БОХАНОВ А.Н. Николай I. М. 2008; ТЮРИН А. Правда о Николае I: Оболганный император. М. 2010; ОЛЕЙНИКОВ Д.И. Николай I. М. 2012; ЛЯШЕНКО Л.[М.] Николай I. Случайный император. М. 2013; ПАШКОВА Т.Л. Император Николай I и его семья в Зимнем дворце. СПб. 2014.
 5. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822—1825. М. 2013; Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М. 1999; Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838—1839. М. 2008.
 6. КУЗЬМИН Ю.А. Российская императорская фамилия. 1797—1917: Биобиблиографический справочник. СПб. 2005, с. 283—287; Государственная власть дореволюционной России в биографиях ее представителей (XIX — начало XX в.): Указатель трудов, литературы о жизни и деятельности. Ч. 1 (1801—1855). СПб. 2001, с. 320—411.
 7. Великий князь Николай Павлович. Сочинение о Марке Аврелии. В кн.: Николай I: Pro et contra. Антология. СПб. 2011, с. 65.
 8. Там же, с. 67.
 9. Письмо Николая Павловича к графине Елизавете Петровне Потёмкиной, 4 апреля 1826 г. — РА.1872, кн. 1, стлб. 426.
 10. Записка графа Киселёва о государе Николае Павловиче. В кн.: Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000, с. 528.
 11. ОВЧИННИКОВ Б.В., ПАВЛОВ К.В., ВЛАДИМИРОВА И.М. Ваш психологический тип. СПб. 1994, с. 52—53, 57.
 12. ОБОЗОВ Н.Н. Типы личности, темперамент и характер (Методическое пособие). СПб. 1995, с. 4.
 13. Подсчитано по: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. — Исторический вестник. 1887, т. 30, № 10, с. 49.
 14. КРЕГЕР О., ТЬЮСОН Дж.М. Типы людей: 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М. 1995, с. 53, 60.
 15. КОРФ М.А. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования: Рождение и первые двадцать лет его жизни (1796—1817). — Сборник исторического общества (Сб. РИО), 1896. т. 98, с. 27; КАРНОВИЧ Е.[П.] Император Николай I: Его царствование и черты характера в рассказах, анекдотах и отзывах современников. СПб. 1897, с. 10.
 16. Записки Николая I. В кн.: Николай I: Муж. Отец. Император, с. 38.
 17. ТЮТЧЕВА А.Ф. Дневники (Фрагменты). В кн.: ТЮТЧЕВА А.Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. М. 1990, с. 39.
 18. КИСЕЛЁВА Л. Мифы и легенды «царской педагогики»: случай Николая I. В кн.: История и повествование: Сб. статей. М. 2006, с. 165.
 19. Цит. по: АНСЕЛО Ф. Шесть месяцев в России: Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронавания Его Императорского Величества М. 2001, примечания, с. 244.
 20. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822—1825, с. 24, 59, 87, 109, 122, 164, 167—169, 175, 181—182, 184, 198, 207, 224, 238, 244, 271—272, 520, 556, 591, 624, 638, 654, 667, 661, 663, 666, 679 и др.
 21. Там же, с. 26—28, 30, 32—34, 36, 41, 43—44, 46, 48, 51, 54 и др.
 22. Записка графа Киселёва о государе Николае Павловиче, с. 525.
 23. ЯКОВЛЕВ С.П. Императрица Александра Фёдоровна: Биографический очерк. М. 1866 (обложка 1867), с. 25, 37.
 24. Там же, с. 14.
 25. СМИРНОВА-РОССЕТ А.О. Дневник, с. 11, примечания, с. 637.
 26. Рисунки членов российской императорской фамилии: Изобразительные материалы XIX — начала XX века. Каталог собрания. I. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) СПб. 2012, с. 24—33; 131—155.

27. Урок рисования. Каталог выставки. СПб. 2006, л. 6—7.
28. СИДОРОВА М.В. Литвин А.А. Рисунки-шаржи императора Николая I. В кн.: Курьез в искусстве и искусство курьеза: материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб. 2008, с. 349—365.
29. КАМЕНСКАЯ М.[Ф.] Воспоминания. М. 1991, с. 156.
30. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. V, отд. II, № 4199. Высочайше утвержденное Прибавление к Установлению Императорской Академии художеств, с приложением штата. 1830, декабря 19, с. 519.
31. ВРАНГЕЛЬ Н.Н. Искусство и государь Николай Павлович. В кн.: Николай Первый: pro et contra, с. 644—656.
32. ТОЛМАЦКИЙ В.А. Антикварно-художественный рынок России. СПб. 2011, с. 71.
33. ВРАНГЕЛЬ Н.Н. Ук. соч., с. 651.
34. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822—1825, с. 133—134, 141, 165, 167, 169, 173—174, 177, 180—181, 187, 190, 197—198, 200—201, 215, 233, 290, 298, 321, 334, 340, 344, 347, 349, 355—357, 364, 367, 378, 381, 383 и др.
35. Там же, с. 102, 106—109, 132, 212.
36. Там же, с. 148, 154, 178, 433, 435, 654.
37. Там же, с. 288.
38. Там же, с. 103, 121.
39. Там же, с. 207.
40. БОЖЕРЯНОВ И.Н. Императрица Александра Фёдоровна, августейшая мать императора Александра II. СПб. 1914, с.182, 186
41. ЖУКОВСКИЙ В.А. Лалла Рук. В кн.: ЖУКОВСКИЙ В.А. Стихотворения и поэмы. Л. 1958, с. 295. Датировано 15 (27 января) — 7 (19) февраля 1821 г. См. также: Явление поэзии в виде Лаллы Рук. Там же, с. 297—298.
42. АЛЕКСЕЕВ М.П. Томас Мур и русские писатели XIX века. В кн.: АЛЕКСЕЕВ М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX века). М. 1982, с. 664—667, 794.
43. БУРДИН Ф.А. Воспоминание артиста об императоре Николае Павловиче. В кн.: Николай I: Pro et contra, с. 608.
44. Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825—1846. В кн.: Николай I: Муж. Отец. Император, с. 248—249.
45. ГЕРЦЕН А.И. Былое и думы. В кн.: ГЕРЦЕН А.И. Собр. соч. в 30 томах. Т. 8. М. 1956, с. 139.
46. ЦЕБРИКОВА М. Пятидесятые годы (Из воспоминаний о войне 1853—1855 гг.) — Вестник всемирной истории. 1901, № 12, с. 2.
47. 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704—1904. Историческое исследование. СПб. 1911, с. 427—428.
48. МОЛЧАНОВ А. Пленные англичане в России. — Исторический вестник. 1866, т. 23, № 1, с. 180—194.
49. КАРНОВИЧ Е.П. Император Николай I: его царствование и черты характера в рассказах, анекдотах и отзывах современников. М. 1897, с. 13.
50. КОРФ М.А. Записки. М. 2003, с. 153.
51. ТОЛСТОЙ Л.Н. [Николай Палкин]. В кн.: Полн. собр. соч. Т. 26. М. 1936, с. 555.
52. КОНИ А.Ф. Лев Николаевич Толстой. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. М. 1956, с. 735.
53. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822—1825, с. 57, 70, 211.
54. ГРЕБЕНЩИКОВА Г.А. Российский флот при Николае I: Документы, факты, исследования. СПб. 2014, гл. 2, с. 113—134 и др.
55. ЦЕБРИКОВА М. Ук. соч., с. 4; ВЕСЕЛАГО Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб. 1872, с. 66.
56. Там же, с. 5.
57. КОРНИЛОВ А.А. Курс истории России XIX века. М. 1993, с. 193.
58. АНДРЕЕВА Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX века: правительственная политика и общественное мнение. СПб. 2009, с. 709—759.

Неизвестные страницы биографии востоковеда А.Ю. Якубовского

Ю.В. Кривошеев

Аннотация. Публикация посвящена неизвестному эпизоду биографии крупного советского востоковеда, члена-корреспондента АН СССР А.Ю. Якубовского. Привлечение неопубликованных ранее архивных материалов позволяет существенно дополнить знания об «Академическом деле» 1929—1931 гг., по которому он был арестован, а затем признан невиновным.

Ключевые слова: советское востоковедение, «Академическое дело» 1929—1931 гг., следственное дело.

Abstract. The paper unveils the unknown episode in the biography of the famous Soviet orientalist and USSR Academy of Science Associate Fellow A.Y. Yakubovsky. Using unpublished archive materials amplifies knowledge about «Academic Case» (1929—1931). With regard to this case A.Y. Yakubovsky had spent some time in pre-trial detention before he was discharged.

Key words: soviet oriental studies, «Academic Case» (1929—1931), investigation case.

Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953) — крупный советский историк, археолог, этнограф, автор большого количества работ по различным проблемам Средней Азии (Узбекистана, Таджикистана) и Кавказа средневекового периода¹. Неоднократно обращался к тематике взаимоотношений Руси и монголов, в частности, совместно с Б.Д. Грековым написал книгу о русско-ордынских отношениях, выдержавшую четыре издания².

Якубовский был членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Сталинской премии 2-й степени, награждался советскими орденами и медалями. Занимал административные должности заведующего сектором Средней Азии и Кавказа ИИМК АН СССР, заведующего Среднеазиатским отделом Государственного Эрмитажа.

Однако в настоящее время его имя находится как бы в тени других ученых и организаторов науки советской эпохи. То же можно сказать и о его трудах, которые остаются мало востребованными за исключением указанной книги и статьи о Тимуре, в целом носящих научно-популярный характер³. Не

Кривошеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета. E-mail: kriwosheew@mail.ru.

Krivosheev Iurii V. — doctor of historical sciences, professor of the St. Petersburg State University. E-mail: kriwosheew@mail.ru.

существует и научной биографии Якубовского. О его жизненном пути можно узнать только из коротких сообщений энциклопедических изданий. Исключением является небольшой биографический фрагмент, написанный В.В. Трепавловым ⁴.

Сложилась нелепая историографическая ситуация, когда сведения о жизни и творчестве ученого мы можем черпать исключительно из некрологов. После его смерти (21 марта 1953 г.) вышли четыре некролога: в журнале «Вопросы истории», в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры» (в рубрике «Хроника», со «Списком печатных трудов А.Ю. Якубовского» за 1923—1953 гг., 91 название), в 1954 г. — в «Советской археологии», а в 1955 г. в Ташкенте Институтом истории и археологии АН Узбекской ССР были опубликованы «Труды Института истории и археологии» (вып. 7), в которых с посвящением «памяти Александра Юрьевича Якубовского» были напечатаны «Материалы по археологии Узбекистана», после которых следовал некролог.

Во всех указанных публикациях основное место занимали сведения о его пути в науке ⁵. При этом обычно указывалось на имевшие место теоретико-методологические «изъяны»: то как результат повторения неверных положений его учителя, знаменитого востоковеда, академика В.В. Бартольда о «положительной роли монгольского завоевания» ⁶, а также монголоведа, академика Б.Я. Владимирцова (о «кочевом феодализме») ⁷, то, вследствие влияния «школы М.Н. Покровского», который переоценивал «значение торгового капитала и торговли вообще в истории феодального общества Средней Азии» ⁸. При этом далее непременно отмечалось преодоление Якубовским этих заблуждений и ошибок, «в чем ему оказали огромную помощь изданные в 1934 г. постановления ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки» ⁹.

Последние абзацы, как правило, отводились его характеристике как человека и ученого. В некрологе «Вопросов истории» было написано, что «А.Ю. Якубовский был честным советским патриотом, талантливым ученым, неутомимым тружеником, незаурядным педагогом и прекрасным человеком. Он умел пробуждать в своих учениках, слушателях и всех окружавших его людях интерес к прошлому своей Родины, любовь к знанию, знанию не мертвому, покрытому пылью забвения, а живому, устремленному в будущее» ¹⁰.

Биографические данные приводилась краткие, обобщающие, и не всегда точные. Так, например, указывалось, что он был «уроженцем Узбекистана» ¹¹, а после окончания историко-филологического факультета Петербургского университета «работал в старших классах средней школы в качестве преподавателя истории» ¹². Отмечалось, что «с первых дней Октябрьской революции Александр Юрьевич вел большую политико-просветительскую работу, преподавал на рабочих факультетах», а «научная деятельность А.Ю. Якубовского началась в советское время» ¹³. Поступив в 1920 г. «экстерном на Восточный факультет Петроградского университета», в 1924 г. он «фактически получил второе высшее образование, работая под руководством видных русских востоковедов В.В. Бартольда, И.Ю. Крачковского, А.А. Ромаскевича и других». В 1925 г. начал трудиться в Академии истории материальной культуры, а затем в Эрмитаже, что и определило дальнейший «жизненный путь А.Ю. Якубовского» ¹⁴.

И, конечно же, совсем выпадал эпизод, связанный с привлечением ученого к так называемому «Академическому делу», что и понятно, ибо в начале 1950-х гг. говорить об этом было опасно. Материалы «Академического дела» стали широко известны чуть более двадцати лет тому назад. Оно рассматривалось органами ОГПУ в 1929—1931 годах. Следствием к нему были привлечены все крупнейшие отечественные историки того времени, не уехавшие за грани-

цу, в том числе С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачёв, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин. В целом по делу проходило более ста человек ¹⁵.

В архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области сохранилось следственное дело «научного работника» Якубовского, которое не опубликовано до настоящего времени ¹⁶. По каким-то причинам Якубовский был арестован одним из первых — 30 ноября 1929 г. на своей квартире в Ленинграде, в Демидовом переулке (на углу р. Мойки, вблизи Сенной площади) ¹⁷. Об этом свидетельствует «постановление о производстве обыска и задержания подозреваемого» и «ордер на производство обыска и ареста Якубовского Ал[ександ]ра Юрьевича» ¹⁸. В постановлении говорится о причинах его обыска и задержания: «гр[ажданин] Якубовский Александр Юрьевич подозревается в том, что состоит в нелегальной антисоветской организации» ¹⁹. В другом протоколе отмечено, что в результате обыска «взято для доставления в ПП ОГПУ в ЛВО... разная переписка Якубовского и членов его семьи» ²⁰.

Тогда же, 30 ноября, была заполнена «Анкета для арестованных и задержанных с зачислением за О.Г.П.У.» ²¹. Почерком Якубовского написана первая часть анкеты (вторая часть заполнялась «администрацией места заключения»). Арестованный писал черными чернилами, пером, буквы выходили с нажимом, что могло свидетельствовать о его знании арабского правописания. Во фразах и отдельных словах видны сбивчивость и неточность, видимо, от волнения и напряжения. Так, местом рождения указан Ленинград, но тут же следует поправка-дополнение: «с раннего детства Ташкент» ²². Вместо указания лет прописан год рождения. Вне графа вписаны данные о жене и теще ²³.

В графе об образовании Якубовский написал, что «окончил Ленинградский (прежде Петербургский) Ун[иверсите]т». Исчерпывающе приведены места работы с 1914 г. «по настоящее время» (то есть 1929 г.): «Был с 1914 г. по 1917 преподаватель гимназии, с 1917 г. по 1924 преподаватель трудшколы, с 1922 г. по 1929 г. преподаватель Рабфака ЭТИ, Государ[арственная] Академия Ист[ории] Матер[иальной] Культуры с 1925 г. по настоящее время, Госуд[арственный] Эрмитаж с 1928 г. с весны по настоящее время, Л.Г.У. с осени 1929 г.» ²⁴.

В анкете Якубовский также указал, что он беспартийный, на госслужбе не состоял, а «все время работал по найму», на средства от чего и жил. Он также сообщил, что не владел недвижимым имуществом, не был судим, в армии не служил ²⁵.

Протокол допроса, «произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО» от 3 декабря 1929 г. (первого и последнего), написан рукой следователя А.Р. Стромина, старшего уполномоченного Секретного Отдела, который вел и другие дела в рамках «Академического дела» ²⁶. Судя по тексту, допрос, скорее всего, происходил в таком формате: сначала следователь задавал вопросы, Якубовский отвечал, Стромин уточнял и потом своим крупным размашистым почерком записывал сказанное.

В первой (разделенной по пунктам) части протокола допроса есть ряд подробностей. Относительно происхождения Якубовского сообщается, что он — «сын б[ывшего] чиновника Министерства Финансов. Отец умер в Ленинграде в 1929 г.» Подробнее указан «род занятий: Служащий Академии Истории Материальной культуры (научный сотрудник I р[азряда]) и пом[ощник] хранителя Эрмитажа». Сведения о «семейном положении» повторяются, но с указанием возраста членов семьи: «Женат. Жена Ксения Владимировна Ползикова-Рубец — 39 л. Мать жены Ольга Николаевна Ползикова — 63 г. и сын жены от первого мужа Андрей Рубец — 11 л.» Какое-либо имущественное положение категорически отрицается: «Ничего не имел и не имею». Вновь подчеркивая, что он беспартийный, в графе «политические убеждения» ученый, аккуратно оговариваясь, отмечает: «Вполне сочувствую Коммунистической партии с 1918 [г.] (после выступления чехо-словаков)» ²⁷.

И далее уже повествовательным текстом идут биографические сведения, не прослеживаемые более ни в одной из известных публикаций. Вследствие важности и уникальности информации помещаем текст допроса полностью (пунктуацию и стилистику сохраняем):

«Родился в Ленинграде в семье чиновника Министерства финансов (отец был пом[ощником] кассира Государственного банка) и в детстве был перевезен в Ташкент, куда отец переехал для дальнейшей службы. У него были различные неприятности из-за принадлежности его к толстовскому движению.

В гимназические свои годы в гор[оде] Ташкент в 1905—[190]6 г. я примыкал к революционным кружкам молодежи без определенной партийной принадлежности. Приходилось выполнять некоторые поручения по печатанию эс-эровских прокламаций в кв[артире] эс-эра Михина и вообще по технике.

Приблизительно в ноябре 1906 г. в виду происшедших арестов в Ташкенте среди революционной части молодежи, я уехал за границу и жил около года в Женеве, где учился в Университете на Естественном ф[акультете] и продолжал поддерживать связи с русскими эмигрантами-революционерами.

В 1907 г. я вернулся в Россию в Ташкент, а затем переехал в Петербург для продолжения образования. В Университет меня приняли только в 1908 г. и один год я провел в Психо-Неврологическом ин[ституте]. Во время нахождения в Университете до 1913 г. я также поддерживал связь с революционной частью студенчества (эс-эрами), иногда скрывал у себя в квартире разыскиваемых полицией эс-эров, допускал в своей квартире разговоры на политические темы и т. д. Лично же я активно в партийной жизни не участвовал, официальной связи с партией не имел и считал себя только ее сочувствующим. Объясняется это тем, что примыкая к эс-эрам, я не разделял взгляды партии на крестьянский вопрос и придерживался постоянно классовых понятий.

По окончании Университета в 1913 г. я сразу же принял должность преподавателя истории в гимназии Лентовской, в которой работал непрерывно до революции, а затем когда она была превращена при Сов[етской] власти в Трудовую школу, я продолжал в ней работать до 1924 г.

Тогда я оставил работу в школе из желания уйти, во-первых, из-за чуждой мне враждебной сов[етской] власти группы преподавателей в школе (Андреевский, Герке), сделавших мне дальнейшее пребывание в школе тягостной, и во вторых из-за желания заняться востоковедением. Работу на Рабфаке в качестве преподавателя классово-борьбы я до сего времени продолжаю. В настоящее время, кроме перечисленных работ в Академии, Эрмитаже и Рабфаке, я читаю еще лекции в Университете по кафедре Востоковедения на отделении материальной культуры, состою секретарем разряда (Средней) Центральной Азии, председателем которого состоит Бартольд Василий Владимирович, а членами: акад[емик] Ольденбург, Елена Михайловна Пещерёва, Роман Романович Фасмер и Алексей Алексеевич Некрасов и состою членом коллегии Востоковедов при Академии Наук.

Родственных или других связей с заграницей не имею и не имел. За время моей работы в б[ывшей] школе Лентовской в нелегальной антисоветской группе не состоял и не знал о ее существовании.

Признаю, что, действительно совершил ошибку тем, что ушел из школы, оставив ее в плену идеологически вредно настроенных по отношению к Сов[етской] власти преподавателей и не обратил на это внимание советской общестственности»²⁸.

Насколько можно считать материалы допросов фигурантов «Академического дела» репрезентативными в качестве исторического источника? По этому

поводу у современных историков нет единого мнения²⁹. Не будем высказывать суждения в отношении показаний всех фигурантов — по нашему глубокому убеждению это можно будет сделать, только проведя археографический и источниковедческий анализ всего комплекса «Академического дела» и каждого персонального дела в отдельности. Что касается конкретных показаний Якубовского, можно со всей определенностью говорить, что они в большой степени правдоподобны и искренни. Как видно, он не скрывал самых «теневых» сторон своего жизненного пути. А это, в конечном итоге, привело лишь к тому, что его немного пожурили, заставив покаяться всего лишь в одном «грехе»³⁰.

Через три дня (6 декабря) после допроса последовало новое постановление: «рассмотрев дело о гр[ажданине] Якубовском Александре Юрьевиче по обвинению его в преступлении, предусмотренном ст. ст. У. К. обсудив вопрос в порядке ст. ст. 144, 147, 149, 158, Уголовно-Процессуального Кодекса об избрании меры пресечения, способов уклонения от суда и следствия и приняв во внимание что пребывание его на свободе не повлияет на дальнейший ход следствия постановил: Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда в отношении обвиняемого гр[ажданина] Якубовского Ал[ексан]дра Юрьевича избрать освобождение из под стражи»³¹.

Далее следуют формальности, сопутствующие процессу освобождения: «извещение к ордеру» об освобождении и «талон» со следующим текстом: «Начальнику ДПЗ. С получением сего немедленно освободите из-под ареста гр[ажданина] Якубовского Ал[ексан]дра Юрьевича. С освобождением взять подписку о невыезде. Справка: Расп[иска] СО 6 / XII — 29 г.»³².

Якубовский был освобожден, проведя под арестом чуть больше недели. Однако окончательное постановление о невиновности последовало более чем через полтора года: «1931 г. июля “ 10 ” Я, Шт[атный] Практикант 4 Отд[ела] СПО СОУ ПП ОГПУ в ЛВО — Дембицкий, рассмотрев настоящее дело по обвинению группы лиц занимавшихся контр-революционной деятельностью в составе подпольной монархической организации, называвшейся “Всенар[одный] Союз Борьбы за Возрождение Свободной России” и принимая во внимание, что антисоветская деятельность и принадлежность к настоящей организации гр[ажданин]: ... Якубовского Алекс[андра] Юрьевича — научн[ый] работник... — в процессе следствия не установлена, — постановил: Следственный материал в отношении перечисленных выше лиц из настоящего дела выделить, производством прекратить и сдать в Архив. Подписи, отобранные у всех о невыезде из Ленинграда — аннулировать. Личную переписку изъятую при обыске вернуть»³³.

В постановлении перечисляются всего 43 чел., в отношении которых следственное дело было прекращено, поскольку их вина «в процессе следствия не установлена»³⁴. Якубовский записан под № 27³⁵. Обращает на себя внимание и тот факт, что дело было передано «практиканту»: возможно, это говорит о его малой значимости и перспективности для следствия.

Якубовский смог достаточно быстро вернуться к активной научной деятельности³⁶, о которой известно довольно много.

Что стало причиной столь скорого освобождения Якубовского, не известно: то ли заступничество каких-то лиц (как это было в случае с его будущим соавтором Грековым), то ли вывод следствия о его невиновности. Другие фигуранты «Академического дела» прошли через множественные изнурительные допросы, были признаны виновными в «контрреволюционной деятельности», осуждены и отправлены в ссылку. А реабилитация их состоялась лишь в 1960-х годах³⁷.

Примечания

1. Список печатных трудов А.Ю. Якубовского. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1953, вып. 51, с. 169—172.
2. ГРЕКОВ Б.Д., ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Золотая Орда. М. 1937; ИХ ЖЕ. Золотая Орда. Ташкент. 1940; ИХ ЖЕ. Золотая Орда и ее падение. М. 1950; ТРЕПАВЛОВ В.В. Б.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение (предисловие к изданию 1998 г.). В кн.: Золотая Орда и ее падение, с. 5—12.
3. ЯКУБОВСКИЙ А. Тимур В кн.: Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М. 1992, с. 5—45.
4. ТРЕПАВЛОВ В.В. Ук. соч., с. 7.
5. А.Ю. Якубовский. — Вопросы истории. 1953, № 5, с. 139—142; БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., ДЪЯКОНОВ М.М. Памяти Александра Юрьевича Якубовского. — КСИИМК. 1953, вып. 51, с. 167—168; Памяти А.Ю. Якубовского — Советская археология, т. XIX, с. 293—307; Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953). В кн.: Труды Института истории и археологии. Вып. 7. Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент. 1955, с. 5—8.
6. А.Ю. Якубовский, с. 140; Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), с. 5.
7. А.Ю. Якубовский, с. 140.
8. Там же; Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), с. 5.
9. Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), с. 5; «А.Ю. Якубовский уверенно шел к решению больших и важных исторических вопросов, упорно преодолевая свои былые ошибки и заблуждения, с каждым шагом все выше поднимаясь к вершинам марксистско-ленинской науки». См.: А.Ю. Якубовский, с. 140.
10. А.Ю. Якубовский, с. 142; БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., ДЪЯКОНОВ М.М. Ук. соч., с. 167; Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), с. 8.
11. Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953), с. 5.
12. А.Ю. Якубовский, с. 139; БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., ДЪЯКОНОВ М.М. Ук. соч., с. 167; Памяти А.Ю. Якубовского, с. 293.
13. БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., ДЪЯКОНОВ М.М. Ук. соч., с. 167; А.Ю. Якубовский, с. 139.
14. А.Ю. Якубовский, с. 139.
15. См.: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. СПб. 1993, с. V—LXII; Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 2. СПб. 1998, ч. I, с. XIX—XXV; БРАЧЕВ В.С. «Дело историков». 1929—1931. СПб. 1993.
16. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № П 49 829, т. 2. Следственное дело по обвинению Введенского А.А. и других, л. 27—39.
17. Для сравнения приведем даты арестов основных фигурантов «Академического дела»: С.Ф. Платонов — 12 января 1930 г., Н.П. Лихачёв и Е.В. Тарле — 28 января 1930 г. Раньше А.Ю. Якубовского были арестованы: 24 октября 1929 г. — А.И. Андреев, 13 ноября 1929 г. — Н.В. Измайлов, 1 декабря 1929 г. — С.В. Рождественский (Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 1, с. 9 и др.).
18. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № П 49 829, т. 2, л. 27—28. Здесь и далее орфография, пунктуация и стиль документов сохранены.
19. Там же, л. 27. Проходившие по «Академическому делу» обвинялись в том, что занимались «контрреволюционной деятельностью в составе подпольной монархической организации», называвшейся «Всенародный Союз Борьбы за Возрождение Свободной России».
20. Там же, л. 29.
21. Там же, л. 30—30об.
22. Там же, л. 30.
23. Жена — Ползикова-Рубец Ксения Владимировна, заведующая школьной экскурсионной станцией; мать жены — Ползикова Ольга Николаевна; сын жены (от ее первого брака) Андрей 11 лет. Там же.
24. Там же.
25. Там же, л. 30об.
26. О следователях «Академического дела» см.: Академическое дело 1929—1931 гг., вып. 1, с. XLII—XLIII.

27. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № П 49 829, т. 2, л. 32—32об.
28. Там же.
29. См.: ТИХОНОВ В.В. Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М-СПб. 2012, с. 256—257; ФОРМОЗОВ А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М. 2004, с. 243.
30. К сожалению, нам осталось недоступно заявление А.Ю. Якубовского (л. 37), указанное в перечне документов под № 25. Возможно, оно дало бы какую-то дополнительную информацию.
31. УФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № П 49 829, т. 2, л. 36—36об.
32. Там же, л. 39.
33. Там же, л. 187—188.
34. Среди 43 указанных фамилий перечислены: А.А. Введенский, Б.Д. Греков, Ю.Г. Оксман, З.Н. Шамонина, Н.П. Сычёв, а также люди различного социального положения и звания: научные сотрудники (в том числе Зоологического музея АН), архивисты, библиотекари, служитель религиозного культа, экономист-финансист, «наблюдатель на станции защиты растений», счетовод, музыкант-педагог, белошвейка, домохозяйка, акушерка.
35. Тексты протоколов имеют пометки следователей. Так, с левой стороны строки с фамилией Якубовского стоит знак «+» (синие чернила) и простым карандашом знак «v», а в первой копии (всего их три) — «галочка», обозначенная красным карандашом. Имя Якубовского как подследственного по «Академическому делу» отмечено в статье В.М. Панеяха. См.: ПАНЕЯХ В.М. О следственном деле Б.Д. Грекова 1930—1931 гг. — Отечественная история. 2001, № 4, с. 209.
36. Отмечалось, что «для установления правильного направления научной деятельности Якубовского, как и всей советской исторической науки, огромное значение имели важнейшие постановления ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки (1934 г.) С этого времени Якубовский, и до того ставший на путь марксистского понимания истории Средней Азии и Восточной Европы, получил путеводную нить, которая позволила ему более уверенно подходить к решению важных проблем общесторического значения». См.: А.Ю. Якубовский, с. 140. В результате, в 1935 г. ему без защиты диссертации была присуждена степень доктора исторических наук и одновременно присвоено звание профессора Ленинградского государственного университета, где он проработает много лет. См.: А.Ю. Якубовский, с. 140; ФОРМОЗОВ А.А. Ук. соч., с. 246—247.
37. Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 9. Обвинение. Приговор. Реабилитация. Ч. 1—3. СПб. 2015.

«Боевой путь» — печатный орган русских карателей

А.Н. Белков

Аннотация. Статья посвящена истории создания и функционирования печатного органа одного из коллаборационистских формирований в годы Великой Отечественной войны. Оно носило претенциозное название Русская Освободительная Народная армия (РОНА) и издавало газету «Боевой путь». За этими громкими названиями скрывалась довольно неприглядная сущность. Военнослужащие этого анти-советского вооруженного формирования занимались карательными операциями против партизан в Брянских лесах, затем в Белоруссии, а также оставили свой кровавый след при подавлении варшавского восстания. Печатный орган этого соединения не отличался высоким качеством полиграфии, пропагандировал антисоветские и антисемитские взгляды и при этом использовал достаточно эффективные средства манипуляции общественным сознанием. Однако в ходе переподчинения РОНА издание прекратило свой выпуск.

Ключевые слова: Русская Освободительная Народная армия (РОНА), Народная социалистическая партия России (Национал-социалистическая партия России), Локотское Окружное Самоуправление, Лепель, партизаны, газета «Боевой путь», анти-советская, антисемитская пропаганда, Б.В. Каминский, К.П. Воскобойник.

Abstract. The article is devoted to history of creation and functioning of the printed edition of the collaborationist forces during the Great Patriotic war. These forces wore pretentious name «the Russian People's Liberation Army» (RONA) and published the newspaper «Boyevoy Put'» («Combat Route»). These high-sounding titles hid rather unsightly essence. Combatants from this anti-Soviet armed forces carried out punitive operations against partisans in Bryansk's forests and later in Belarus. They also left their bloody trail in the suppression of the Warsaw Uprising. The printed edition of RONA didn't have high-quality polygraphy and propagandized anti-Soviet and anti-Semite views, using rather effective means of manipulation of public consciousness. However, after RONA's reassignment the newspaper ceased its edition.

Key words: the Russian People's Liberation Army (RONA), People's Socialist Party of Russia (National-socialist Party of Russia), the Lokot Autonomy, Lepel, partisans, the newspaper «Boyevoy Put'», anti-Soviet and anti-Semite propaganda, B.V. Kaminski, K.P. Voskobjnik.

Белков Алексей Николаевич — соискатель ученой степени кандидат исторических наук. Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ. E-mail: a-nikolaevic-83@mail.ru.

Belkov Aleksey N. — competitor of scientific degree PhD in history. Research Institute of Military History at the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation. E-mail: a-nikolaevic-83@mail.ru.

Прошло уже более 70-ти лет с момента окончания Великой Отечественной войны. И, тем не менее, в истории этого, пожалуй, самого кровопролитного противостояния, до сих пор остается много «белых пятен», спорных и неоднозначных моментов. Одним из них является служба русских людей в различных антисоветских вооруженных формированиях, созданных нацистской Германией.

Что толкнуло их на этот шаг? Как они мотивировали свои поступки? Чего хотели добиться и на что вообще рассчитывали? Одним из источников, проливающих свет на эти вопросы, является периодическая печать подобных формирований.

Прежде всего, речь может идти о Русской освободительной народной армии (РОНА). Ее история началась осенью 1941 г., когда стремительное продвижение немецких войск и критическое положение сталинского правительства позволило активизироваться различного рода антисоветским элементам. Среди них были преподаватель Лесотехнического техникума К.П. Воскобойник (отбывший три года в исправительно-трудовых лагерях за участие в Тамбовском восстании 1921 г.) и инженер спиртзавода Б.В. Каминский (также судимый за участие в «чаяновской контрреволюционной группе» ¹). Оба до войны проживали в поселке Локоть, Брасовского района Орловской (ныне Брянской) области. Эти люди изъявили желание помочь оккупантам в установлении «нового порядка», сформировав местное самоуправление и небольшой вооруженный отряд полиции ². Постепенно самоуправление (главой которого был утвержден Воскобойник) и его «вооруженные силы» с одобрения германского командования увеличивались. Была развернута и активная политическая деятельность: 25 ноября 1941 г. в локотской типографии отпечатали манифест, в котором сообщалось: «Сего часа приступила к работе Народная социалистическая партия России» ³. Программа этой партии предусматривала ликвидацию колхозного строя и развитие частного предпринимательства, что отвечало чаяниям значительной части местного населения и в особенности крестьянства. Несколько позже был отпечатан приказ Воскобойника, предлагавший «... всем партизанам, оперирующим в Брасовском районе и ближайших окрестностях, а также всем лицам, связанным с ними, в недельный срок, т.е. не позднее 1 января 1942 г., сдать старостам ближайших селений все имеющееся у них оружие, а самим явиться для регистрации в Управление районного старосты в пос. Локоть... Все неявившиеся будут считаться врагами народа и уничтожаться без всякой пощады. Пора давно прекратить безобразие и приступить к организации мирной трудовой жизни...» ⁴ Отечественный исследователь И.Г. Ермолов сообщает, что реакция на этот приказ превзошла все ожидания: сотни партизан вышли из лесов и сдались вместе с оружием, многие из них пополнили ряды полиции ⁵. Такое положение встревожило партизанское руководство, и было принято решение ликвидировать «змеиное гнездо контрреволюции». Утром 8 января 1941 г. партизанские отряды А.Н. Сабурова, З.А. Богатыря, К.И. Погорелова, И.Ф. Боровика, отряды имени Сталина и «За Родину» совершили нападение на поселок Локоть ⁶. В результате этой операции Воскобойник был смертельно ранен. После его смерти округ возглавил Каминский. Сосредоточив всю власть Локотского района в своих руках, он определил борьбу с партизанами «одной из первоочередных задач народной власти» ⁷. Для этого новый бургомистр увеличил численность своей полиции и переименовал ее в «народную милицию» ⁸. Эти отряды регулярно принимали участие в антипартизанских операциях.

Успехи Каминского не остались незамеченными. В мае 1942 г. под его руководство немцы передали территории Навлинского и Комаричского районов Орловской области, а также Дмитровского района Курской области и санкционировали создание так называемого Локотского окружного самоуправле-

ния. Контролировать эту территорию добровольная «народная милиция» уже не могла, и осенью 1942 г. была проведена первая мобилизация мужского населения 1922—1925 гг. рождения. По ее результатам «под ружье» было поставлено несколько тысяч человек. Это позволило переформировать отряды «народной милиции» в подобие регулярной армии, которая получила название РОНА⁹. К 1943 г. это формирование достигало численности 12 тыс. чел. и получило статус бригады.

Долгое время своего печатного органа это соединение не имело. И первоначально информационно-пропагандистские потребности своей «армии» обер-бургомистр и комбриг Каминский частично удовлетворял за счет публикации отдельных материалов и официальных документов в газете «Голос народа»¹⁰ и «Бюллетене Локотского Окружного Самоуправления»¹¹. Однако, в полном объеме потребность информационного сопровождения данного антисоветского вооруженного формирования такие меры решить не могли. В связи с этим, осенью 1943 г. при поддержке немецких органов пропаганды в г. Лепеле, Витебской области (ныне Республика Беларусь)¹² был создан печатный «орган штурмовой бригады РОНА» под названием «Боевой путь». Его лозунгом было: «Большевизм ведет страну к гибели. Только свержение Сталина и его клики спасет Родину».

Газета выходила один раз в пять дней на четырех полосах небольшого формата. Печаталась в типографии имени Г. Скоблякова. Если судить по клеймам на газете, издателем было подразделение пропагандистов Вермахта в г. Лепель («Propaganda abteilung der Wehrmacht. Staffel Lepel»)¹³.

Следует отметить, что полиграфическое качество издания было достаточно низким, некоторые номера выпускались на кальке. Однако, несмотря на это, тираж «Боевого пути» был достаточно высок — 10 тыс. экземпляров. Это объясняется двойным назначением издания. С одной стороны, «Боевой путь» был предназначен для информационного обеспечения бригады Каминского, а с другой — для пропаганды среди партизан.

По штату в редакции было 11 человек. На июнь 1944 г. должности занимали: ответственный редактор — старший лейтенант РОНА К.М. Калиновский (его предшественником на этом посту был бывший командир батальона 341-й стрелковой дивизии, старший лейтенант РККА Г.Е. Хомутов); ответственный секретарь — П.И. Семиютин; корректоры — З.Г. Гладилин, Т.М. Реутова и Г.Г. Хорев; фото-корректор — Н.А. Бакушанская; стенографист — Л.В. Селезнёва; художник — С.П. Симонян; литературный сотрудник — И.Д. Юров; машинист — Н.М. Амбросимова; посыльный — Н.А. Буканов¹⁴.

Материалы в газете нередко публиковались без подписи или под псевдонимами. Однако были публикации и под настоящими фамилиями. Так, например, начальник отдела разведки РОНА майор Б.А. Костенко не скрывал своего авторства.

Первую полосу издания открывала передовица. Как правило, она посвящалась важным событиям, праздничным мероприятиям (статья «Наш комбриг» — 45-летию Каминского, публикация «Торжественное мероприятие» — праздничному собранию в честь второй годовщины «русского самоуправления»¹⁵), или могла быть обще пропагандистской направленности. Так № 15 (27) открывала статья без авторской подписи под названием «Довольно хныканья!». В ней рассматривалась «опасная привычка» русского народа — привычка страдать. Именно ее, по мнению автора, нещадно эксплуатировали большевики, и это «было бесплодное, темное, унижительное страдание». После перечисления всех тягот и невзгод, которые выпали на долю народа по вине советской власти, безымянный публицист заявлял: «История дает нам возможность освобождения от большевизма, вероятно последнюю». Естественно эта возможность связы-

валась с Германией и ее вооруженными силами. Поэтому работа в немецкой промышленности или служба в антисоветских вооруженных формированиях рассматривалась не как коллаборационизм, а как «стремление к национальному возрождению и освобождению». Тут же была приведена и концепция, которая должна была оправдывать такую модель поведения: «большевизм — непримиримый враг русского народа»¹⁶. Даже в этой небольшой статье наглядно виден один из основных постулатов редакционной политики: большевики — главные враги русского народа, а немцы его «друзья-освободители». Эта формула, по мнению редакции и органов, курировавших ее деятельность, должна была оправдывать сотрудничество с оккупантами во всех сферах деятельности.

Далее на первой полосе могли размещаться выступления руководства бригады РОНА и окружного самоуправления, программные или идеологические статьи, а также сводки Немецкого Верховного Командования и новости о событиях в мире, предоставляемые немецкими военными пропагандистами. На второй полосе размещались материалы постоянных рубрик «Дела “партизанские”...», «В помощь бойцу РОНА», а также небольшие статьи идеологического характера. Третью полосу занимали материалы из повседневной или боевой жизнедеятельности бойцов РОНА, пропагандистские статьи антисоветского содержания и публикации на исторические темы. На четвертой полосе велась постоянная рубрика «Уголок юмора», публиковались объявления о бракосочетаниях и розысках, а также карикатуры, стихи и другие материалы развлекательного характера. Кроме этого могли размещаться методические рекомендации по организации досуга военнослужащих бригады.

Все материалы газеты «Боевой путь» можно разделить на две неравные части. Первая (не более 10%) — это публикации, которые предоставляли немцы, а вторая — те, которые были подготовлены штатными или нештатными сотрудниками редакции.

Материалы первой части освещали события в мире, положение на фронтах и заявления высокопоставленных должностных лиц Третьего Рейха. Они публиковались без редакционной правки в том виде, в каком и поступали. Их характеризует крайняя тенденциозность и фрагментарность в подаче материала и тиражирование мифов геббельсовской пропаганды. Типичным примером может служить заявление «руководителя германской прессы господина Дитриха» о готовности применения «вновь изобретенных средств» в войне против Англии, размещенное в «Боевом пути»¹⁷.

Публикации, подготовленные сотрудниками редакции, отличались большей объективностью, степень которой менялась в зависимости от тематического направления. В целом, данные материалы можно сгруппировать в несколько тематических направлений. Первое из них — пропагандистские материалы и идеологические статьи. Второе — методические материалы по предметам военной подготовки. Третье — партизаны и борьба с ними.

Первое тематическое направление было построено с учетом двойного назначения издания. Поэтому статьи антисоветской пропаганды чередовались с материалами, которые, по мнению редакции, должны были показать альтернативную модель общественного устройства.

Для критики сталинского правительства и проводимой им политики нередко использовались советские или партизанские средства массовой информации. Типичным примером такого материала может служить статья «“Дар патриота” (По страницам большевистской прессы)», в которой за основу для критического анализа была взята одноименная публикация из печатного органа Щучинского райкома КП(б) Белоруссии «Красное знамя». Проведенные исследования показали, что такая газета и упомянутый номер реально существовали¹⁸.

Сначала автор материала, дал весьма нелестную характеристику самому изданию: «скверный серенький листок, издаваемый в лесу». Такое описание сразу должно было настроить читателя на скептическое отношение к партийной газете, однако при этом стоит отметить, что сам «Боевой путь» высоким качеством полиграфии не отличался. После такого вступления А. Дятлов (эта подпись стояла под материалом, вероятнее всего псевдоним) цитировал заметку: «Саратовский колхозник Ферапонт Петрович Головатый за 100 000 рублей из своих сбережений купил и передал своему земляку — майору Еремину второй самолет-истребитель». Далее автор выражал сомнение в существовании этого «зажиточного колхозника» и «нового кулака» и давал весьма неутешительную картину нищенского существования советских крестьян, которые, по его мнению, еле-еле сводят концы с концами и не способны не то, что к жертвованию, а даже к накоплению такой суммы. После всего вышесказанного автор объявлял анализируемую заметку стремлением «подстегнуть остальных колхозников» и «втереть очки недоверчивым союзникам англо-американцам», что в СССР крестьянство живет достаточно богато и легко может купить самолет для своих нужд или подарить его государству¹⁹.

Материалы такого плана, по мнению редакции, должны были убедить читателей во «лжи» советского правительства и тем самым подорвать веру в его победу над нацистской Германией.

В качестве иллюстрации одного из материалов, пропагандировавших несоветскую модель государственного устройства, может выступить статья «Классовая борьба или единение нации?». В ней безымянный автор после небольшого анализа причин, приведших человечество в «глубочайший идейно-духовный кризис», показывает выход из сложившейся ситуации. Если главным виновником тяжелого положения в мире в статье объявляется «человеконенавистническое учение марксизма», то выход предлагается по формуле: «не классовая борьба..., а единение, как одно из естественных человеческих свойств и стремлений». Далее после пространных рассуждений о преимуществах такого подхода было заявлено, что «новая власть Национально-Трудовой России обеспечит преодоление неизбежных общественных противоречий передового и социального законодательства». Каким будет это законодательство, и как оно будет решать общественные противоречия, автор указывает только общими фразами, намекая на идеологию национал-социалистической партии Каминского (которая во многом копировала своих немецких коллег), а также теоретические наработки Национально-Трудового Союза (НТС)²⁰. Заканчивается статья, как и положено агитационному материалу, громким лозунгом: «Не борьба внутри нации, а единение ее ведет общество к социальной справедливости»²¹.

Именно такими статьями пропагандисты бригады РОНА пытались убедить своих бойцов в правильности выбранных идеалов, а партизан соблазнить некой «альтернативой советской идеологии».

Публиковавшиеся в газете методические материалы по предметам военной подготовки должны были стать пособием командирам и начальникам «армии» Каминского для проведения занятий с подчиненным личным составом, а также для самостоятельного совершенствования профессиональных навыков всех военнослужащих бригады. Потребность в этом объяснялась тем, что значительная часть бригады состояла из мобилизованных лиц 1925—1926 гг. рождения, ранее в армии не служивших. Командные должности занимали военнослужащие, чья подготовка не соответствовало их рангу (младший политрук РККА — в РОНА подполковник, рядовой шофер — старший лейтенант)²².

Одним из важнейших являлось третье тематическое направление — партизаны и борьба с ними. Оно состояло из двух основных частей. Первая — антипартизанская пропаганда, которая должна была выставить партизан и их

командование в неприглядном свете и побудить рядовой состав «лесных солдат» отказаться от своей борьбы и перейти на сторону каминцев. Вторая — описание боевых операций, проводившихся военнослужащими бригады РОНА против партизан.

Для ведения антипартизанской пропаганды в газете «Боевой путь», редакция использовала широкий спектр методов. Так в публикации майора Костенко «О партизанах» использовалось несколько способов манипуляции сознанием. В первой части автор повествует о некоем младшем командире Красной армии, который в качестве радиста был заброшен в партизанскую бригаду Кириллова в районе Бешенкович, где «ему пришлось познакомиться с ужасами партизанских будней», так как «сам радист... не сумел сразу стать заправским грабителем и... ему приходилось часто голодать». Чтобы избежать голода, как сообщал Костенко, радист менял у партизан на еду свое обмундирование, снаряжение и оружие пока не «остался раздетым, голодным и безоружным»²³. Чтобы читатель поверил в подлинность этой истории, автор использовал метод «очевидцы события», сообщив, что все это ему поведал сам радист, взятый в плен бойцами РОНА.

Далее, используя метод «ложная аналогия», рассказывалось, что из-за больших потерь в партизанских отрядах было принято решение «расформировать мелкие... отряды и влить их в... крупные». Но из-за того, что, по мнению автора, «командиром хочется быть каждому» и «быть в подчинении у другого — значит отдать ему большую часть награбленного», среди партизан «начались междоусобицы». Все это, как уверяет Костенко, привело к ежедневному поступлению пленных и перебежчиков из партизанских отрядов. Подводя итог своей статьи, автор от победных реляций переходит к достаточно смелым прогнозам, используя метод «констатация фактов»: «Большое количество их (имеются в виду партизаны. — А.Б.) уже честно сражается против лесных бандитов. Для них уже кончилась голодная волчья жизнь. И недалек уже тот день, когда тысячи новых бойцов нашей Бригады, покончив с бандитизмом, откроют путь в новую жизнь измученному русскому народу»²⁴.

Кроме пропагандистских статей в арсенале «Боевого пути» были и более серьезные материалы для идеологической борьбы с партизанами. Так в № 15 (27) от 28 июня 1944 г. на второй полосе были опубликованы трофейные «совершенно секретные приказы штаба “партизанской” бригады им Ворошилова». В этих приказах приводились факты грубого нарушения воинской дисциплины, неисполнения приказов и аморального поведения в отдельных партизанских подразделениях. Конечно, подлинность этих документов могла быть поставлена под сомнение, однако общий тон, конкретные примеры с фамилиями участников событий с указанием населенных пунктов происходящего должны были производить впечатление подлинников. Такой метод «авторитетного источника» представлялся очень действенным для подрыва авторитета «лесных солдат» не только в глазах местного населения, но и внутри самих партизанских соединений. Естественно, он одновременно должен был укреплять уверенность бойцов бригады РОНА в правильности своей борьбы.

С другой стороны, боевой дух военнослужащих соединения подымался путем публикации материалов об успешных антипартизанских действиях. Так, в статье А. Белого «Остроглядовцы на операции» рассказывается о боях Остроглядовского батальона в мае 1944 года. По рассказам командира батальона Слепухина, приведенного автором в публикации, «бандиты (имеются в виду партизаны. — А.Б.) из леса бежали, бросая оружие, амуницию и даже собственную одежду»²⁵.

Однако, несмотря на более чем оптимистичные заявления печатного органа штурмовой бригады РОНА, общая обстановка на советско-германском фронте

складывалась явно не в пользу коллаборационистов и их хозяев. Поэтому 23 февраля 1944 г. был получен приказ о передислокации «армии» Каминского и органов местного самоуправления в район Дятлово, близ Лиды в Западной Белоруссии²⁶. Смена места дислокации бригады серьезных изменений в работу рассматриваемого печатного органа не внесла. «Боевой путь» продолжал выпускаться в прежнем формате. Но и на новом месте каминцам долго задержаться не удалось. Из-за стремительного наступления Красной армии в июле 1944 г. части РОНА были переброшены на запад в район города Ратибор (Верхняя Силезия)²⁷.

С июля 1944 г. они были включены в состав войск СС, а с 1 августа РОНА была развернута в 29-ю ваффен-гренадерскую дивизию СС (русская № 1) (29. Waffen-Grenadier-Division der SS /Russische Nr. 1). В связи с последней передислокацией и сменой подчиненности соединения, выпуск газеты «Боевой путь» был прекращен. Всего вышло не более 30 номеров.

Таким образом, просуществовав менее года, газета штурмовой бригады РОНА, оставила свой след, как в истории русских антисоветских вооруженных формирований, так и в их информационной борьбе с партизанами. При ее выпуске использовался опыт, приобретенный немцами и самими коллаборационистами за время вооруженного и идеологического противостояния на советско-германском фронте. Несмотря на низкое качество полиграфии издания, оно выпускалось достаточно большим тиражом и использовало весьма эффективные приемы идеологического воздействия. Однако, несмотря на высокий информационный потенциал «Боевого пути», активная пропаганда партизан и успехи Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны сводили к минимуму его реальный эффект.

Примечания

1. Группа была названа по фамилии известного российского и советского ученого экономиста профессора Александра Васильевича Чаянова (1888—1937). В действительности такой организации не существовало..
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 69, оп. 1, д. 750, л. 102.
3. Там же, д. 913, л. 80.
4. Фотокопия документа. См.: ЖУКОВ Д.А., КОВТУН И.И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М. 2009, с. 34.
5. ЕРМОЛОВ И.Г. Русское государство в немецком тылу. История Локотского самоуправления. 1941—1943. М. 2009, с. 171.
6. Подробнее см.: ЖУКОВ Д.А., КОВТУН И.И. Ук. соч., с. 23—46.
7. РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 913, л. 72.
8. Там же, д. 750, л. 103; оп. 9, д. 19, л. 22.
9. Там же, оп. 1, д. 750, л. 103.
10. «Голос народа» — печатный орган Локотского окружного самоуправления (с № 55 — орган оргкомитета НСПР (Национал-социалистической партии России) в Локотском округе, затем орган оргкомитета НСТПР (Национал-социалистической трудовой партии России) и Лепельского окружного самоуправления). Выходил с марта 1942 по январь 1944 г. с периодичностью от двух до шести раз в месяц. Тираж не был постоянным: первый номер — 250 экз., на начало 1943 г. — 8 000 экз., а с марта 1943 г. — 14 000 экземпляров. Редакторы: С.В. Мосин, М.В. Васюков, Н.Ф. Вошило.
11. Бюллетень Локотского окружного самоуправления — официальное издание, публиковавшее указы, инструкции и положения самоуправления. Выходил с января по август 1943 г., первоначально с периодичностью два раза в месяц, позже — два раза в неделю.

12. Сюда были эвакуированы части РОНА и гражданская администрация Локотского окружного самоуправления осенью 1943 года.
13. Информация предоставлена И.В. Грибковым.
14. Сведение-табель по редакции газеты «Боевой Путь» для начисления зарплаты за июнь месяц 1944 года. Частная коллекция. Копия в личном архиве автора.
15. Отсчет велся с 16 октября 1941 г., когда официально было объявлено о создании Локотской особой волости.
16. Довольно хныканья! — Боевой путь. 28.VI.1944, № 15 (27), с. 1.
17. Война до победного конца. — Там же.
18. СТЭФАНОВИЧ А.В., РАКОЎ В.А. Я па ста народ... Минск. 2005, с. 630.
19. ДЯТЛОВ А. «Дар патриота» (По страницам большевистской прессы). — Боевой путь. 28.VI.1944, № 15 (27), с. 3.
20. Национально-трудовой союз (НТС) — российская антикоммунистическая политическая организация, идеология которой опирается на принципы христианского солидаризма. Основан в июле 1930 г. и действует по настоящее время.
21. Классовая борьба или единение нации? — Боевой путь. 28.VI.1944, № 15 (27), с. 2.
22. РГАСПИ, ф. 69, оп. 9, д. 21, л. 78.
23. КОСТЕНКО Б. О партизанах. — Боевой путь. Цит. по: Страница добровольца, б/н., февраль 1944, с. 3.
24. Там же.
25. БЕЛЫЙ А. «Остроглядовцы на операции». — Боевой путь. 28.VI.1944, № 15 (27), с. 3.
26. ДАЛЛИН А. Бригада Каминского. М. 2011, с. 53.
27. ЖУКОВ Д.А., КОВТУН И.И. Ук. соч., с. 156.

Чехословацкий мятеж в Пензе по воспоминаниям очевидцев

А.Г. Шариков

Аннотация. В публикации анализируются взаимоотношения чехословацких легионеров с советским правительством в годы Гражданской войны. Показан процесс подготовки легионеров к антисоветскому мятежу, ход боев в Пензе 28—29 мая 1918 года. Используются воспоминания участников событий и очевидцев.

Ключевые слова: чехословацкие легионеры, Гражданская война, эшелоны, разоружение, мятеж, бой за город, воспоминания очевидцев.

Abstract. The article analyzes relations between czechoslovakia's legionaries with the soviet government in the years of the Civil War. It shows the process of preparation for anti-soviet revolt, local fighting in Penza on the 28th—29th of May in 1918. It is used the memories of the participants and eye-witnesses

Key words: czechoslovakia's legionaries, the Civil War, troop trains, disarmament, revolt, the local fighting, the memories of eye-witnesses.

В рамках проекта «Легионы 100» власти Чешской Республики финансируют строительство на территории Российской Федерации памятников чехословацким легионерам, погибшим в ходе Гражданской войны в России. Есть соглашение стран о взаимном содержании воинских захоронений от 15 апреля 1999 г., в котором говорится о необходимости «действовать в соответствии со своим национальным законодательством» с обязательным «учетом национальных, религиозных и других традиций своих государств». Предполагается постройка монументов в местах захоронений умерших и погибших чехов и словаков, а не строительство претендующих на помпезность стел в жилой части городов с целью героизации легионеров. Работы по поиску захоронений погибших чешской стороной, к сожалению, не финансируются. В Самаре список из фамилий 53 чехов и словаков, который предполагается выбить на памятнике, расхотится с данными архивов о похороненных на местном кладбище 24 легионерах. Памятник планируется установить не на кладбище, а на Красноармейской улице Самары. В Пензе до сих пор неизвестны места захоронений погибших леги-

Шариков Анатолий Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного университета. E-mail: Schari — Ver @mail.ru.

Sharikov Anatoly G. — candidate of historical sciences, associate professor of the Penza State University. E-mail: Schari — Ver @mail.ru.

онеров, но уже на городском вокзале Пенза-3 установлен памятник с надписью: «Чехословацким legionерам, павшим на пути к своей Родине. Пенза. 21.3—30.5.1918».

В Поволжье legionеры оставили о себе недобрую славу. О взаимоотношениях красных с чехословаками сказано немало. Воспроизводить фрагменты из многочисленных монографий советского периода, вероятно, не стоит. Эти исследования хорошо известны.

Обыватели, встречавшие в своих городах legionеров как «белочехов», в скором времени разочаровались и стали воспринимать их как грабителей и оккупантов. Бывший главнокомандующий колчаковскими армиями Восточного фронта генерал-лейтенант К.В. Сахаров писал: «Совершенно ошибочное мнение, что чехословацкий корпус вступил в борьбу с большевиками идейно, для освобождения России. Их действия диктовались интересами личного спасения от возмездия за их измену тогдашнему отечеству, Австро-Венгерской империи. Отступлением от Волги кончилась боевая деятельность чехословацкого корпуса. Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою военную добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. По самому скромному подсчету эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 году»¹. В. Краснов отмечал: «Как будто не чехи начали в мае 1918 года активное выступление против советской власти!... Как будто не они организовали террор и кровавые расправы с рабочими и крестьянами по всей Сибири и Уралу, устилая свой “путь к славе” трупами замученных в застенках, повешенных, расстрелянных и зарубленных! Как будто не они повели сначала осторожные “коммерческие дела”, затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и, наконец, чистый грабеж России — на сей раз под лозунгом борьбы “против русской реакции”»². В советское время было принято причислять к белым всех противников Советской власти. При современной исторической осведомленности такие понятия часто разделяются. Например, высказывание о белых философа и правоведа И. Ильина следующее: «...Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства»³.

На фоне известных исследований о действиях чехословаков восточнее Волги, майские события 1918 г. в Пензе представляются белым пятном для широкой общественности и историков. Это обстоятельство, по всей вероятности, использовано авторами двусмысленной надписи на памятнике legionерам в Пензе. Свежий взгляд на красивую стелу юного или неосведомленного человека сразу определит, что в Пензе на чехов и словаков напали и пытались не пустить на родину. Так ли было на самом деле?

В 1970—1980-е гг. автору данной публикации удалось собрать многочисленные устные воспоминания участников и свидетелей тех событий, а также материалы, хранящиеся в Государственном архиве Пензенской области, и свидетельства из пензенских журналов и газет 20—30-х гг. прошлого века.

Предистория событий такова. 7 августа 1914 г. по приказу военного министра «О формировании особых чешских воинских частей из добровольцев» стала формироваться Чешская дружина из военнопленных австро-венгерской армии и добровольцев, проживавших в России, для использования в боевых действиях на Юго-Западном фронте. 1 августа 1917 г. Чешско-Словацкая стрелковая бригада была развернута в дивизию. Затем был создан и вооружен, в основном трофейным австрийским оружием, корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. Чехи и словаки стали именовать себя legionерами. К маю 1918 г. численность корпуса превышала 45 тыс. солдат и офицеров.

Боевой состав постоянно пополнялся (в 1920 г. в Европу через Владивосток вернулись 63 173 легионера). Октябрьскую революцию руководство корпуса — Чешский национальный совет во главе с Томашем Масариком — воспринял враждебно. Были проведены многочисленные мероприятия пропагандистского и экономического характера, чтобы оградить легионеров от влияния пришедших к власти большевиков. Американский генерал Гревз писал: «Если союзники действительно хотели перебросить чехов во Францию, то представляется странным, что не принималось никаких мер к отправке их из Владивостока. Для меня совершенно ясно, что до 28 мая 1918 года не существовало планов переброски чехов на Западный фронт»⁴. Англия и Франция передали корпусу 15 млн руб., президент США предоставил заем в 12 млн рублей. Офицерский состав корпуса стал получать содержание, равное довольствию офицеров стран Антанты. Денежные выплаты рядовым легионерам увеличились в 40 раз. Стало совершенно очевидно, что Антанта желает использовать легионеров для борьбы с советской властью. 15 января 1918 г. корпус был объявлен автономной частью французской армии. 18 февраля 1918 г. на юге России началась германо-австрийская интервенция. Корпусу грозила гибель. 26 марта советское правительство заявило о своей готовности оказать содействие эвакуации чехословацких частей через Владивосток при условии их лояльности и сдачи основной части вооружения в установленных пунктах. Одним из пунктов была назначена Пенза. Совнарком предоставил 60 эшелонов. Поскольку чехи и словаки передвигались как частные лица, то могли оставить для самообороны 168 винтовок и один пулемет на эшелон.

Окончательно вопрос об использовании легионеров в борьбе с советской властью был решен в Вашингтоне в апреле 1918 г. во время переговоров союзников с представителями Чехословацкого национального совета. Французский посол в России 18 мая писал командованию корпуса о желании союзников оставить чехословацкие части в России и образовать ядро союзной армии против большевиков. Руководством корпуса легионерам внушалась мысль, что борьба с большевизмом есть борьба с Германией и Австро-Венгрией. Любые столкновения чехословаков на вокзалах и перронах с местными жителями трактовались как попытка препятствовать продвижению легионеров.

С марта 1918 г. через город один за другим проходили эшелоны с подразделениями чехословацкого корпуса. Уполномоченные губернского Совета принимали от них вооружение, имевшееся сверх установленной нормы, стремились выявить винтовки, пулеметы, гранаты, которые легионеры прятали в укромных местах теплушек. 19 апреля на станции Пенза-2 в одном из вагонов было отобрано 2 разобранных пулемета⁵. Такого рода изъятия считались обыденным делом.

С февраля по май в Пензе шло формирование 1-го Чехословацкого революционного полка. Около 300 проезжавших чехов и словаков приняли сторону советской власти и вступили в этот полк. Он насчитывал до 1200 бойцов — чехов, словаков, сербов, венгров, австрийцев, немцев. 16 мая большинство его подразделений во главе с Ярославом Штромбахом отправились на подавление антисоветского восстания в Саратовскую губернию.

16 мая на съезде легионеров в Челябинске было принято решение о повсеместном выступлении против советской власти. Сдавать оружие легионеры отказались. 24 мая делегаты съезда прибыли на станцию Рязано-Уральской железной дороги (ныне вокзал Пенза-3). Был создан штаб так называемой пензенской группы легионеров. Возглавил группу поручик Станислав Чечек. Начальником штаба был назначен поручик Йозеф Швец. Диспозиция пензенской группы на 25 мая 1918 г. была следующая. Передовой отряд находился в районе Кузнецка. Тыловой, самый многочисленный, в Тамбове. Южнее Пензы, в

Ртищеве, стояли эшелоны 4-го полка Прокопия Великого (3500 штыков). Они прикрывали Пензу со стороны Вольска. Между Ртищевым и Сердобском — эшелоны 1-го запасного полка (1300 штыков). Такая расстановка эшелонов изолировала Пензу и препятствовала подходу к ней советских формирований с юга и востока. В самой Пензе на станции Рязано-Уральской железной дороги в эшелонах находились 1-й полк Яна Гуса (2800 штыков), техническая рота (150), 1-я артиллерийская бригада без орудий (200) и различные мелкие команды (до 100 штыков). Несмотря на достигнутый численный перевес, командование пензенской группы не решалось на штурм Пензы до подхода эшелонов 1-го запасного полка, хотя общее выступление корпуса уже началось. 25 мая чехословаки захватили Мариинск.

В виду событий в Челябинске и Мариинске, на других железнодорожных узлах и станциях, для советского командования стал совершенно очевидным факт нарушения корпусом договора от 26 марта 1918 года. Действия легионеров были обозначены как мятеж. Нависла опасность захвата иностранными войсками железнодорожной магистрали на всем пространстве следования эшелонов от Пензы до Владивостока. Вечером 25 мая народный комиссар по военным делам Лев Троцкий издал приказ № 388. Согласно приказу, следовало разоружить и расформировать эшелоны с чехословаками, а командный состав арестовать. Председатель Пензенского Совета рабочих и крестьянских депутатов Александр Минкин связался по прямому проводу с Симбирским военным комиссаром Ивановым и сообщил: «В Пензе сейчас находится более 2000 чехословацких штыков с пулеметами. От нас на днях ушли на фронт 800 человек с броневиками, пулеметами и артиллерией. Своих сил осталось мало, а задачу нужно выполнить сегодня-завтра. При разоружении неизбежен конфликт. Поэтому с согласия Москвы просим помощи. На счет количества — сколько можете дать». Иванов: «У нас тоже больших сил в наличии нет, т.к. послано 7 рот на дутовский фронт. Мы вам завтра отправляем полроты интернационала. Отряд небольшой, человек девяносто, но очень надежный. Если сможем пошлем еще».

26 мая Минкин докладывал Л. Троцкому: «Пришли к заключению, что не можем выполнить предписание. В Пензе на расстоянии 100 верст находится около 12 000 войск с пулеметами. Впереди нас стоят эшелоны, имеющие на 100 человек 60 винтовок. Арест офицеров неминуемо вызовет выступление, против которого устоять мы не сможем». Троцкий отвечал: «Товарищ, военные приказы отдаются не для обсуждения, а для исполнения. Я передам военному суду всех представителей военного комиссариата, которые будут трусливо уклоняться от исполнения разоружить чехословаков. Нами приняты меры двинуть бронированные поезда. Вы обязаны действовать решительно и немедленно. Больше добавить ничего не могу»⁶. Поздним вечером 26 мая 1918 г. в здании Совета на Соборной площади состоялось совещание советских и партийных руководителей Пензенской губернии. Пришли к выводу, что открытое столкновение с чехословаками ввиду превосходства их сил может закончиться неудачей. Было решено приложить все усилия, чтобы путем переговоров заставить легионеров сдать оружие.

Проходившие весь день 27 мая переговоры результата не дали. Легионеры разоружаться не пожелали. Более того, вечером того же дня предъявили Совету ультиматум, требуя отказа от разоружения, обеспечения эшелонов паровозами и отвода из Пензы 1-го Чехословацкого революционного полка. Срок ультиматума — сутки⁷. Эти требования Пензенский Совет отклонил.

Легионеры очень хорошо знали расстановку сил. Вместе с прибывшими из Рузаевки, Симбирска, Аткарска и других мест подкреплениями у защитников Пензы едва набиралось 2 тыс. бойцов. Большинство защитников города не

имело военной подготовки, не было у них ни достаточного количества командного состава, ни опытных пулеметчиков. В артиллерийской батарее 1-го Чехословацкого революционного полка (48 бойцов, командир Йозеф Поспишил) было 7 легких орудий и 2 тыс. шрапнельных снарядов. Еще 18 мая Й. Поспишил докладывал, что батарея нуждается в опытном инструкторе-артиллеристе. Чехословаки же представляли собой регулярные части, руководимые кадровыми офицерами.

Пенза была объявлена на осадном положении 28 мая с 12 часов. Были отрыты окопы на Поповой горе, Лекарской, Дворянской, Московской улицах и у Тамбовской заставы. Отряды красной гвардии сосредоточены у Красного, Татарского и Казанского мостов, у артиллерийских казарм, лесопильного завода и в Пушкинском сквере. 3 орудия установлены у Скобелевских казарм, 2 — на Соборной площади, 2 — у бывшей Губернской Земской Управы⁸.

Бой за город можно разделить на два последовательных этапа. 28 мая легионеры проводили разведку боем, пытались захватить водные переправы и господствующие высоты, а если повезет, нанести советским войскам поражение малыми силами. 29 мая чехословаки, используя достижения предыдущего дня, ввели крупные силы, окружили город и захватили его.

М. Урядова была помощницей сестры милосердия отряда, защищавшего железнодорожный мост через реку Пензу. События 28 мая она описывала так: «После перестрелки чехословаки пошли в атаку. Они продвигались вперед перебежками и вели прицельный огонь из-за металлических ферм моста. Окопы, где находились красногвардейцы, были мелкие, после ливня полны воды и грязи. Красногвардейцы несли большие потери. На некоторые раны просто страшно было смотреть. Говорили, что такие раны бывают от выстрелов патронами с разрывной пулей»⁹.

О том, что у чехословаков были такие патроны, существует масса свидетельств. Многие подразделения легионеров были вооружены трофейными австрийскими 8-мм винтовками Манлихера. В России запрещенные международными договорами патроны с разрывной пулей не производились. Иванов вспоминал, что 2 июня во время похоронной процессии большинство гробов несли закрытыми. Родственники опознавали некоторых убитых только по одежде¹⁰. В «Обращении Пензенского военно-революционного комитета к населению города в связи с ликвидацией мятежа белочехов» есть такие слова: «Они разграбили Совет и продовольственные склады, вознаградили себя за победу, чем могли, наполнили карманы, опорожненные от разрывных пуль, уехали дальше»¹¹.

Во время боя за мост Урядова получила приказ сестры милосердия отвезти на подводе раненных красноармейцев в городскую лечебницу. «Я часто погоняла лошадь. Боялась, что пули попадут в меня и раненых. Кругом слышались частые выстрелы, где-то ухало. За рекой высоко в небе вспыхивали облака разрывов. На Троицкой (ныне ул. Кирова) лошадь ранило в круп. В лечебнице мне сказали: “Как ты еще доехала? Кругом такое твориться! Буржуи из окон и чердаков стреляют. Лошадь твою дробью ранило. Оставайся здесь и никуда не ходи”. Я пробыла в больнице до вечера. Сюда со всех концов города свозили раненых и убитых. Покойницей уже было мало, трупы складывали в котельной. Вечером я перебралась к подруге Маше на улицу Московскую. Мы с ней просидели в комнате до утра 31 мая и никуда не выходили. 29 мая бой был уже в центре города. Заплаканная подруга Ксения прибежала к нам и рассказала: “Чехов видимо-невидимо. Победили они. Которые из красноармейцев в живых остались, разбежались и попрятались кто куда. Один залез под деревянный настил на Московской. Его стали доставать оттуда, а он не вылезает. Тогда его через настил застрелили, вытащили и штыком проткнули. Дворники и те,

кто побогаче, показывают чехам спрятавшихся красноармейцев. Везде грабят, стрельба. Дом хозяина на Пушкинской грабят. Чехи всех выгнали на улицу»».

Ильин так оценивал обстановку в городе: «За ночь с 28 на 29 мая к чехословакам подошли со стороны Ртищева еще 4 эшелона, которые были высажены на разъезде Кривозерье и брошены в наступление на южную часть города в обходное движение со стороны с. Веселовки и казенного сада. Эти маневры чехов заставили защитников города с первоначальных позиций отступить и сосредоточиться к центру Соборной площади, усилив оборону в районе артказарм, Поповой горы (ныне ул. Боевая гора) и выслать отряд к Мироносицким кладбищам. К 9—10 часам 29 мая, окружив город со всех сторон, чехословаки повели наступление к центру. С первых же часов боя чувствовалось, что части красноармейцев вышли из рук управления центра обороны города и действуют самостоятельно»¹².

По воспоминаниям очевидцев, «снаряды либо рвали ни в чем неповинные крыши высоких домов, либо падали в поле или же врезались во фронтоны». Жители домов у вокзала Рязано-Уральской железной дороги, куда в основном был направлен артиллерийский огонь, даже не ремонтировали жестяные крыши после боя. Шрапнельные пули с большой высоты просто падали вниз, не причиняя никакого вреда. «Пушек было много, но опытных артиллеристов ни одного. Первым выстрелом советские пушки постибали тумбочки в сквере, второй выстрел попал в здание окружного суда, третий в здание Земской управы и так без конца». Легионеры от артиллерийского огня потерь не несли.

Воспоминания Р. Лепешко: «К 10 часам здание Совета (располагалось на Соборной площади) было уже в тесном кольце. Красноармейцы отстреливались из пулеметов. Один из пулеметов стоял на колокольне Спасского кафедрального собора, другой на чердаке здания Совета, третий — в самом Совете, на балконе, напротив кабинета председателя. Чехословаки не раз проникали в находящийся недалеко от Совета сквер, но постоянно откатывались назад»¹³.

На Соборной площади пули сыпались отовсюду. Земля кипела от рикошетирующего металла. Уцелеть, казалось, было невозможно, но в Пензенском архиве есть запись такого факта: «Кипел бой. Кругом было ни души, только какой-то поп, обезумевший от страха, пробирался куда-то вниз возле ограды сквера, без шляпы, с высоко поднятым крестом над головой»¹⁴.

Дольше всех сопротивлялся отряд комиссара по борьбе с контрреволюцией Н. Козлова на Поповой горе. В ходе боя сам Козлов и 8 чел. из отряда численностью в 24—26 чел. были взяты легионерами в плен, остальные погибли.

«Если бы советские войска были дисциплинированы и хорошо обучены, стала бы для нас Пенза весьма крепким орехом» — говорилось в чехословацкой реляции о боях за Пензу¹⁵. По воспоминаниям очевидцев, защитники города дрались за каждый дом, бои носили ожесточенный характер, но не все красноармейцы проявляли стойкость и желание сражаться. Сдалась рота сербов, присоединясь к мятежникам, оставил свои позиции и бежал отряд продмилиции.

Г. Сюзюмов 29 мая днем был у приятеля на улице Ланцовке (тогда продолжение ул. Б. Бугровка к лесу). Его рассказ таков: «Днем 29 мая улицы Лопатина, Вopilовку, Тутуновку, Аминевку, Бугровку, Городок (ныне пространство от железной дороги до улицы Тимирязева и от улицы 8 Марта до леса) стала обстреливать артиллерия. Жители попрятались по погребам, залезли в подпол. Стреляли чехи, так как через Ланцовку в лес небольшими группами проходили красноармейцы»¹⁶. Вероятно, часть защитников города выходила из окружения названными улицами в направлении Арбекова. Туда же во второй половине дня 29 мая прибыл и руководитель обороны города В. Кураев.

Интересны воспоминания о бое, данные чехословаками: «Эта ночь никогда не забудется. Грохот орудий, треск пулеметов и ружейная стрельба — все

слилось в один какой-то дикий гул. И стихия как будто бы участвовала в великой борьбе: раскатистые удары грома, ослепительный блеск молний и проливной дождь сопровождали жаркий бой»¹⁷.

Один из пензенцев так рисовал город после боя: «После боя Пенза стала “рябой”, особенно верхние этажи домов. Следы пуль пестрели в зданиях. Многие были как решето. Улицы казались опутанными металлической паутиной. Пучки порванных телеграфных и телефонных проводов волочились по тротуарам, свисая с накренившихся или совершенно припавших к земле столбов. У развороченной ограды Лермонтовского сквера, против окружного суда, любопытные разглядывали неубранные трупы, кровавые брызги на разрушенных столбах»¹⁸.

После победы легионеры безжалостно расправились с бойцами 1-го Чехословацкого революционного полка. Попавшие в плен бывшие однополчане и земляки были избиты и расстреляны. Остальных пленных в количестве 200—300 чел. отвели на 40-й разъезд (ныне станция Пенза-3) и заперли в подсобных помещениях железной дороги.

Чехословаки грабили городские военные и продовольственные склады, магазины, дома обывателей до вечера 30 мая. Утром 31 мая они ушли из центра города и контролировали только железнодорожные станции, мосты и прилегающие к ним территории. В ночь с 31 мая на 1 июня отряды красноармейцев ходили по городу и производили аресты грабителей и всех, кто сотрудничал с чехословаками. Легионеры уезжали из Пензы на восток эшелон за эшелон, прицепив взятые в городе паровозы.

Член Учредительного собрания эсер Бруншвит 4 сентября 1918 г. на собрании в самарском театре «Олимп» подробно рассказал о причинах отступления чехословаков из Пензы: «Пенза была взята чехами, но местные силы были малочисленны, плохо организованы и оказать чехам поддержку не могли. Без поддержки общественных сил чехи не рискнули закрепиться в Пензе»¹⁹. В условиях «эшелонной войны», при невыгодном для чехословаков положении Пензы, когда ударов можно было ожидать одновременно со стороны Моршанска, Рузаевки и Ртищева, легионеры не стали рисковать и начали концентрацию войск для взятия Самары.

Е. Власенко вспоминал: «Наш дом стоял вдоль полотна железной дороги, по которому проходили поезда с чехословаками. Никого из жителей улицы они не грабили: нечего было взять. Когда уезжали, из вагонов и с платформ на ходу поезда из пулеметов и винтовок обстреливали все попадавшие им на глаза дома, бросали гранаты. Дома стояли с выбитыми стеклами и с исколотыми выстрелами стенами»²⁰.

При обороне Пензы погибло свыше 300 бойцов. Большое количество убитых горожан родственники похоронили на общегражданских кладбищах. Потери у чехословаков составили 88 убитых и раненых²¹.

В итоге хочется отметить, что памятники воинам, погибшим в годы Гражданской войны, необходимо ставить в местах их захоронений. Эти захоронения сначала следует найти, а затем обозначить скромным обелиском, чтобы не оскорбить память о многочисленных и часто невинных жертвах братоубийственной войны.

Примечания

1. САХАРОВ К.В. Белая Сибирь. Мюнхен. 1923, с. 219—222.
2. КРАСНОВ В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 2. М. 2000, с. 272.
3. ЦВЕТКОВ В. «Откуда есть пошло» белое движение. — Родина. 2007, № 3, с. 16.

4. ГРЕВЗ У. Американская авантюра в Сибири. М. 1932, с. 34.
5. КОЗЛОВ Н. Тревожные дни. — Работай и учись. 1928, № 11, с. 85.
6. Государственный архив Пензенской области (ГА ПО), ф. р-312, оп. 1, д. 164, л. 105.
7. Там же, д. 606, л. 48.
8. Трудовая правда. Пенза. 28.V.1922.
9. Урядова М.А. (1902—1979). В 1918 г. проживала на улице Казанской (ныне ул. Урицкого).
10. Иванов В.И. (1903—1978). В 1918 г. проживал на улице Пушкина.
11. Известия Пензенского Совета. 2.VI.1918.
12. ГА ПО, ф. р-312, оп. 1, д. 164, л. 101.
13. Там же, л. 88.
14. Там же, л. 89.
15. КРЖИЖЕК Я. Пенза. Пенза. 1958, с. 205.
16. Сюзюмов Г.И. (1896—1971). В 1918 г. проживал на улице Лопатина.
17. Народ. Уфа. 6.XI.1918.
18. Трудовая правда. Пенза. 1928, № 121.
19. Вестник комитета членов Учредительного собрания. Самара. 6.IX.1918.
20. Власенко Е.Н. (1906—1999). В 1918 г. проживала на улице Манчжурия.
21. ДРАГОМИРЕЦКИЙ В.С. Чехословаки в России 1914—1920. Париж-Прага. 1928, с. 49.

Теория фронта о начале второй мировой войны

В.П. Румянцев, Е.В. Хахалкина

Аннотация. В данной работе исследуется одна из первых попыток, предпринятых в 1940 г. учеными Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, применить теорию фронта американского историка Ф.Дж. Тёрнера к европейскому опыту в связи с началом второй мировой войны в Европе. Эксперимент калифорнийских ученых расширил концептуальное понимание границ как сложного географического, культурного, политического и стратегического феномена.

Ключевые слова: фронт, Европа, вторая мировая война, Фредерик Дж. Тёрнер.

Abstract. This work examines one of the first attempts to apply the American historian Frederick J. Turner's theory of the frontier to the European experience in connection with the outbreak of World War II in Europe. This attempt was undertaken in 1940 by scientists of the University of California, Los Angeles. The experiment of Californian scientists has expanded the conceptual understanding of boundaries as a complex geographical, cultural, political and strategic phenomenon.

Kew words: frontier, Europe, World War II, F.J. Turner.

1 сентября 1939 г. Германия совершила нападение на Польшу. Вторая мировая война, по сути уже начатая Японией в Восточной Азии, вспыхнула теперь и в Европе. Однако передел европейских территорий начался еще раньше — с нацистской оккупации Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г. при молчаливом согласии западных стран, прежде всего, Великобритании и Франции.

В научном сообществе США справедливо посчитали расширявшийся вооруженный конфликт достаточным поводом для его научного осмысления. Весной 1940 г. по заданию Комитета по международным отношениям Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе был прочитан цикл лекций, в кото-

Румянцев Владимир Петрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: rumv@mail.ru; *Хахалкина Елена Владимировна* — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

Rumyantsev Vladimir P. — doctor of historical sciences, head of the chair of the National Research Tomsk State University. E-mail: rumv@mail.ru; *Khakhalkina Elena V.* — candidate of historical sciences, associate professor of the National Research Tomsk State University. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru.

рых ставилась задача анализа происходивших в Европе событий с точки зрения теории фронта (подвижной границы). Эта теория была сформулирована в конце XIX в. американским историком Ф. Дж. Тёрнером. В докладе «Значение фронта в американской истории», озвученном в ходе заседания Ассоциации американских историков в Чикаго в 1893 г., профессор Висконсинского университета Тёрнер впервые представил на суд академической общественности концепцию фронта.

Появление данной теории совпало по времени и, в сущности, было обусловлено завершением освоения западных территорий Соединенных Штатов. Тёрнер рассматривал завоевание американского Дикого Запада как многогранный процесс, связанный с экономическими, социальными и культурными аспектами развития США. Он утверждал, что именно благодаря подвижной границе в США появились и развивались демократические институты, гражданское общество и особые ментальные характеристики американской нации. Неслучайно, фронт обозначен им как «полоса наиболее быстрой и эффективной американизации»¹.

При этом основоположник теории рассматривал понятие «фронт» в двух ракурсах. С одной стороны, как термин, отражающий демографическую ситуацию на периферии — в так называемой подвижной зоне фронта, которую «сносит с востока на запад» и где плотность населения была крайне низкой (местное индейское население в данном случае во внимание не принималось). С другой стороны, Тёрнер определял фронт как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и естественной окружающей среды», «точку или момент встречи между дикостью и цивилизацией». «Дикими» в русле господствовавших в то время представлений рисовались индейские племена, массово истреблявшиеся пионерами фронта, и, соответственно, занимаемая индейцами территория рассматривалась как «ничейная» и свободная для заселения.

Появление теории Тёрнера вызвало большой общественный резонанс и привлекло внимание исследователей, хотя ее автор не сказал по сути ничего нового². Возникший интерес, во-первых, объяснялся событиями 1893 г., когда в США разразился экономический кризис, сопровождавшийся волнениями рабочих и даже походом ветеранов Гражданской войны на Вашингтон. Последнее десятилетие XIX в. было также отмечено притоком не владеющих английским языком иммигрантов и обострением социальных конфликтов. Теория фронта объясняла эту ситуацию завершением освоения «свободных» земель Запада и в то же время указывала способы решения возникших проблем — распространение влияния США за пределы территории страны³.

Во-вторых, теория границы вобрала в себя ключевые составляющие сформировавшегося самосознания американской нации: индивидуализм, приверженность демократической форме правления, идею предопределения судьбы и равных возможностей. Фронт дополнял эти элементы, привлекая внимание к особой роли географического фактора в развитии и становлении независимости США. Это отмечают и современные исследователи, указывая, что «массовое переселение американцев на западные территории и обращение многих из них в самостоятельных собственников укрепляло демократические стороны американского капитализма, расширяло его социальную базу, обеспечивало ему преимущества, которых не было у других обществ западной цивилизации»⁴.

Появление теории границы оказалось крайне своевременным, что также объясняло широкий общественный и научный интерес к работам Тёрнера. Он представил теорию фронта в то самое время, когда только завершилось освоение Запада, и этот процесс объективно требовал научного осмысления. Именно в этот период происходило и становление исторической науки в универси-

татах западных штатов (Университет в Луизиане был открыт в 1853 г., Калифорнийский университет — в 1869 г., Техасский университет в — 1883 г.).

В начале 1930-х гг. в научном сообществе США обозначилась первая крупная волна критики теории фронта. Тёрнер уже не имел возможности ответить своим оппонентам: он ушел из жизни в 1932 г. — как раз в то самое время, когда предложенную им концепцию некоторые историки попытались объявить несостоятельной из-за ее односторонности и географического детерминизма. Сомнению подверглась и предложенная Тёрнером идея проведения сравнительного анализа фронтиров на материалах других стран и в разные исторические периоды.

Профессор Гарвардского университета Б.Ф. Райт в середине 1930-х гг. назвал спорной идею Тёрнера о том, что по мере продвижения фронта уже существующие формы демократических институтов приняли «совершенно новый и уже американский характер». По мнению Райта, политические институты, сложившиеся на Западе, во многом «копировали действующие на восточном побережье структуры», что не смог разглядеть Тёрнер.

В это же время ученый из Йельского университета Дж.В. Пирсон охарактеризовал теорию фронта как нелогичную и лишенную «собственного языка», обрушившись с критикой на популярную трактовку «западного фронта» как «предохранительного клапана». Тёрнер в ряде своих эссе действительно писал о том, что наличие свободных земель на Западе давало возможность снимать социальную напряженность в стране. Пирсон обратил внимание на тот факт, что в 1870—1880-е гг. на востоке США прошла крупная серия забастовок рабочих, и, несмотря на возможности уехать на Запад и заняться фермерством, многие проживающие на востоке страны предпочитали быть городскими рабочими⁵.

Эта критика во многом была справедлива. Тёрнер ни в 1893 г., ни позднее не представил четко разработанной концепции фронта (так же как и предложенной им теории секций). Американский историк не дал и самого определения «фронта». Была только идея, на что указывал изучавший эту проблематику отечественный ученый М.Я. Пелипась⁶. В этом были слабые и сильные стороны теоретических построений Тёрнера. С одной стороны, когда есть идея, ее можно развивать, насыщать конкретным историческим материалом, проводить сравнительные исследования. С другой, эта концепция-идея почти сразу стала благодатным полем для критики, исторических спекуляций и заблуждений. Сам Тёрнер считал свои работы, справедливо именуемые эссе, — в соответствии с жанром в них в основном содержались размышления на заданную тему — лишь первым шагом к проведению глубокого и всестороннего изучения феномена границы. Отмечая отсутствие научного интереса к фронтиру как «предмету серьезных экономических и исторических исследований», он предсказывал, что «лишь будущее сможет прояснить, насколько эти интерпретации оказались верны в отношении эпохи колонизации, которая постепенно подошла к концу и с исчезновением фронта, и свободных земель»⁷.

Публикация цикла лекций о фронтире в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе в 1940 г. в определенной степени символизировала ответ на волну критики тернеровской теории. Председатель Комитета по международным делам, профессор политических наук М.У. Грэхэм указал на то, что «своеобразная ирония состоит в том, что в скорости лет, последовавших за первым мировым конфликтом, много было написано... и много чернил ушло на печатание книг, брошюр, памфлетов по теме... Однако базовая литература по фронтирам на самом деле скудна»⁸.

Такая скудость литературы объяснима. Для серьезных работ о фронтире на опыте других стран требовался материал, накопление и анализ которого требовали времени. Продолжению исследований мешала и начавшаяся критика теории Тёрнера. Сложными и неоднозначными оставались вопросы методоло-

гического характера. До сих пор историки пытаются найти ответы на вопросы о том, какую именно зону или область можно считать фронтиром, как можно проверить теорию Тёрнера и применима ли она для других стран и регионов⁹. Тем не менее, военные события в Европе и Азии в 1930-е гг. заставляли обратиться к проблемам границ.

Примечательно, что предвеляя публикации лекций, Грэхэм выражал граничащую с уверенностью надежду, что США удастся избежать прямого вовлечения в расширяющийся военный конфликт. Остаться в стороне от военных действий Вашингтону, как известно, не удалось.

Представляет интерес замечание американского политолога о том, что «каким бы ни был его (военного конфликта в Европе. — *В.Р., Е.Х.*) исход, однажды мир будет заключен. Мирный договор включает в себя нечто большее, чем проблему демаркации границ, но это новое перекраивание территорий, несомненно, одно из самых роковых результатов почти любой войны... Пока что мы надеемся, что... условия мира будут соответствовать жизненно важным интересам американской нации»¹⁰. В этом ключе обращение к фронтирной тематике служило вполне конкретной цели Соединенных Штатов — принять участие в переделе европейских границ в своих интересах и не исключено — с реанимированием так и оставшейся по большей части нереализованной на Парижской мирной конференции программы «14 пунктов». Неслучайно, базовые принципы вильсоновской программы стали основой одного из ключевых документов Антигитлеровской коалиции — Атлантической хартии, заключенной 14 августа 1941 г. на встрече лидеров США и Британии, проходившей без участия СССР, подписавшего документ позднее.

Соединенные Штаты пока оставались в стороне от конфликта, но академическое сообщество страны пыталось осмыслить происходившее в Европе. Одной из ключевых причин нового вооруженного конфликта на европейском континенте Грэхэм назвал проблему «нерешенных фронтиров» в Европе¹¹. Исторически и политически наиболее конфликтным фронтиром он определил так называемый Польский коридор. С такой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти.

Если обратиться к проблеме территориального урегулирования после первой мировой войны, то можно увидеть, что конфликтный характер новых европейских границ был заложен отчасти намеренно. Следует также учитывать, что впервые в истории в качестве базисного для формирования системы международных отношений был выдвинут принцип права наций на самоопределение, озвученный в программе «14 пунктов» президента США В. Вильсона.

Этот принцип, заманчивый для некоторых европейских и, особенно, колониальных народов, разработчиками новых границ, прежде всего, Францией и Британией, по большей части не был принят во внимание. Новые границы были определены, во многом, исходя из желания наказать виновников войны и ослабить некогда великие державы.

Германия лишилась существенной части пограничных территорий в пользу новых государств. Чехословакия получила Судетскую область. Польша, наконец объединившаяся в единое самостоятельное государство из частей, входивших в Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую империи, получила Западную Пруссию и Силезию. Франция вернула себе Эльзас-Лотарингию, Бельгия получила Эйпен и Мальмеди, Дания — Северный Шлезвиг. Мемель — небольшой город Восточной Пруссии вдоль Балтийского моря — отошел к Литве. Саарская область — богатый угольный бассейн — перешла под контроль Лиги наций на 15 лет.

За пределами своих государств по результатам послевоенного урегулирования оказались немцы (по разным оценкам, 5—6 млн чел.¹²), австрийцы, венгры и представители других европейских народов, не считая априори пестрого и конфликтного в этническом и религиозном плане Балканского региона,

на котором после войны образовалось сложное в своем развитии Королевство сербов, хорватов и словенцев — будущая Югославия.

На границе Польши и Германии под польским протекторатом возник так называемый Польский коридор с выходом к Балтийскому морю в районе Гданьска (Данцига), получившего статус вольного города и поставленного под защиту Лиги наций. Эта буферная зона, отделявшая Восточную Пруссию от остальной территории Германии, по замыслу авторов рождающейся Версальской системы международных отношений, должна была служить барьером в отношениях Берлина и Варшавы и сдерживать реваншистские настроения недавно рожденной Веймарской республики. Однако в реальности нараставшие реваншистские настроения внутри Германии в 1920-х и особенно в 1930-х гг. вкуче с неспособностью Франции и Великобритании гарантировать стабильность Версальской системы, привели к силовому пересмотру установленных границ.

В прочитанных в Калифорнийском университете лекциях были затронуты разные виды фронтиров — естественные или физиографические, культурные, политические и стратегические. Выделение подобной типологии фронтиров отражало развитие тернеровской теории, в рамках которой схожей классификации предложено не было.

В первой лекции профессора географии Ж.О.М. Броека «Проблема “естественных фронтиров”», которая носила вводный характер, автор обозначил важные и неоднозначные вопросы этимологии — происхождения термина «фронтир», его использования и значения в разных языках. Брок показал, что в европейских странах (Франция, Германия, Испания) и в США под фронтиром традиционно понималась зона или область на рубежах государственных образований и позднее — государств. Автор развел термины «frontier» и «boundary».

Действительно, в английском языке существует ряд понятий, которые буквально можно перевести как «граница» — frontier, border, boundary, limit, fringe (край), пограничная территория — borderland. Термин «frontier» появился в английском языке позднее других определений границы и был заимствован из французского языка. Во французских источниках XIII—XV вв. понятие «фронт» и производное «фронтир» встречалось в двух значениях: передняя часть или фасад дома/церкви и «передовая линия фронта». С XVI в. этот термин приобрел другое смысловое содержание — «передовая линия государства», под которой имелась в виду как укрепленная граница (цитадель, крепость и т.д.), так и «динамичная» (подвижная) граница — населенная или пустынная зона или область. В английском языке этот термин стал использоваться скорее как обозначение некоей подвижной области, чем физической границы или демаркационной линии¹³.

Примеры таких границ — областей или зон, играющих, по сути, роль буферных территорий — Брок находил в Европе и Азии, в период античности, в Средние века и Новое время. Ярким примером может служить разделяющая Китай и Корею до XIX в. полоса территории, в которой поселение было запрещено: «Такие пространства по ту сторону государственной власти часто становились укрытиями для преступников из приграничных стран. Фронтиры европейских государств до наполеоновских войн (а в Германии даже дольше) характеризовались многими «эксклавами», маленькими, разбросанными кусочками территорий, часто представляющих собой замки или укрепленные города вне государства, пока, в свою очередь, само такое государство могло иметь “анклавы” или острова под иностранным управлением внутри своей собственной территории»¹⁴.

Существенным отличием от античности и средневековья, когда защитой государственных рубежей служили «естественные фронтиры», — сначала реки и горы, позднее укрепленные форты и крепости — границы национальных государств, появившиеся в Новое время, имели принципиально иной характер. Возник феномен «политических границ», «нарисованных человеком» для «обо-

значения своей власти». Попытки оспорить эту власть вели к масштабным военным конфликтам. Именно в этом — связке «национализма, выдвинутого Великой французской революцией» и «промышленной революции, которая привела к становлению современной технологической цивилизации», — Брок видел основную причину возникших на европейском континенте противостояний: «как нигде и никогда ранее, именно в Европе сошлись интересы национального духа и технологического скачка»¹⁵.

По мнению автора, это было опасно тем, что «границы, очерченные в соответствии с пространственным распространением “народа” (folk), не имеют ничего общего с современной структурой транспорта, сырья, энергоресурсов и рынков»¹⁶.

Данная мысль не нова. Еще в 1919 г. внимание на такое положение дел обратил британский экономист Дж.М. Кейнс, входивший в состав британской делегации на Парижской мирной конференции. По итогам этой крупной международной встречи он писал, что «мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы... он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников; в Париже не пришли ни к какому соглашению по вопросу о восстановлении расстроенных финансов Франции и Италии и ничего не сделали для согласования системы Европы и Нового Света»¹⁷.

Кейнс подразумевал недостаточное внимание авторов новой системы международных отношений к экономическим последствиям распада четырех крупнейших империй по итогам Великой войны и разрыву прежних хозяйственных связей при образовании новых государств. В знак несогласия с принятыми решениями Кейнс покинул Парижскую конференцию.

Мировой экономический кризис 1930-х гг. доказал правильность поставленного британским экономистом «диагноза». Однако попытки преодоления закрепившихся по итогам конференции национальных барьеров натолкнулись на факторы политического характера. Так, для решения финансовых и торговых трудностей Германия в 1933 г. предприняла попытку создания Таможенного союза с Австрией, что вызвало глубокое возмущение и негодование Франции, воспринявшей действия Веймарской республики как нарушение ст. 88 Сен-Жерменского договора об аншлусе Австрии. Таможенный союз не состоялся.

Дальнейшие события в Европе профессор Брок трактует с точки зрения принципа права наций на самоопределение. «Хотя право на самоопределение наций должно быть признано как великая духовная ценность, — пишет Брок, — трагедия Европы в том, что эта идея стала такой доминирующей, что она также правит экономической жизнью. Другими словами, национальные границы стали экономическими барьерами»¹⁸.

С такой трактовкой можно согласиться лишь отчасти, если иметь в виду, что после войны наметилась интенсификация внутрирегиональных и международных экономических связей, логика которых требовала создания экономических союзов. Однако ведущие государства мира предпочли закрыть свои границы высокими торговыми барьерами и даже в годы кризиса оказались неспособны на выработку согласованной политики по преодолению экономических трудностей.

В целом же, вряд ли корректно говорить о торжестве принципа права наций на самоопределение в случае с межвоенной Европой. Хорошо известно, что А. Гитлер апеллировал именно к этому принципу, требуя вернуть отторгнутые по итогам войны немецкие территории. Однако сущность «политики умиротворения» Германии (в более широком смысле эта политика была направлена и на другие государства, в том числе, Италию и Японию) не сводилась к признанию за Берлином права «на собиране» немецких земель. Скорее наоборот, этот принцип рассматривался как средство оттянуть войну и по возможности контролировать «аппетиты» усиливавшегося германского государства.

Выход в сложившейся ситуации — несовпадении государственных границ и промышленных зон (например, Австрия по результатам войны стала государственным образованием, лишенным сырья для промышленности и собственных продовольственных ресурсов)¹⁹ — профессор Брок видел в «перестраивании политических фронтиров на основе более широких, интегрированных экономических регионов. Внутри такой программы остается место для “естественных фронтиров”: если и где они действительно формируют значительные разрывы в социально-экономическом обмене, они должны обрисовывать и основные политические формы»²⁰.

Примечательно, что аналогичную точку зрения почти за два десятилетия до этого уже высказывал Кейнс. Он призывал к созданию «свободного торгового союза», который будет служить цели «восстановить потерю организации и экономической дееспособности... в результате возникновения многочисленных новых политических границ между жадными, завистливыми, незрелыми и экономически несовершенными национальными государствами. Экономические границы были терпимы, пока они охватывали огромные территории немногих бывших империй; но они станут невыносимы, когда Германия, Австро-Венгрия, Россия и Турция поделены на два десятка независимых государств. Свободный торговый союз, включающий всю центральную, восточную и юго-восточную Европу, Сибирь и Турцию и (как я хотел бы надеяться) Соединенное Королевство, Египет и Индию, мог бы сделать для мира и благосостояния этих стран столько же, сколько сама Лига наций»²¹.

Симптоматично, что эти идеи в несколько ином формате действительно будут реализованы — уже после второй мировой войны в виде современного Европейского союза, первоначально развивавшегося в ключе экономической региональной интеграции на принципах наднациональности.

Призыв Брока вернуться к «естественным фронтам» как к экономическим границам, безусловно, заслуживает внимания. Однако вся европейская история межвоенного времени представляла собой торжество политических соображений над экономическими факторами, и в этом, вероятно, также крылась «трагедия Европы».

Лекция профессора античной истории Дж. фон Нострэнда «Проблема культурных фронтиров» продолжила уже начатые размышления о значении и сущности фронта. Нострэнд был солидарен с коллегой в том, что фронт следует понимать как зону или область, и обращал внимание на то, что не следует спешить и списывать со счетов значимость «естественных фронтиров»: «Горы, пустыни, джунгли, болота, реки и моря являются барьерами, данными природой человеку, и могут быть использованы как постоянные или временные границы... Несмотря на постоянные и часто успешные попытки человека ослабить их контроль, их невозможно отменить»²².

Расширяя тернеровское понимание фронта, автор подчеркивал, что «все фронтиры, не важно, когда или где установленные, являются продуктами многих факторов». Речь шла о культуре. Подчеркивая ее «гибкость» и «неуловимость», профессор Нострэнд называет три базовых элемента любой культуры, важность которых меняется с течением времени — это язык, религия и наследственные привычки и обычаи²³.

Культурные различия, как известно, основаны на противопоставлении «мы и они». На определенном этапе под влиянием комплекса разных факторов одна культура воспринимает другую культуру как угрозу своим собственным ценностям и традициям. Исследователи самых разных дисциплин до сих пор пытаются определить истоки этого феномена и причины актуализации указанной дихотомии, в крайнем проявлении ведущей к ксенофобии и экстремизму.

Суть событий была схвачена профессором античной истории на удивление верно. Происходившее в Европе с 1930-х гг. — преступления нацистского режима и изменения границ при полной неспособности Лиги наций и гарантов

Версальской системы (Франции и Британии) противостоять им — действительно позволяло провести параллель с периодом греческо-римской «цивилизации», когда не принадлежащие к ней представители других народов воспринимались как «варвары». Уже во второй половине XIX в. обозначился кризис сложившейся в период эпохи Ренессанса и Просвещения системы гуманизма, основанной на гражданских правах, индивидуальной свободе и совести. Пошатнулась «вера в природную доброту человека»²⁴, на место которой в первой половине XX в. и особенно в межвоенный период пришли противоположные представления — о превосходстве одних культур над другими и тотальном контроле жизни человека в противовес личным правам и свободам.

Отметим, что фронтир между Западом и Востоком сохраняет свое значение и в современных условиях — повышение уровня конфликтности в мире и рост очагов военных конфликтов — актуализируют значимость мировоззренческих различий, которые все же не представляются непреодолимыми. Профессор Нострэнд обращал внимание на то, что разные культуры способны обогащать друг друга, и их различия априори не должны вести к противостоянию и военным столкновениям²⁵. Подобную точку зрения уже в наши дни озвучил профессор Гарвардского университета Ч.С. Майер в 2006 г. в книге «Среди империй». По его мнению, фронтир можно воспринимать в двух плоскостях — как зону коммуникации или как область разделения. В зависимости от подходов меняется и понимание фронта²⁶.

Стремительные политические перемены в Европе после первой мировой войны стали предметом анализа еще одного участника цикла лекций о фронтире в Калифорнийском университете, А. Штейнера. Он, размышляя о перекройке границ в Европе в период создания Версальской международной системы, предложил рассмотреть еще один вариант развития тернеровской концепции — политический фронтир.

Под ним Штейнер понимал границу, отделяющую одну политическую культуру от другой. Совершенно не обязательно, что политические фронтиры должны совпадать с официальными границами государств, хотя порой они наиболее отчетливо ощущаются именно при пересечении границы. Путешественник может уловить разницу, а, следовательно, ощутить себя на линии политического фронта уже в ходе процедур пограничного и таможенного досмотров с их особенностями паспортного и санитарного контроля, декларирования валют и драгоценностей, специфического отношения к иностранцам. При этом Штейнер не определял политический фронтир как нечто незыблемое, неменяющееся, что и позволяет ему использовать сам термин «фронтир», то есть весьма условную линию, которая легко перемещается в географическом пространстве. В качестве примера Штейнер привел северо-восточную границу Румынии, сформировавшуюся в результате соглашения между Австро-Венгерской и Российской империями в 1878 г., перекроенную в 1919—1920 гг. на основе идеи Великой Румынии, а в 1940 г. исправленную в соответствии с советской концепцией «стратегической обороны». Таким образом, настаивал американский политолог, политические фронтиры меняются столь же часто, как и политические интересы и мотивы, определяющие внешнюю политику государства²⁷.

Штейнер предлагал рассматривать политический фронтир как социологический термин, настаивая, что поведение государства на международной арене связано напрямую с поведением его правителей, их амбициями, воспитанием, особенностями восприятия политического и экономического уклада. Вывод американского автора неутешителен: «В рациональном мире, логически организованном для мира и для эффективного обслуживания человеческих нужд и интересов, проблемы фронтиров исчезли бы. Но это не тот мир, в котором мы живем. В нашем мире доминирует иррациональное стремление к власти»²⁸.

Для иллюстрации своего тезиса Штейнер привел пример с пограничными конфликтами в Европе. На момент 1938 г. он насчитал 56 споров из-за границ в европейской части света, возникших в результате масштабной перекройки границ после первой мировой войны. В то же время за последние годы ни одна из войн, возникших в мире, не была вызвана пограничным конфликтом. Причины были всегда глубже, и споры из-за границ становились лишь поводом для войн. В качестве примера Штейнер приводит нарочитую озабоченность Гитлера по поводу Польского коридора. На самом деле, даже заполучив Данцинг, Гитлер на этом не остановился, точно так же, как он не остановился, оторвав от Чехословакии Судетскую область ²⁹.

Таким образом, политические фронтиры нередко выходят за пределы официальных границ государства и определяются исключительно аппетитами руководства страны. В качестве такого политического фронтира можно рассматривать Рейнскую демилитаризованную зону, которую Штейнер отнес к категории «фронтира в наказание» (punitive frontier). Иначе этот фронтир можно назвать «фронтиром торжествующего победителя». Он фиксируется и для ослабления побежденного противника, и для предотвращения будущих войн, но удерживается лишь до тех пор, пока победитель в силе ³⁰.

О рейнском фронтире размышлял и другой лектор — князь А.А. Лобанов-Ростовский, участник первой мировой войны и Белого движения, перебравшийся на Запад после гражданской войны в России и обосновавшийся с 1930 г. в США. Лобанов-Ростовский предложил рассмотреть такую категорию, как «стратегический фронтир», то есть фронтир, обеспечивающий безопасность государства или усиливающий его позиции с точки зрения обороны и наступления. Ученый выделял два основных стратегических фронтира в Европе — Рейнско-Дунайский и Висло-Припятский — и несколько второстепенных.

Лобанов-Ростовский считал Рейн наиболее естественной границей Франции, а выход к нему — одной из главных задач французской внешней политики со времен кардинала Ришелье. Рейн еще во времена Римской империи разделял германский и латинский миры. Его дельта тоже являлась стратегическим фронтиром — для Британии. Принципиальной позицией Лондона на протяжении нового и новейшего времени было недопущение перехода бельгийско-нидерландского побережья под контроль любой сильной европейской державы. Долина Рейна и в середине XX в. оставалась центром титанической борьбы Германии и Франции ³¹.

Исток Рейна располагается вблизи истока другой великой европейской реки — Дуная, который многие столетия тоже являлся фронтиром: сначала между Римской империей и варварским миром, потом между Византийской и Римской империями, а затем на смену Византии пришла Османская империя, и в Европе возник фронтир христианской и мусульманской цивилизаций. Связующее звено бассейнов Рейна и Дуная — Баварская долина. Ее Лобанов-Ростовский называет ключом к сердцу Европы — Вене и выходом к Центральной Германии и Пруссии. И точно так же, как и дельта Рейна, дельта Дуная является важным стратегическим фронтиром Европы, особенно в политике европейских держав по сдерживанию России ³². Во внешней политике Гитлера Лобанов-Ростовский особенно выделял захват Германией или контроль через сателлитов за всем Рейнско-Дунайским стратегическим фронтиром, что само по себе уже обеспечивало Третьему Рейху стратегическое доминирование в Европе. Не случайно, как отмечал лектор, $\frac{3}{4}$ всех европейских войн проходили на Рейнско-Дунайском фронтире.

В этой связи логичной выглядела попытка Берлина занять и второй по важности стратегический фронтир в Европе, который на западе ограничивался Вислой, на севере — Балтийским морем, на востоке — Припятскими (Пинскими) болотами, Неманом и Бугом, а на юге — Карпатами. Неисчислимо количество

чество войн и сражений состоялось в этой части Европы. Висло-Припятский фронт был ключевым в обороне России. Лишение выхода к нему серьезно ослабляло стратегические возможности Москвы.

Прочие стратегические фронты в Европе Лобанов-Ростовский причислял к категории периферийных или локальных, имевших лишь региональное значение. К их числу он относил Пиренеи, пролив Эресунн между Данией и Швецией («бутылочное горло Балтийского моря»), Аландские острова и Альпы. Последние особо выделялись исследователем ситуации в Европе в силу их неприступности. Как русскому по крови и человеку, принадлежавшему к семье, ведущей свою родословную от Рюрика, Лобанов-Ростовскому было приятно отметить, что за всю историю лишь трем полководцам удалось перевести через Альпы свои армии: Ганнибалу, Суворову и Наполеону³³. Но в век механизированных войн этот маневр был крайне затруднителен. Лектор много рассуждал об Альпах, как о главном оборонительном фронте Италии. Следует напомнить, что в момент чтения лекций в Калифорнийском университете еще продолжалась «странная война» и мировые наблюдатели находились в плену иллюзии о мощи французской сухопутной армии, которая, дескать, была способна не только сдерживать натиск гитлеровских войск, но и перейти в контрнаступление против Германии и ее союзников.

Последняя лекция из цикла «бесед о фронте» в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе была прочитана Р. Хассеом. Речь в ней шла о фронтах американских материков. Заслуживает внимания реплика калифорнийского специалиста по истории Америки о том, что в будущем «для Соединенных Штатов может оказаться желательным в целях национальной безопасности найти какие-либо формы экспансии на острова Атлантического и Тихого океанов или в районах Арктики и Антарктики»³⁴. Таким образом, этот пассаж целиком корреспондировался с мнением Тёрнера о том, что «опротечивым пророком станет тот, кто будет утверждать, что экспансионистский характер американской жизни к настоящему времени полностью исчез. Движение было ее доминантой, и... энергия Америки будет постоянно требовать более широкого поля для своего приложения»³⁵.

Ознакомление с лекциями американских ученых о применении теории фронта к ситуации в Европе 1940 г. оставляет впечатление некоторой беспечности и определенной близорукости академической общественности США. Разворачивавшаяся катастрофа в Европе рассматривалась ими так, словно речь шла о чем-то отдаленном, не имеющем никакого отношения к Соединенным Штатам. Да и уровень научного анализа оказывался нередко поверхностным. Сказывался дефицит специалистов по европейской и, вообще, зарубежной истории. Не случайно к лекциям привлекали иностранцев, в частности — Лобанова-Ростовского. Справедливости ради необходимо отметить, что лекции читались силами сотрудников лишь одного университета. Вместе с тем, подход калифорнийских ученых к теории фронта раскрывал новые возможности применения теории Тёрнера.

Чтение и публикация серии лекций о фронте в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе стали одной из первых попыток вписать теорию фронта в европейский опыт и расширить концептуальное понимание границ как сложного географического, культурного, политического и стратегического феномена. Эксперимент калифорнийских ученых по изучению границ и пограничных конфликтов как многоаспектного феномена показывал, что, несмотря на жесткую критику теории Тёрнера в 1930-е гг., ее потенциал оказался гораздо шире, чем задумывал сам автор. Применение данной теории к европейским реалиям не только высвечивает новые аспекты краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, но и дает пищу для размышлений о современной трансграничной активности в Европе и миграционном давлении на европейские фронты в 2010-х годах.

Примечания

1. ТЁРНЕР Ф.ДЖ. Фронтир в американской истории. М. 2009, с. 15.
2. До Тёрнера «западный фронтир» как движущую силу развития американской нации, источник экономического благосостояния, сплочения американского народа и неотъемлемый элемент американской цивилизации рассматривали основоположники американского государства Т. Джефферсон и Б. Франклин, а также ряд других политических и общественных деятелей и ученых. Так, схожий с тернеровской теорией взгляд на американский фронтир представил будущий президент США Т. Рузвельт в своей многотомной работе «Победа Запада (1885—1894 гг.)». Об этом подробнее см.: SLOTKIN R. Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. N.Y. 1993, p. 29—62.
3. КУШНЕР Г. Постоянство «идей границы» американской мысли. Новый взгляд на историю США. В кн.: Американский ежегодник. 1992. М. 1993, с. 136.
4. СОГРИН В.В. Архетипы и факторы цивилизации США. — США-Канада. Экономика. Политика. Культура. 2009, № 5, с. 17.
5. JONES K.R, WILLIS J. The American West: Competing Visions. Edinburgh. 2009, p. 41—43.
6. ПЕЛИПАСЬ М.Я. Опыт использования идеи фронтаира в гуманитарных исследованиях ученых Западной Сибири. В кн.: Американские исследования в Сибири. Вып. 8. Томск. 2004, с. 18.
7. ТЁРНЕР Ф.ДЖ. Ук. соч., с. 11, 14.
8. Frontiers of the Future. Lectures Delivered Under the Auspices of the Committee on International Relations on the Los Angeles Campus of the University of California. Berkeley-Los Angeles. 1940, p. 5.
9. См., например: HUDSON J.C. Theory and Methodology in Comparative Frontier Studies. In: The Frontier. Comparative Studies. Oklahoma. 1977, p. 11—30; MAIER CH.S. Among Empires. American Ascendancy and Its Predecessors. London. 2006, p. 78—111.
10. Frontiers of the Future, p. 3.
11. Ibid., p. 5.
12. Раздел мира после войны в цифрах. В кн.: Мировые войны XX в. Кн. 2. Документы и материалы. М. 2002, с. 543—545.
13. A New Kind of History from the Writings of Febvre. London. 1973, p. 208—209, 217.
14. Frontiers of the Future, p. 5—6.
15. Ibid., p. 18—19.
16. Ibid., p. 19.
17. КЕЙНС ДЖ. Экономические последствия Версальского мирного договора. В кн.: Мировые войны XX в., с. 536.
18. Frontiers of the Future, p. 5—6.
19. Раздел мира после войны в цифрах. В кн.: Мировые войны XX в., с. 544.
20. Frontiers of the Future, p. 19—20.
21. КЕЙНС ДЖ. Ук. соч., с. 541.
22. Frontiers of the Future, p. 23—24.
23. Ibid., p. 23.
24. Европейская культура. XXI век. М. СПб. 2013, с. 45—46.
25. Frontiers of the Future, p. 33—34, 43.
26. MAIER CH.S. Op. cit, p. 98—99.
27. Frontiers of the Future, p. 79—80.
28. Ibid., p. 88.
29. Ibid., p. 68—69.
30. Ibid., p. 80—81.
31. Ibid., p. 93—95.
32. Ibid., p. 95—96.
33. Ibid., p. 100.
34. Ibid., p. 137.
35. ТЁРНЕР Ф.ДЖ. Ук. соч., с. 40.

Зарождение театра в Северном Азербайджане в конце XIX — начале XX в.

Э. Вагабова

Аннотация. В работе освещается появление первых театральных трупп в Баку и других крупных городах Северного Азербайджана. Показано, в каких тяжелых условиях шло становление азербайджанского театра. Внимание сосредоточено на постановке спектаклей, основанных на азербайджанской драматургии и классической русской литературе, на привлечении к театру местного населения. Автор подчеркивает, что появление и деятельность первых театральных трупп обогатили азербайджанскую культуру исследуемого периода.

Ключевые слова: Азербайджан, национальный театр, первые театральные труппы, режиссеры, спектакли, репертуар, гастроли.

Abstract. This work lights the appearance of the first theatrical companies in Baku and other large cities of Northern Azerbaijan. It is shown, in what severe conditions there was a formation of the Azerbaijani theater. The attention is concentrated on statement of performances on the basis of the Azerbaijani dramatic art and classical Russian literature, about attraction to theater of local population. The author emphasizes that emergence and activity of the first theatrical companies enriched the Azerbaijani culture of this period.

Key words: Azerbaijan, national theater, first theatrical companies, directors, performances, repertoire, tours.

В Российской империи роль театра сводилась к популяризации русской музыки, языка и культуры. В противовес этому в Азербайджане со второй половины XIX в. начали ставить спектакли по произведениям выдающихся азербайджанских писателей М.Ф. Ахундова, Н.Б. Везирова, А. Ахвердиева и др., и любительский театр постепенно стал перерастать в профессиональный.

В некоторых азербайджанских городах создавались театральные труппы, появлялась творческая молодежь, которая смысл своей жизни находила в театре, занимаясь постановкой спектаклей и участвуя в них. Руководителям театра постоянно приходилось заниматься его пропагандой. До начала спектакля со

Вагабова Эсмירה Рагим гызы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана.
E-mail: esmira.vahabova@mail.ru.

Vagabova Esmira Rahim gyzy — doctor of philosophy on history, leading researcher of the Institute of history named after A. Bakikhanov. National Academy of Sciences of Azerbaijan.
E-mail: esmira.vahabova@mail.ru.

вступительным словом о роли театра в воспитании широких масс выступал кто-либо из участников или организаторов представления ¹.

Понимая огромное значение театра, представители азербайджанской интеллигенции начали организовывать спектакли во многих городах Северного Азербайджана — Лянкарани (1850), Шуше (1854), Нухе (1879), Иревани (1882), Баку (1873), Губе (1875), Нахчывани (1883). Спектакли организовывали в поддержку бедных учащихся, либо в пользу школы, училища, читальни ².

Лянкаранская театральная труппа была сформирована в 1850 г. под руководством известного просветителя Т.Б. Байрамалибекова. Он был автором идеи создания кружка сценического искусства, организовывал постановки и проведение любительских спектаклей, к которым привлекал не только учеников, но и педагогов. В 1891 г., например, была показана «Женитьба» Н.В. Гоголя. Байрамалибекову принадлежит заслуга в создании пьесы первой азербайджанки-драматурга С. Ахундовой. Тем самым он впервые осуществил в Лянкаране постановки спектаклей на азербайджанском языке. Сборы со спектаклей являлись средством оказания материальной помощи ученикам из семей бедняков.

Для развития театрального искусства он пригласил нескольких бакинских актеров во главе со знаменитым впоследствии трагиком Гусейном Араблинским. М. Магомаев, в 1905—1911 гг. проживавший в Лянкаране, в 1909 г. сформировал интернациональные по составу драматические и хоровые группы, осуществлявшие постановки на азербайджанском и русском языках ³.

В 1854 г. интеллигенция Шуши организовала клубы для показа спектаклей ⁴. А по инициативе азербайджанского педагога, писателя и этнографа Р. Эфендиева была осуществлена театральная постановка в Нухе ⁴.

После взятия крепости Иревань (1827) силами офицеров-любителей русского гарнизона, оставленного в городе, в Зеркальном зале Сардарского дворца был поставлен первый спектакль. Это была комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума», на котором присутствовал сам автор.

В 1886 г. в Иревани под руководством 23-х летнего Ф. Кочарлинского силами любителей театра и азербайджанских гимназистов была поставлена пьеса М.Ф. Ахундова «Мусье Жордан и дервиш Масталишах», против которой выступало духовенство. Позже Кочарлинский в статье «Татарские комедии» напишет: «... этот первый спектакль в Гей мечети был первым бунтом иреванских азербайджанцев против служителей мечети» ⁵. В течение 8 лет запрещалось ставить этот спектакль. Следующая его постановка на азербайджанском языке состоялась 4 апреля 1890 г. с разрешения правительства, о чем сообщалось в газете «Кешкюль»

В театральных постановках раскрылся талант молодого актера и режиссера Юнуса Нури (1878—1950) ⁶, с именем которого многие азербайджанские театроведы связывают становление азербайджанского театра в Иревани. Под его руководством в 1903 г. в поместье Панах хана Макинского был поставлен спектакль-водевиль «Гырт-гырт» ⁷ и «Ревизор» Н.В. Гоголя. Дальнейшие постановки этой труппы проходили в клубе Джанполодовых и пользовались большим успехом.

Особенно тяжелым для азербайджанских любителей театра были события 1905—1906гг. — так называемая армяно-азербайджанская смута — когда спектакли устраивались с большими перерывами. В такое тяжелое время на гастроли в Иревань из Баку приехала театральная труппа Гусейна Араблинского. Были показаны спектакли по пьесе А. Ахвердиева «Несчастный юноша» и Н. Нариманова «Надир шах», которая долгое время была запрещена к постановке царской цензурой ⁸. Спектакли проходили с большим успехом и пользовались популярностью среди населения города. В своих «Воспоминаниях» Юнус

Нури писал, что «после отъезда труппы Г. Араблинского, оставившего в истории театра Иревани неизгладимый след, число нашей труппы с каждым днем множилось, мы стали работать еще интенсивнее»⁹. Со временем репертуар иреванской азербайджанской труппы стал пополняться произведениями других азербайджанских писателей. Но всех волновал вопрос участия женщин в спектаклях. Руководитель труппы Юнус Нури очень долго искал исполнительницу женской роли в комедии «Аршин мал алан». Роль Гюльчохры исполнила дочь Гассаба Асада Тамара, а сам спектакль прошел с огромным успехом.

1914—1917-е гг. были очень удачными для Иреванского театра, который до прихода дашнаков к власти переживал эпоху своего возрождения.

Основателем созданного в 1873 г. в Тифлисе азербайджанского театра драмы был Абдулла Халилов, ставивший спектакли по произведениям азербайджанских классиков, зарубежных и русских писателей¹⁰. На сцене этого театра играли замечательные азербайджанские актеры — А. Ахвердиев, Г. Араблинский, С. Рухулла, У. Раджаб, И. Исфаганлы, А. Юзбашев, А. Вели, Р. Афганлы, М. Санани, М. Марданов.

Со стороны грузинской общественности, интеллигенции, простых людей открытие азербайджанского драматического театра в Тифлисе было встречено с большим воодушевлением. Что же касается царских чиновников, то они всячески вмешивались в деятельность театра и мешали его нормальному функционированию. Долгие годы театр не имел своего здания и испытывал финансовые трудности¹¹. И, несмотря на это, азербайджанская труппа театра с честью выполняла свою миссию, пропагандируя культуру своего народа и способствуя развитию театров в других городах Азербайджана, Грузии, Ирана, Средней Азии.

В Нахчывани более или менее регулярная театральная жизнь началась благодаря выпускникам Горийской семинарии. Здесь в 1882—1883 гг. известным писателем и публицистом Э. Султановым было основано «Общество интеллигентов», объединявшее, прежде всего, преподавателей и студентов, а в 1883 г. — «Мусульманское шиитское искусство и драматическое общество»¹².

К середине 80-х гг. XIX в. при участии Г.Б. Везирова, А. Ахвердиева, Б. Бадалбекова оживилась театральная жизнь в Баку. Не имея государственной поддержки, материальной базы, профессиональных кадров, подвергаясь гонениям со стороны духовенства и официальных кругов, испытывая многие лишения, азербайджанский театр совершенствовал свое искусство¹³.

В 1887 г. учитель бакинской русско-азербайджанской школы Г.Б. Махмудбеков создал кружок любителей театра, который, укрепившись, в 1888 г. превратился в театральную труппу¹⁴. В 1891 г. в эту труппу вошел и Н. Нариманов.

В декабре 1896 г. в Баку была организована «Первая мусульманская театральная труппа», в которую вошли Д. Зейналов, М. Гаджинский, И. Меликов, Г. Меликов (Зардаби) и др. В 1898 г. предпринятая Наримановым совместно с Зейналовым, Н. Велиевым, Г. Махмудбековым попытка создать в Баку народный театр, благодаря которому «рабочий люд имел бы возможность за низкую плату посещать театр, знакомиться с произведениями как азербайджанских авторов, так и мировой литературы», не удалась¹⁵.

К числу важных факторов, влияющих на жизнеспособность театра, относятся и театральная критика¹⁶, за необходимость которой единогласно высказывались лучшие представители театральной среды, артистические силы, которой, как отмечала газета «Каспий», «должна быть предоставлена полная свобода в смысле оценки, и без которой умрет и сам театр, заглухнет и само искусство»¹⁷.

Видный азербайджанский журналист и публицист Г. Минасазов, придавая театру большую роль в пропаганде демократических идей, выступал за сближение народа с театром. В одной из своих статей он подчеркивал, что «театром

надо воспользоваться для пропаганды идеалов и идей, возвышающих обычный уровень жизни масс»¹⁸.

В августе 1906 г. под руководством А. Хасмамедова в Елисаветполе развернуло свою деятельность «Елисаветпольское мусульманское драматическое общество». Театральная труппа этого общества (38 чел.) ставила спектакли по произведениям Нариманова, Эфендиева, С. Ганизаде и др.¹⁹.

Примечательно, что на средства этого общества в 1909 г. была издана книга «Что есть театр?», написанная в 1901 г. преподавателем тюркского языка Елисаветпольской реальной гимназии М.М. Ахундзаде. Это была первая книга о театре на азербайджанском языке²⁰.

Осенью 1906 г. в Баку был образован артистический кружок²¹, главной целью которого стало «доставление населению разумных общедоступных развлечений и поднятие степени его культурных развлечений посредством устройства спектаклей, лекций, музыкально-танцевальных и литературных вечеров, детских игр (с разрешения надлежащего начальства на устройства каждого вечера)»²².

Для обслуживания рабочих нефтяных районов при рабочей газете «Текамюль» была создана труппа «Гамийет», в состав которой вошли ее организаторы М. Алиев, А.Г. Рзаев, Дж. Гаджинский, которые сами готовили спектакли и привлекали зрителей. Труппа гастролировала по рабочим нефтяным районам Сабунчи, Черный город, Рамана, Биби-Эйбат и пользовалась большим успехом у зрителей²³. Посильную помощь оказывали рабочие-революционеры Х. Сафаралиев, М. Мамедьяров, А.И. Абилов, которые помимо распространения билетов среди рабочих, вели и агитационно-пропагандистскую работу. Полиция всегда опасалась спектаклей труппы «Гамийет» и всячески препятствовала ее деятельности.

В апреле 1906 г. по инициативе Нариманова в Баку была организована вторая труппа под названием «Товарищество мусульманских драматических артистов», руководителем которой стал Зейналов²⁴.

Будучи талантливым актером, Зейналов оказался хорошим руководителем и режиссером ряда спектаклей. «Каспий», давая оценку его творчеству, писал, что «этот артист мусульманского театра обнаруживает недюжинное дарование и положительно становится общим любимцем посетителей татарского (азербайджанского. — Э.В.) театра», «его роль для азербайджанской сцены настолько велика, насколько роль Щепкина для русского театра»²⁵.

«Товарищество» представляло собой небольшой коллектив актеров, работавших на основе договора-устава, предусматривавшего распределение основных творческих, административных и финансовых обязанностей между членами. Руководящая роль в «Товариществе» принадлежала режиссеру, который подбирал репертуар, распределял роли, вел репетиции и следил за дисциплиной. Согласно договору, актеры могли приглашаться и со стороны, в случае нехватки и за особую плату. Свой фонд организация пополняла за счет процента с обязательного взноса с каждого спектакля. Несмотря на большие трудности, отсутствие материальной базы и постоянного помещения (спектакли проходили в помещениях клуба «Морского собрания» на Николаевской ул., Артистического собрания в Губернаторском саду, в театре Маилова), «Товарищество» регулярно давало спектакли, расширяя свой репертуар, совершая поездки по городам и селам страны, рабочим нефтяным районам²⁶. Все это оказывало благотворное влияние на формирование стиля азербайджанского театра.

Деятельность труппы продолжилась до 1907 г., когда ее артисты были приглашены на службу просветительским обществом «Ниджат», сыгравшим заметную роль в становлении национального театрального искусства²⁷. С этого года театральное дело всецело перешло в руки данного общества, вплоть до появления в 1908 г. на азербайджанской сцене оперы.

Театральная труппа общества «Ниджат», как правило, ставила свои спектакли и бенефисы в театре Тагиева. Например, 28 октября 1908 г. прошел бенефис азербайджанского артиста Араблинского с показом пьесы «Газават», а 5 декабря была поставлена разрешенная пьеса М. Расулзаде «Во тьме свет»²⁸.

В 1908 г. произошло объединение наиболее талантливых актеров в одну драматическую труппу при обществе «Ниджат»²⁹. Режиссером труппы был Араблинский, но на отдельные постановки приглашался и русский режиссер С. Валентинов, и русские актрисы, владевшие азербайджанским языком. Спектакли шли 1—2 раза в неделю. Чтобы как-то разнообразить репертуар, деятели театра ставили пьесы Гоголя, Толстого, Шиллера, Гёте, Мольера, Шекспира.

Успехи, достигнутые азербайджанским театром в начале XX в., были настолько внушительны, что сообщения о местных спектаклях постоянно появлялись в российской прессе. В одном из номеров московского журнала «Русский артист» говорилось о том, что задачи азербайджанской труппы заключались «в подъеме качества исполнения на должный уровень», что «артисты-мусульмане смотрят на театральное дело очень серьезно. Пьесы идут чаще классические. Из артистов особенно заслуживают внимания Араблинский, Ахундов, Велиев, Гаджинский, Мурадов и Меликов»³⁰.

Передовые деятели литературы и искусства, высоко оценивая идейно-художественное и политическое значение театра, боролись за поднятие уровня сценического мастерства. И здесь уместны слова известного азербайджанского театрального деятеля Араблинского, утверждавшего, что «нельзя добиться успеха в театре без достойного отношения к нему, без отдачи всех сил, без служения соотечественникам»³¹.

В какой-то период интерес к театру стал ослабевать. Причины этого известный азербайджанский публицист Г. Минасазов видел «в самой постановке театрального дела, в необеспеченности лиц, отдавших себя сценическому искусству; в зависимости материального успеха спектаклей от состоятельных и интеллигентных лиц; в отсутствии у этих лиц желания посещать мусульманские спектакли»³². Только решив все эти вопросы, можно было изменить отношение мусульман к театру.

Когда же в Тифлисе было организовано «Татарское (азербайджанское. — Э.В.) драматическое общество при Народном доме Зубалова», Минасазов приветствовал это своей статьей в газете «Закавказье»³³, указав, что цель общества — «содействие развитию драматического искусства среди татарского населения Кавказского наместничества путем устройства постоянных и случайных татарских (азербайджанских. — Э.В.) спектаклей как в Народном доме имени Зубалова, так и в пределах Кавказского края»³⁴.

В 1912 г. в Баку было организовано еще одно просветительное общество — «Сафа». 31 августа 1912 г. на сцене театра Г.З. Тагиева эта труппа поставила свой первый спектакль «Ага Керим хан Ардебилли» по пьесе Н.Б. Везирова. Проводя широкую культурно-просветительную работу, труппа «Сафа» организовывала поездки азербайджанского театра в различные города Южного Кавказа, Средней Азии, Северного Кавказа, Ирана, Казань, Астрахань и др.

Говоря об обществах «Ниджат» и «Сафа» отметим, что оба они преследовали одни и те же задачи, в труппах работали одни и те же актеры. Однако, в театральных секциях как «Ниджат», так и в «Сафа» серьезные пьесы вытеснялись из репертуара, поощрялись постановки водевилей, пустых развлекательных комедий, мелодрам и оперетт, как наиболее прибыльных и наименее опасных.

Принимая во внимание отношение публики того времени к театру, следует подчеркнуть, что, с материальной точки зрения, там, где одно из этих обществ получало прибыль, другое непременно несло убыток. Соревнование обоих обществ при рекламной конкуренции вносило дезорганизацию в ряды пуб-

лики, которая разделялась на две половины: на «ниджатцев» и «сафинцев». «Предубежденность не давала возможности оценивать достойное или же позволить ничтожному, а то и вредному явлению сделаться предметом оаций. И вместо изощрения эстетического вкуса народа портился его природный вкус»³⁵, что неизбежно отражалось и на самой постановке спектаклей.

Из-за противоречий, раздиравших в то время руководство «Сафа» и «Ниджат», объединение всех театральных сил превратилось в неразрешимую проблему. Газета «Каспий» писала, что «вопрос об урегулировании мусульманской сцены занимает умы представителей мусульманского общества»³⁶.

В мае 1913 г. общество «Ниджат» торжественно отметило 40-летие сценической деятельности Мирзы Мухтара Мамедова³⁷, а в ноябре 1913 г. 40-летие литературной и театральной деятельности драматурга Н.Б. Везирова, или как его еще называли «мусульманского Островского»³⁸.

Несмотря на достигнутые успехи в театральном деле, на страницах периодической печати неоднократно появлялись статьи, авторы которых выступали против несерьезного, безответственного отношения к театру, против тех, кто превращал его в средство развлечения и источник легкой наживы»³⁹.

Так, в заметке М.А. Алиева «Одно назидание», опубликованной в газете «Иршад», автор призывал серьезно относиться к театру, поднимать его авторитет в глазах публики⁴⁰. «Пока наша публика значение театра понимает не совсем верно, писал Алиев, надо быть осторожным в организации спектаклей с тем, чтобы народ не отвернулся от театра, а понял бы его идейное значение»⁴¹. Кроме того, приходилось преодолевать сопротивление со стороны царской цензуры, которая месяцами задерживала разрешение пьес к постановке, а временами запрещала их без каких-либо причин⁴².

В 1914 г. в Баку были организованы две труппы музыкального театра. Первая — З. Гаджибекова, ставившая его оперетты. Гаджибеков был режиссером своей труппы. Вторая — Г. Сарабского и Магомаева, куда входили основные силы музыкального театра. Режиссером труппы был Сарабский⁴³.

Задачей этих трупп были регулярные постановки спектаклей, для чего был заключен договор с композитором Уз. Гаджибековым. Назовем лишь некоторые из них: «Лейли и Меджнун», «Не та, так эта», «Асли и Керем», «Шах Аббас и Хуршидбану», «Аршин мал алан» и др. Оперы были написаны и М.Д. Амировым («Сейфуль-Мюльк», 1916) и Г.Б. Шарифовым («Мехру и Мах», 1916). Обе труппы совершали гастроли по городам Кавказа.

В 1914 г. наблюдался кризис в театральном деле, причину которого некоторые критики видели в уменьшении сборов с драматических спектаклей, вызванного, как они считали, появлением оперы. Но основная причина касалась падения идейно-художественного уровня драматических спектаклей, что отразилось на посещаемости их зрителями; сами актеры вынуждены были искать заработок вне сцены. Чтобы как-то решить вопрос с помещениями, правление общества «Ниджат» вошло с ходатайством к градоначальнику о предоставлении права постановки мусульманских спектаклей в пасхальные праздники, когда театры пустовали, на что был получен положительный ответ⁴⁴.

Ко всему этому добавился еще и закон о налоге на театральные билеты, вступивший силу 1 февраля 1916 года. Основную массу зрителей в азербайджанском театре в те годы составляла интеллигенция, а возросший почти в шесть раз налог, особенно на дешевые места, чувствительно ударил именно по ней, углубив и без того начавшийся кризис в театре. Автор статьи «Удар по театру» И. Глахенгауз, печатавшийся под псевдонимом «Игла», призывал беречь театр, «единственный светлый храм... Театр — это единственный вид искусства, каждому понятный и доступный. Отнимите у провинциального интеллигента театр — и что останется в его тусклой жизни»⁴⁵. Налог только

усугубил начавшийся кризис в театральном деле, больно ударив по финансированию азербайджанского театра.

Некоторое оживление произошло в театральном деле после постановки 29 апреля 1916 г. пьесы Дж. Мамедкулизаде «Мертвецы», имевшей оглушительный успех. Премьера спектакля состоялась в театре Тагиева. Это было значительным событием в истории национального театра и азербайджанской драматургии. В пьесе была предпринята попытка осветить темные стороны жизни азербайджанского народа. Потрясенный увиденным, старейший азербайджанский драматург Везиров писал: «Не могу не выразить моей радости по поводу факта появления таких произведений, где бичуется шарлатанство таких лиц, как Шейх Насрулла, которые веками держат несчастное мусульманство в полном невежестве, играя на почве религиозного фанатизма»⁴⁶.

В октябре 1917 г. был создан «Союз мусульманских артистов»⁴⁷. Председателем Союза был избран азербайджанский актер театра и кино, режиссер Аббас Мирза Шарифзаде. Это был, как писал «Каспий», «первый шаг в деле объединения профессиональных артистов Азербайджана... наша сцена нуждается в развитии, и это может сделать организация, близко стоящая к театральному делу»⁴⁸.

Союз размещался в здании «Исмаилийи», объединял вокруг себя основные театральные труппы, имел свой гардероб, необходимые аксессуары и давал регулярные спектакли на товарищеских началах. В конце декабря 1917 г. Союз организовал специальную студию, где азербайджанские актеры впервые в истории азербайджанского театра начали обучаться сценическому мастерству. В это же время «Союз мусульманских артистов» осуществил постановку спектакля «Завоевание Адирны» Дж. Джабарлы. Спектакль прошел с большим успехом.

К сожалению, «Союз мусульманских артистов» просуществовал недолго. В 1918 г. здание «Исмаилийи» сгорело, а вместе с ним и все имущество «Союза...». Студия закрылась. Но тем не менее, несмотря на столь короткий срок, она сыграла большую роль, положив начало организационному укреплению азербайджанского театра.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что появление первых азербайджанских театральных трупп, их деятельность способствовали дальнейшему развитию театрального искусства и обогатили азербайджанскую культуру.

Примечания

1. Каспий. 8.XI.1906.
2. Бакинские известия. 18.III.1904, № 66; 27.III.1904, № 73; Кавказское слово. 7.I.1906, № 5.
3. ТАИРЗАДЕ Н. Просветительская и научная деятельность Теймурбека Байрамалибекова. — Известия АН Азербайджанской ССР (серия история, философия и право). 1974, № 2.
4. КЕРИМОВ И. История Азербайджанского театра. Т. 1. Баку. 2008, с. 277.
5. КОЧАРЛИНСКИЙ Ф. Татарские комедии. — Новое обозрение. 3, 7, 16.VI.1895.
6. РИЗАЕВ С.А. Юнус Нури. Ереван. 1982.
7. КЕРИМОВ И.С. Ук. соч., с. 329.
8. РИЗАЕВ С. Азербайджанский театр в Армении. Баку. 1963, с. 33.
9. Там же, с. 34.
10. ГАДЖИЕВ А.М. Тифлисский азербайджанский театр. Б. Ишыг. 1984, с. 5.
11. Там же, с. 11.
12. Хроника Нахчыванского театра (1883—2008). Баку. 2010.
13. ДЖАФАРОВ ДЖ. Азербайджанский драматический театр. Баку. 1962, с. 50.
14. История Азербайджана, т. 3, с. 408.

15. Каспий. 1898, № 223.
16. Подр. об этом см.: АЛИЕВА Н. Проблемы развития театральной критики в Азербайджане. 1872—1960 гг. Баку. 1997.
17. Каспий. 13.IX.1903, № 197.
18. Закавказье. 17.IV.1909.
19. ЮСУФБЕЙЛИ Т.Г. Театральная жизнь в Гяндже (1905—1920). — Известия АН Азерб. ССР. Серия литература, язык и искусство. 1983, № 2, с. 92.
20. Каспий. 18.VII.1906; Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (ГИА АР), ф. 421, оп. 1, д. 7, л. 10, 16.
21. Там же, ф. 46, оп. 2, д. 84, л. 3—5.
22. Там же, л. 9, 11—11об.
23. Каспий. 22.IX.1906.
24. См.: КЕРИМОВ И.С. Ук. соч., с. 60—63, 115.
25. Каспий. 29.X.1903.
26. АЛИЕВА А.А. М.Ф. Ахундов и театр. Баку. 1966, с. 17.
27. ГИА АР, ф. 46, оп. 7, д. 437, л. 5—11.
28. Каспий. 2, 5. XII.1908.
29. Там же. 8.XI.1906.
30. Русский артист. 1907, № 5.
31. Таза хаят. 24.IX.1907
32. Закавказье. 26.VIII.1909, № 164.
33. Там же. 1.IX.1910, № 197.
34. МИНАСАЗОВ Г. Избранные произведения. В кн.: Татарское драматическое общество. Баку. 1982, с. 105.
35. Каспий. 24.I.1914, № 19.
36. Игбал. 26.VII.1913, № 436.
37. Там же. 26.IV.1913, № 92; 4.V.1913, № 99; 21.V.1913, № 112.
38. Каспий. 6.VII.1913, № 124.
39. Хаят. 1906, № 117.
40. Иршад. 7.VI.1906, № 139.
41. Там же
42. Там же.
43. Баку. 2.III.1914, № 50.
44. ГИА АР, ф. 46, оп. 2, д. 58, л. 2—3
45. Каспий. 1.II.1916, № 30; АЛИЕВА А.А. Ук. соч., с. 196.
46. Каспий. 1.III.1916, № 97.
47. Там же. 25.X.1917, № 239.
48. Там же. 7.XI.1917.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.О. ПЕЧАТНОВ, И.Э. МАГАДЕЕВ. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование.* Т. 1. М. ОЛМА Медиа Групп. 2015. 656 с. Т. 2. М. ОЛМА Медиа Групп. 2015. 768 с.

В 70-летнюю годовщину завершения второй мировой войны увидело свет документальное исследование «Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны». Оно подготовлено к изданию сотрудниками Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России Владимиром Олеговичем Печатновым и Искандэром Эдуардовичем Магадеевым.

Авторы проекта не ставили цель переиздать сборник 1957 года¹. Это не подборка документов, а детальное документальное исследование, в котором послания лидеров Большой тройки сопровождаются профессионально выполненными научными комментариями. Авторы проанализировали каждое послание, определив его место и роль во всей коалиционной дипломатии, сопоставив содержание документа с общим контекстом союзного взаимодействия. Выявлен подтекст корреспонденции Великого альянса — исторический фон посланий; психологическая атмосфера, в которой определялось их содержание, настроения и заботы, волновавшие в каждый конкретный момент лидеров Большой тройки; работа личных помощников и сотрудников внешнеполитического аппарата по обеспечению подготовки посланий. В итоге на суд читателя представлено целостное сюжетное повествование, характеризующее на основе самой полной и новой историографической и документальной базы все перипетии, тонкости, нюансы и зигзаги личной дипломатии глав трех держав.

В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев изучили около 5 тыс. документов, хранящихся в американских, британских и российских архивах. Многие из архивных данных были использованы впервые не только в отечественной, но и в зарубежной исторической науке. Это ценные и нередко специально рассекреченные в процессе подготовки издания материалы фондов Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Авторы проработали документы Библиотеки Ф. Рузвельта в Гайд-парке, Библиотеки Г. Трумэна в Индепенденс, архивов Форин офис и Кабинета министров Великобритании, личного архива У. Черчилля в Кембридже. Кроме того, оба тома снабжены богатыми по содержанию и качественно выполненными фотоиллюстрациями, подготовленными на основе материалов Архива внешней политики МИД России и Российского государственного архива кинофото-документов.

Послания, опубликованные при издании переписки глав трех государств в 1957 г., были перепроверены с помощью архивных материалов. Авторы отказались от разделения двух каналов корреспонденции председателя Совета министров СССР — с президентами США и премьер-министрами Великобритании — по отдельным томам. Все послания упорядочены в сквозной хронологической последовательности. Если в советской публикации были использованы даты отправления сталинских посланий и получения в Москве корреспон-

денции от западных лидеров, то Печатнов и Магадеев исходили из порядка дат отправления посланий всех трех корреспондентов. Даты и названия документов были скорректированы, и лишь применительно к безымянным посланиям были использованы заголовки издания 1957 года. Для восстановления хронологически точной картины переписки лидеров Большой тройки в опубликованных документах проставлены сразу обе даты — отправления и получения послания — соответственно слева и справа после заголовка.

Авторы не стали группировать документы по проблемно-тематическим блокам, что применительно к насыщенной множеством переплетающихся вопросов и процессов переписке глав Большой тройки крайне затруднительно. Концентрация внимания на каких-то одних проблемах дипломатии Антигитлеровской коалиции неизбежно вела бы к размыванию логики повествования, нарушению целостности восприятия конкретных эпизодов и фактов взаимодействия глав государств и оттеснению на второй план — в фоновую область — отдельных тем. Сквозной порядок посланий раскрывает исторический контекст, в русле которого шло обсуждение конкретных вопросов главами Большой тройки, влияние на формирование повестки их общения разногласий или, наоборот, единства мнений по различным аспектам переписки в определенные исторические моменты.

Работа Печатнова и Магадеева имеет оглавление, заголовки которого отражают этапы дипломатической истории второй мировой войны. Следует отметить продуманное и профессионально написанное предисловие, раскрывающее процесс подготовки этой публикации и его специфику, а также заранее снимающее все возможные вопросы читателя к авторам. Хронологически последовательно расположенные документы дополнены именным и предметным указателями.

В историографии давно подчеркивается асимметрия треугольника Рузвельт — Черчилль — Сталин. Главы США и Великобритании начали переписку друг с другом много раньше, и познакомились лично еще до вступления США в войну. Их первая очная встреча со Сталиным произошла позже: Черчилль приехал в Москву в августе 1942 г., Рузвельт увидел хозяина Кремля уже на Тегеранской конференции. Англо-американские союзники выработали общую стратегию ведения войны, предоставив Советскому Союзу до июня

1944 г. нести всю тяжесть борьбы с нацистской Германией. Идеологически Черчилль и Рузвельт были ближе друг к другу и отдалены от «кремлевского диктатора» географически и линиями фронтов. К тому же, их переписка не была осложнена тонкостями перевода.

Однако, несмотря на плотность эпистолярного общения премьера и президента, они не выступали единым фронтом. Общая стратегия выработывалась нелегко. Хозяин Белого дома не желал, чтобы США следовали интересам Лондона и защищали британские колонии в ходе «периферийной войны». Так, 1 июля 1944 г., уже после высадки войск союзников в Нормандии, в ответ на настойчивые предложения Черчилля перебросить часть сил в Италию, Рузвельт ответил отказом и напомнил британскому премьеру азы геометрии: «Кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая линия»². Несмотря на вежливый стиль послания президента, в нем отчетливо читается нотация учителя нерадивому ученику.

В отличие от жесткого, порой вспыльчивого и непримиримого по отношению к коммунизму Черчилля, более спокойный и готовый к компромиссу Рузвельт не оставлял надежд «цивилизовать» русских и со временем привести их в семью «свободолюбивых наций». США не были связаны с острыми для Сталина российско-британскими противоречиями в Средней Азии, с Галлиполийской кампанией, предпринятой в 1915 г. по инициативе Черчилля, с санитарным кордоном против Советской России, с британо-советским кризисом 1927 г., с безрезультатными англо-франко-советскими переговорами апреля-августа 1939 года. Это обстоятельство нередко накладывало отпечаток на тон корреспонденции: Рузвельт и Черчилль к моменту начала прямого диалога со Сталиным имели разный опыт взаимодействия с Россией/СССР и не во всем совпадающие представления о персональных и политических характеристиках советского руководителя. Благодаря предложенному Печатновым и Магадеевым «одновременному» порядку представления писем Сталина Рузвельту и Черчиллю и их ответных посланий по одним и тем же проблемам, личностная специфика отношений между лидерами трех держав оказалась на поверхности. Своеобразное восприятие Рузвельтом и Черчиллем хода мыслей и моделей поведения Сталина позволила авторам исследования представить многомерный и сложный характер советского руководителя. Образ Сталина воссоздан с мак-

симальной исторической достоверностью в ситуациях конкретных дипломатических реалий военного времени.

Самыми большими по объему и при этом наименее открытыми и доверительными были послания британского премьера. Заботясь об интересах Британской империи, Черчилль желал воевать с Гитлером руками русских, тем самым сохранить силы Великобритании и ослабить ее давнего соперника в Средней Азии. Однако премьер-министр не мог допустить капитуляции СССР или заключения им сепаратного мира с Германией. Черчилль придерживался дипломатичного стиля общения со Сталиным, но, затягивая оказание реальной помощи, использовал уклончивые формулировки, избегал конкретных обязательств. В результате британский премьер наталкивался на «плохие манеры» Сталина — краткость и деловой стиль посланий советского маршала, детально вникавшего в суть каждого вопроса и конкретно, точно и твердо излагавшего свое мнение.

В этом отношении показательно послание советского лидера британскому премьеру от 13 октября 1942 года. По мнению Печатнова и Магадеева, «по разнице между объемом текста и размахом развернувшейся вокруг него дискуссии» это послание занимает первое место. Получив во время тяжелейших боев под Сталинградом фактический отказ в открытии второго фронта в 1942 г. и приостановку на неопределенный срок северных конвоев, взамен которых были предложены переброска англо-американских эскадрилий на Кавказ и проведение операций в Северной Норвегии, Сталин скупой ответил: «Ваше послание от 9 октября получил. Благодарю». Эти «семь слов произвели смятение в британском Кабинете министров». Раскрыв читателю процесс подготовки советского ответа, авторы документального исследования представили аргументированное резюме: британские инициативы и предложения «требовали согласований, переговоров и, главное, — времени на их подготовку и осуществление. Сталину же, пользуясь его выражениями, нужны были дела, а не слова, и он не стал возиться с ответом Черчиллю, сочтя, видимо, что краткое подтверждение будет лучше, чем ввязываться в полемику с премьером по сути поднятых им вопросов» (т. 1, с. 260—263).

Британский лидер был одновременно и возмущен, и озадачен кратким ответом Сталина. Однако Черчилль прекрасно понимал причины

советской холодности. Благодаря документу, найденному авторами исследования в Архиве внешней политики, мы имеем еще одну интересную оценку английским лидером советского маршала и вклада СССР в борьбу с нацистской Германией. В начале февраля 1943 г. Черчилль, наверняка рассчитывая расположить к себе хозяина Кремля, «признался» Майскому: «Сталин — реалист. Его не проймешь словами... первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: "Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 г.? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 г.?" А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем... дома у него действительно делаются большие дела» (т. 1, с. 328).

Переписка между Сталиным и Рузвельтом была более персонализирована и дружественна. Конечно, президент был тактичен и официален в своих посланиях к советскому лидеру. Но, в отличие от британского премьера, Рузвельт стремился добиться расположения Сталина, развивая доверительные отношения, столь остро необходимые в условиях сотрудничества против общего и крайне опасного противника. Печатнов и Магадеев показывают стремление президента придать тексту некоторых особо важных писем «более теплый и личный характер». Так к подготовленному помощниками черновику послания от 18 августа 1942 г., содержавшему довольно абстрактное обещание отправить в СССР «свыше тысячи танков», Рузвельт дописал глубокий по своему смыслу абзац: «Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 г., и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне...» (т. 1, с. 229—230).

Для выявления личного отношения лидеров Великого альянса друг другу и к обсуждавшимся проблемам важен анализ правки, которую они вносили в подготовленные черновики посланий. В работе Печатнова и Магадеева показаны различия, зачастую весьма существенные, между оригиналами заготовок и отправленными депешами. Изменения и дополнения, внесенные Сталиным, Черчиллем и Рузвельтом в черновики их писем, выделены в текстах документов курсивом, вычеркну-

тое ими взято в скобки. Характеризуя процесс подготовки посланий в научных комментариях, авторы документального исследования раскрывают вклад трех лидеров в дипломатическую практику своих государств. Проанализированы степень и характер участия их помощников и советников, членов правительства, руководителей и сотрудников внешнеполитического ведомства, военных и иных теневых соавторов корреспонденции, отправлявшейся от лица главы государства.

В ряде случаев Сталин добавлял в подготовленные Молотовым черновики посланий Черчиллю более жесткие и веские фразы. Например, в заготовке ответа на письмо премьера с просьбой помочь Варшавскому восстанию нарком иностранных дел сделал упор на сомнительность и недостоверность информации о действиях польской подпольной армии. Дописанные хозяином Кремля предложения были куда более прямыми и свидетельствовали о хорошей информированности советской стороны о происходящем в Варшаве: «Краевая Армия поляков состоит из нескольких отрядов, которые неправильно называются дивизиями. У них нет ни артиллерии, ни авиации, ни танков. Я не представляю, как подобные отряды могут взять Варшаву, на оборону которой немцы выставили четыре танковые дивизии, в том числе дивизию "Герман Геринг"» (т. 2, с. 232—233).

Печатнов и Магадеев представили полную картину работы внешнеполитических аппаратов трех держав — обсуждений, озвученных мнений и сделанных выводов по тому или иному вопросу. Несомненно, наиболее важными из них были проблема открытия второго фронта и многогранный польский вопрос. И хотя большинство разногласий пришлось на англо-советский канал корреспонденции, авторы исследования проанализировали каждую проблему в ракурсе трехсторонних отношений Великого альянса. Например, раскрывая переписку Сталина и Черчилля по вопросу о будущей советско-польской границы, Печатнов и Магадеев детально охарактеризовали содержание, мотивы и последующую реакцию союзников на ответ советского маршала британскому премьеру от 23 марта 1944 года. Они показали американское восприятие текста этого послания, по поводу которого ярко высказался У. Леги: «...это самый жесткий и недипломатичный документ, который я когда-либо встречал в отношениях между вроде бы дружественными государствами» (т. 2, с. 100—102).

Индикатором ценности сотрудничества трех держав стал Бернский инцидент, дипломатическая сторона которого получила в работе Печатнова и Магадеева детальную оценку. Несмотря на остроту вопроса, грозившего обрушить единство Антигитлеровской коалиции, главы трех держав, вопреки всем разногласиям, смогли высказать друг другу главное. Слова каждого из лидеров Большой тройки отразили отношение к возможности личной дипломатии и к важности диалога. В письме Черчиллю 7 апреля 1945 г. Сталин написал о том, что «русская точка зрения» по этому вопросу «гарантирует права любого союзника и отнимает у врага всякую возможность сеять недоверие между нами». Маршал подчеркнул: «Мои послания являются личными и строго секретными. Это дает возможность высказываться ясно и откровенно. В этом плюс секретной переписки» (т. 2, с. 498—499). Стремясь минимизировать негативные последствия Бернской встречи, американский президент резюмировал в послании Сталину: «...не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем» (т. 2, с. 501). Это было последнее письмо Рузвельта советскому лидеру, полученное 13 апреля. Черчилль ответил Сталину на следующий день. Сожалея о смерти Франклина Рузвельта, английский премьер акцентировал значение сотрудничества держав: «Вы и я связаны друг с другом многочисленными проявлениями любезности и приятными воспоминаниями даже в обстановке всех тех опасностей и трудностей, которые мы преодолели... От дружбы масс наших народов, от взаимопонимания наших правительств и от взаимного уважения наших армий зависит будущее всего мира» (т. 2, с. 517). Тем самым, на сложном этапе начала реализации Ялтинских соглашений все три лидера, пускай и в свойственной каждому манере, сошлись в одном — в важности сохранения доверия друг к другу.

Однако новые испытания послевоенного урегулирования и смена двух из трех корреспондентов постепенно привели к утрате взаимного доверия и затруднили продолжение сотрудничества. Повышение градуса напряженности в личной дипломатии лидеров Великого альянса, произошедшее в мае-июне 1945 г., побудило авторов документального исследования существенно раздвинуть границы анализа подоплеку переписки. Не изученные ранее архивные данные, найденные в российских, ан-

лийских и американских архивах, Печатнов и Магадеев интегрировали в настоящее издание. Новые документы выделены жирным курсивом. Их объем на протяжении всей работы постоянно увеличивался. В качестве одного из примеров можно привести публикацию черновика так и не отправленного гневного послания Черчилля Сталину от 23 июня 1945 года. Вместо него на следующий день в Москву ушло совершенно спокойное и дружелюбное письмо. Этот сюжет примечателен упоминанием в предисловии советского издания «Переписки». Однако советские читатели могли найти текст черновика послания лишь в мемуарах Черчилля. Теперь, благодаря кропотливой работе Печатнова и Магадеева с зарубежными архивными фондами, российский читатель получил возможность использовать оригинальный текст и, главное, понять скрытую канву переписки.

Рассматривая развертывание переписки в хронологической последовательности, авторы отразили сложную диалектику перехода от обсуждения вопросов военной стратегии и тактики к проблемам послевоенного урегулирования. Правда, следует отметить, что в авторских комментариях военная проблематика доминирует. В результате, за пределами повествования и анализа остались некоторые важные аспекты англосаксонского, в первую очередь американского, планирования послевоенного миропорядка, создания заготовок либерального мироустройства. Отчасти это объяснимо тем, что отдельные аспекты этой работы, выполнявшейся в

США на протяжении всей войны и влиявшей на позицию Рузвельта по многим глобальным и региональным темам трехстороннего диалога, нашли частичное отражение в отдельной монографии Печатнова, изданной в 2006 году.

Ценность рецензируемого документального исследования не только в том, что в нем представлены новые материалы, но и в том, что авторы воссоздают исторический фон переписки, органично включая в него процесс формирования посланий, оттачивания формулировок его положений. В этом смысле исследование можно считать уникальным. Научный тандем Печатнова и Магадеева подготовил качественный труд, высоко подняв планку аналитического осмысления дипломатии Велико-го альянса.

В.Т. ЮНГБЛЮД

Примечания

Рецензия подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ — 9803. 2016.

1. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: в 2-х томах. М. 1957; 2-е изд. М. 1976.
2. Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence, vol. III, p. 232.

Н.М. ВАЛЕЕВ. К.И. Невоструев: творческая биография ученого. Переписка. М. Издательство «Перо». 2015. 425 с.

На современном этапе развития исторической науки наблюдается устойчивый интерес к исследованиям, проведенным в жанре персональной истории. В то же время широко известны имена далеко не всех ученых, особенно уроженцев небольших уездных городов, оставивших заметный след в становлении исторической мысли дореволюционной России. Так, например, заслуживает внимания вышедшая в 2015 г. монография доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Республики Татарстан Наиля Мансуровича Валеева, посвященная жизни и деятельности Капитона Ивановича Невоструева (1816—1872).

Трудно представить, но имя К.И. Невоструева, являвшегося выдающимся филологом и археографом, археологом, историком, членом-корреспондентом императорской Академии наук, членом Сербского ученого общества в Белграде и Югославской академии в Загребе, профессором богословия Московской духовной семинарии, сейчас знакомо только узкому кругу специалистов. Тем ценнее выход в свет монографии о нем.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, четырех частей, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений и приложений.

В предисловии автор отмечает, что биография Невоструева раскрывается «в различ-

ных ракурсах и аспектах его жизни, научной деятельности и эпистолярного наследия», а главная задача, которую ставит перед собой автор — показать на основе непростого творческого пути ученого редкий и столь необходимый в наше время пример бескорыстного служения Отечеству и людям.

Повествование о Капитоне Ивановиче начинается с рассказа о семье Невоструевых. Этому посвящена первая часть книги, названная «Биографические очерки». Самое непосредственное влияние на Невоструева оказал его отец — законоучитель Елабужского трехклассного училища и священник церкви Святого Николая. Будучи человеком образованным, он тщательно следил за развитием своих детей, сумев уже в ранние годы привить им любовь к книге и знаниям. В результате двое из шести сыновей простого уездного священнослужителя стали профессорами.

В этом отношении интересна судьба старшего брата Невоструева. Автор убедительно показывает, что профессор Вифанской духовной семинарии, а в последствии протоирей Московского Казанского собора Александр Иванович Невоструев (1806—1872) являлся крупным ученым-филологом, в совершенстве владевшим многими древними языками. Он посвятил всю свою жизнь исследованию славянских церковных рукописей, сличению их с греческими текстами, многочисленным переводам, а также составлению грандиозного по объему труда — греко-славянского церковно-библейского словаря, который, к сожалению, не был закончен¹. Тесное общение между братьями, продолжавшееся долгие годы², во многом способствовало становлению личности Капитона Невоструева.

Второй раздел первой части книги посвящен анализу учебной и научно-педагогической деятельности Невоструева, важным этапом в жизни которого стало пребывание в стенах Московской духовной академии (1836—1840). Здесь он сблизился с профессором, а в последующем и ректором академии Александром Васильевичем Горским. Именно А.В. Горский, близко знакомый с такими известными исследователями, как М.П. Погодин, И.И. Серезневский, М.И. Сухомлинов, А.Н. Муравьев и др., позже ввел Капитона Ивановича в мир «большой науки», предложив ему заняться описанием славянских рукописей Московской синодальной библиотеки.

После окончания академии Невоструев был распределен преподавателем во вновь открыв-

шуюся Симбирскую семинарию. Приводя воспоминания ее учеников, автор рисует живой и яркий образ молодого педагога, покорявшего своих подопечных не внешним видом или излишним красноречием, а глубиной знаний. То, что задатки пытливого исследователя отчетливо проявились с первых лет его пребывания в Симбирске, нашло выражение и в пробудившемся у него интересе к археологии и церковной истории Поволжья. Это сблизило Капитона Ивановича с историком Погодиным, приезжавшим в Симбирск, крупным коллекционером и библиографом В.М. Ундольским, видным поэтом пушкинской плеяды Н.М. Языковым, губернатором А.П. Гевличем, симбирским епископом Феодосием и многими другими известными людьми. Здесь же Невоструев приобрел первый опыт работы по описанию и систематизации архивных материалов. В частности, им были разобраны и приведены в порядок документы монастырских архивохранилищ местной епархии. Валеев подчеркивает, что, занимаясь этим, ученый руководствовался не только своими научными интересами, но, в первую очередь, думал о будущих поколениях исследователей и важности сохранения исторического наследия.

За время пребывания в Симбирске Капитон Иванович собрал уникальный материал по истории Поволжья. Однако Валеев с сожалением констатирует, что его рукописи о монастырях Симбирской епархии, а также несколько сот скопированных в полном объеме подлинников различных документов и краткие извлечения из архивных материалов общим объемом 14 тетрадей большого формата до 150 страниц каждая, остались неопубликованными.

Вместе с тем, у Невоструева сохранялся большой интерес к славянской церковной истории. Его глубокие познания в области древних языков и упорная работа в данном направлении послужили основой для его приглашения в 1849 г. в Москву с целью описания рукописей Синодальной библиотеки. Этому новому этапу биографии Капитона Ивановича посвящена вторая часть книги «Подвижнический труд».

Изучение переписки Невоструева позволило Валееву установить еще один важный и ранее неизвестный факт — предложение заняться описанием материалов Синодальной библиотеки от митрополита Филарета получил также старший брат Капитона Ивановича Александр³. Таким образом, «во всей огромной тогда России два брата, независимо друг

от друга, были назначены на одно и то же дело! Не нашлось в стране более компетентных специалистов, способных совершить подобный подвиг самозабвенного служения Отечеству», — отмечает автор (с. 64).

Отправляясь в Москву, Невоструев еще не знал, какой титанический труд ему предстоит проделать. Только через 23 года упорной работы, ставшей для Невоструева делом всей жизни, вышли в свет первые пять томов «Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки».

Следует отметить, что, анализируя научную работу Невоструева, Валеев не идеализирует личность Капитона Ивановича, справедливо указывая на его ошибки и заблуждения как исследователя. В частности, автор отмечает, что в рассмотрении отдельных вопросов, касающихся православия, ученый был тенденциозен и, кроме того, «как кажется, Невоструев несколько преувеличивал свои возможности, считая себя специалистом в области собственно богословия» (с. 61).

Такой же сдержанный и обоснованный подход проявляется в попытке Валеева оценить персональный вклад Капитона Ивановича в составление «Описания...» Решая эту задачу, Наиль Мансурович предлагает выделять два периода (стадии) в проведении научной работы. На первом этапе молодой и еще не обладавший такими знаниями, как Горский, Невоструев трудился под контролем и руководством своего наставника; на втором — по прошествии нескольких лет — созидал уже в большей степени самостоятельно.

Вышедшие в свет несколько томов «Описания...» удостоились высокой оценки в научных кругах того времени. Анализ отзывов на эту работу представлен в отдельном разделе второй части книги, где приводятся многочисленные письма и высказывания таких крупных ученых, как академики И.И. Серезневский, А.Ф. Бычков, археографа и историка литературы Е.В. Барсова, выдающегося хорватского филолога-слависта И.В. Ягича, ученого секретаря Югославской академии Юрия Даничица и многих других.

Однако вся картина грандиозного труда, проделанного Невоструевым, не была бы полной без умелых авторских зарисовок условий его работы и образа жизни. Гармонично вплетенные в основную канву монографии описания характера Невоструева, поступков, желаний и сомнений ученого позволяют взглянуть на Капитона Ивановича глазами простого человека и

понять весь трагизм его добровольного подвига самопожертвования личной жизнью во имя высших интересов и служения Отечеству.

Отметим также, что автор не ограничивается анализом главной работы Невоструева по составлению «Описания...». Много внимания в монографии уделяется рассмотрению других трудов ученого и отзывам на них современников. Валеев анализирует книги Капитона Ивановича о Мстиславовом Евангелии XII в., «Слово святого Ипполита об антихристе», оценивает его вклад в открытие и изучение Ананьинского могильника, приводит многочисленные рецензии, написанные Невоструевым.

При осмыслении масштаба личности Невоструева важную роль играет обращение к его эпистолярному наследию, представленному в третьей части книги «В переписке с современниками». Здесь приводятся многочисленные письма и выдержки из них к таким известным деятелям, как историки Погодин и Н.А. Попов; к одному из основоположников славянской филологии в России В.И. Григоровичу, к архиепископу Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию, председателю Московского археологического общества, графу А.С. Уварову, профессору Д.В. Разумовскому, археологу, этнографу, историку литературы А.А. Котляревскому и многим другим. Эта переписка, главная тема которой — книги и обмен мнениями по актуальным вопросам развития исторической науки, палеографии, археологии, является живым свидетельством научной и церковной жизни России 50-х — 70-х гг. XIX столетия.

В четвертой части книги «Малая родина» автор подробнее останавливается на рассмотрении исследований Невоструева, связанных со Средним Поволжьем. Наиболее значимыми из них являются: «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом», «Елабужские древности», «Чертово городище», «Ананьинский могильник (Вятской губернии, близ города Елабуги)», «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской». Анализируя эти работы на основе обширного круга новой научной литературы в области истории и археологии, Валеев приходит к выводу об их актуальности в настоящее время, отмечая, что названные труды Невоструева, часть которых сохранилась только в рукописях, еще ждут своих исследователей.

Весьма интересной является переписка Капитона Ивановича с его земляками — из-

вестным художником И.И. Шишкиным, выполнившим по просьбе ученого зарисовки вида Елабужского городища, и его отцом — городским головой И.В. Шишкиным, которому Невоструев помогал в издании «Истории города Елабуги». Данная корреспонденция, хранящаяся в фондах РГАЛИ и НИОР РНБ, помогает уточнить многие ранее неизвестные факты об исследованиях памятников древности, проводившихся Капитоном Ивановичем в Поволжье.

В заключении автор подводит итоги своего исследования. Наряду с собственной оценкой научных заслуг Невоструева, Валеев приводит высказывания о нем известных современников и исследователей XX века. Так, большой утратой кончину Капитона Ивановича считал председатель Общества любителей российской словесности, славянофил, философ, писатель И.С. Аксаков. О необходимости и важности глубокого изучения наследия ученого говорил выдающийся русский литературовед и критик В.В. Кожин во время личных бесед с Валеевым в 1999 году. За исследование об Ананьинском могильнике член-корреспондент АН СССР, археолог А.В. Арциховский называл Невоструева автором «первой серьезной работы по первобытным древностям России», а академик М.Н. Тихомиров считал Капитона Ивановича «одним из создателей русской палеографии».

Большую научную ценность имеют приложения к книге, в которых представлены составленные автором «Летопись жизни и творчества» Невоструева, а также перечень его научных трудов и публикаций, включающий 96 работ. Далее приводятся сведения о письмах Капитона Ивановича разным лицам, хранящихся в центральных библиотеках и архивах России, выдержки из корреспонденции к Горскому. Обширную по объему часть приложений составляет публикация древних документов из личного архива Невоструева и его работ: «Ананьинский могильник (Вятской губернии, близ города Елабуги)», «Елабужские древности», «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в ны-

нешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской».

Характеризуя книгу в целом, отметим, что она является результатом длительного, скрупулезного труда и подготовлена на основе широкого круга литературы и документальных источников из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Государственного архива Кировской области (ГА КО), Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), отдела рукописей Института русской литературы и искусства Российской Академии наук (ОР ИРЛИ РАН), Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Издание отличает хороший литературный стиль, сочетающий популярность изложения и академичность.

Книга Валеева — важный шаг к возвращению из небытия имени подвижника российской науки, знакомство с многообразным наследием которого, будет интересно как научной общественности, так и широкому кругу читателей.

М.С. СУДОВИКОВ, А.М. РАФИКОВ

Примечания

1. Позже, по словам Валеева, авторство словаря было ошибочно приписано рядом современников Невоструеву, как человеку более известному в научных кругах.
2. В настоящее время архив братьев Невоструевых с их перепиской и другими материалами находится в Российской государственной библиотеке (ф. 193, 194) и доступен для исследователей.
3. А. Невоструеву предлагали заняться описанием греческой части библиотеки, а Горский и К. Невоструев должны были работать со славянскими рукописями.

Contents

Articles: **A.V. Maiorov**. Opening by N.M. Karamzin Ipatiev chronicle. Historical profiles: **E.M. Mironova**. Evgeniy Vasilievich Sablin. Contributions: **K.N. Maksimov**. German occupation policy in Kalmykia in August-December of 1942 and its consequences; **D.N. Maslyuzhenko, G.H. Shamigulov**. Turkic yasak parish in Private in the first half of the XVII century; **N.V. Fedorov**. Armed forces of the Kuomintang in Indochina after the end of the civil war in China. Diplomacy in history: **A.M. Filitov**. The triangle Moscow-Berlin-Bonn, and the European policy of détente in 1969—1970. Debatable issues: **A.N. Dugin**. The cipher telegram of I.V. Stalin dated 10 January 1939 (source analysis). History and fates: **L.V. Vyskochkov**. Nicholas I: portrait in miniature. People. Events. Facts: **Yu.V. Krivosheev**. Unknown pages of the biography of the orientalist A.Y. Yakubovsky; **A.N. Belkov**. “Fighting way” — organ of the Russian punitives; **A.G. Sharikov**. The Chechoslovak revolt in Penza, according to eyewitnesses; **V.P. Rumyantsev, E.V. Khakhalkina**. The theory of the frontier on the outbreak of the second world war; **E.R. Vagabova**. The origin of theater in Norther Azerbaijan in the late XIX—XX century. Historiography: **Reviews on books: V.O. Pechatnov, I.E. Magadeev**. Correspondence of I.V. Stalin with F. Roosevelt and W. Churchill during the second World War. Documentary (by V.T. Yungblud); **N.M. Valeev**. K.I. Nevostruev: biography of a scientist. Correspondence (by M.S. Sudovikov, A.M. Rafikov).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 1, 2017

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.12.2016. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 6445-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

Индекс 70145

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**